

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Исторические науки”

Том 24 (63). № 2

спецвыпуск «История Украины»

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2011

ISSN 1606-3715

Свидетельство о регистрации – серия KB № 15711-4182Р
от 28 сентября 2009 года

Редакционный совет журнала

«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:

Багров Н. В. – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)

Шульгин В. Ф. – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)

Дзедолик И. В. – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)

Члены совета (редакторы серий):

Бержанский В. Н. – д. ф.-м. н., проф.

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф.

Вахрушев Б. А. – д. г. н., проф.

Казарин В. П. – д. филол. н., проф.

Климчук С. В. – д. э. н., доц.

Копачевский Н. Д. – д. ф.-м. н., проф.

Подсолонко В. А. – д. э. н., проф.

Темурьянц Н. А. – д. б. н., проф.

Ротань В. Г. – д. ю. н., проф.

Шоркин А. Д. – филос. н., проф.

Юрченко С. В. – д. полит. н., проф.

Редакционный совет серии "Исторические науки":

Айбабин А. И., доктор исторических наук, профессор

Ганкевич В. Ю., доктор исторических наук, профессор

Непомнящий А. А., доктор исторических наук, профессор (редактор выпуска)

Петрова Э. Б., доктор исторических наук, профессор

Филимонов С. Б., доктор исторических наук, профессор

Храпунов И. Н., доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия спецвыпуска "История Украины":

Акулов М. Р., доктор исторических наук, профессор

Бачинская Е. А., доктор исторических наук, профессор

Ганкевич В. Ю., доктор исторических наук, профессор

Непомнящий А. А., доктор исторических наук, профессор (редактор)

Смынтына Е. В., доктор исторических наук, профессор

Хмарский В. М., доктор исторических наук, профессор

Подписано в печать 27.05.2011. Формат 70x100 1/16. 12,19 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/11-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 24 (63), № 2 : Спецвипуск «Історія України»

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2011

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2011 г.

УДК 930.253:069 (477.75)

З ІСТОРІЇ РОЗВИТКУ МУЗЕЙНОЇ СПРАВИ У СЕВАСТОПОЛІ: ЗА МАТЕРІАЛАМИ ГАЗЕТИ «МАЯК КОММУНЫ»

Акімченков В. В.

Розглянуті окремі факти діяльності Картинної галереї та Музею революції у Севастополі протягом 20-х – 30-х років ХХ століття на основі матеріалів газети «Маяк Коммуны». Здійснена спроба наблизитись до осмислення історичного змісту тієї епохи шляхом виявлення рівня наукових та персональних зв'язків краєзнавців.

Ключові слова: Севастополь, музей, галерея, «Маяк Коммуны».

*«В Севастополе, который имеет все черты
мирового города, должна быть развернута большая краеведческая
работа. Севастополь имеет полное право на создание
отдельной краеведческой дисциплины – Севастополеведения».
(«Маяк Коммуны», 16 жовтня 1926 р.)*

У широкому спектрі факторів обумовлюючих збереження цінностей вітчизняної культури, формування історичної пам'яті та забезпечення спадкоємності культурно-історичного розвитку, особливе місце належить музеям. Питання стосовно музейного будівництва 20-х – 30-х років ХХ століття у СРСР тільки-но набуває актуальності у вітчизняній історичній науці [1]. Дослідження досвіду музейної справи дає можливість наблизитись до осмислення змісту тієї історичної епохи. Мінливість державної політики у цій сфері завжди призводило до зміни статусу музеїв. Яскравий приклад того – діяльність кримських музейних установ у 20-ті – 30-ті роки ХХ століття.

Вже доведена важливість місцевої преси як ґрунтового історичного джерела, за допомогою якого можливо відновити об'єктивну та повну історію поставленої проблеми [2]. Це продиктовано необхідністю розширення джерелознавчої бази з історії музейної справи. Серед цих видань вирізняється газета «Маяк Коммуны», котра видавалась у Севастополі з грудня 1920 року як орган Севастопольського районного комітету ВКП(б). На її сторінках відображена діяльність як музеїв Севастополя, так і окремих музеїв Південного узбережжя Криму. Матеріали газети охоплюють всі сфери культурного та наукового життя півострова. Вони характеризують загальний стан музейної справи регіону на фоні пам'яткоохоронної та археологічної діяльності подібних установ. Усе це, в свою чергу, дозволяє виявити рівень наукових та персональних зв'язків краєзнавців, які впливали на подальше усталювання краєзнавства в регіоні та залучали до свого наукового кола молодих дослідників. У діяльності останніх ця співпраця знаходила відбиток, який кожен з них в подальшому – зі своєю специфікою, реалізовував в процесі розвитку краєзнавчого руху в масштабах СРСР.

Тенденції у сфері музейної діяльності 20-х років ХХ століття мають свої специфічні риси які суттєво відрізняють його від наступного десятиліття радянської

історії. Об'єднаним органом управління музейними установами РРФСР, у цей час, був Головмузей Наркомосу РРФСР, який мав всі повноваження стосовно розпорядчої, планової, облікової та звітної діяльності останніх, забезпечуючи їх ефективний організаційний та дослідницький процес. У свою чергу керуючим органом з відновлення мережі музеїв Кримської АСРР з 1921 року став Кримський відділ зі справ музеїв та охорони пам'яток мистецтва, старовини, природи та народного побуту (КримОХРІС). До 1922 року усі кримські музеї перебували на фінансуванні із місцевого бюджету, адміністративно підпорядковуючись регіональним відділам народної освіти. З 1922 року Херсонеський музей, Панорама оборони та Військово-історичний музей були прийняті на утримання Головмузея Наркомосу РРФСР, але вже 1926 року знову повернуті на фінансування із бюджету Кримської АСРР, при чому до 1930 року на держбюджетному забезпеченні знаходились лише Херсонес та Севастопольське музейне об'єднання.

На початку 30-х років XX століття музейна справа вливається в загальне річизне соціалістичного будівництва. Саме в цей час доводиться до життя соціалістична методологія побудови музеїв, основи котрої опрацьовувались ще наприкінці 20-х років XX століття [3]. Постановою Президії Всесоюзний Центральний виконавчий комітет «Про стан та завдання музейного будівництва в автономних радянських соціалістичних республіках та автономних областях» від 20 серпня 1933 року було вирішено, що «музеї національних республік та областей, котрі повинні бути одним з опірних пунктів марксистсько-ленінського виховання та технічною базою пропаганди серед широких мас – в дійсності, ані за характером, ані за якістю своїх експонатів, не відповідають своєму призначенню» слід привести до належного стану [4].

Значна увага на сторінках газети була приділена Картинній галереї Севастополя, яку було офіційно відкрито 6 листопада 1927 року. Ця подія була присвячена до десятої річниці Жовтневої революції. Але слід зазначити, що рішення про відкриття галереї було прийнято ще 1924 року, та лише на весні 1927 року міська влада виділила приміщення по вулиці Л. Д. Троцького (до революції – Нахімовський проспект), 35, де раніше знаходився кінотеатр «Лотос». У дев'яти залах було розміщено 438 картин та 44 скульптури. Ядро колекції склали витвори мистецтва Ялтинського художнього музею, який був переведений до Севастополя за рішенням Раднаркому Криму, а також близько 90 полотен підібраних для майбутньої галереї Державним музейним фондом ще 1925 року та привезених із Центрального музею Тавриди. Очолив Севастопольську картинну галерею Анатолій Григорович Коренев (1868–1943), який раніше керував Художнім музеєм у Ялті. На посаду наукового співробітника призначили М. П. Крошицького (1894–1972).

Першим кроком до створення музею виявилась художня виставка картин 1925 року із фондів Центрального музею Тавриди у будівлі колишнього меморіального музею Л. М. Толстого, які увійшли до складу ядра колекції. Вона зайняла три кімнати та була представлена картинами Генріха Іполитовича Семирадського, Василя Васильовича Верещагіна, Івана Івановича Шишкіна, Віктора Михайловича Васнецова, Миколи Костянтиновича Рєріха, Олександра Осиповича Орловського, Ісака Ілліча Левітана, Валентина Олександровича Серова, Олексія Петровича Боголюбова та Михайла Васильовича Нестерова. У першому залі демонструвалися картини М. А.

Касаткіна («Сцена в коридорі окружного суду») та І. І. Шишкіна («Сосна»). У другому залі переважали витвори більш пізніх митців зі «Світу мистецтв» та «Союзу російських художників». Тут розташували витвори Г. І. Семирадського («Блудний син»), К. Є. Маковського («Певчие»), малюнки М. Д. Кузнецова, великі полотна М. Н. Бубовського та М. П. Хімони («Види Фінляндії»), маленькі полотна Л. С. Рижова («Пейзаж»), В. І. Якобія («Перед дуеллю») та Н. Левченко («Пейзаж»). Останній зал містив витвори В. О. Серова, В. В. Верещагіна та К. Є. Маковського. Але він був настільки погано освітлений та тісний, що викликало незручності під час екскурсій. Перед керівництвом була поставлена умова – якщо не знайдуть інше приміщення для картин, то їх повернуть до Центрального музею Тавриди [5, с. 8].

У липні 1927 року «Асоціація севастопольських художників» [6] провела у галереї виставку живопису, графіки та скульптури. Її окрасою стали пейзажі Максиміліана Волошина, який за висловлюванням редакції газети «<...> бере шматок природи, дикої, бездушної, <...> творить з неї солодку мрію».

Заходи керівництва галереї у 30-ті роки ХХ століття цілком співпадали з методикою побудови музеїв в руслі соціалістичного напрямку, що в першу чергу знаходило відображення в діях що до упорядкування планів роботи установи, які загалом були присвячені «героїчним сторінкам» революційного лихоліття та «ударним» темпам побудови країни Рад під «чуйним керівництвом» Йосипа Сталіна. За таким же принципом проходив й відбір експонатів. Яскравий приклад — придбання картини Юрія Олександровича Меркулова «Острів Ян-Майєн» (1934 р.), оскільки саме у цей час увага радянського суспільства була прикута до боротьби Івана Дмитровича Папаніна та дослідників Арктики з суровими умовами Північного полюсу [17, с. 4].

1930 року до десятиріччя Радянської влади в Криму за ініціативою Центрального Виконавчого Комітету Кримської АСРР та особисто Т. Н. Глаголева була організована пересувна виставка витворів живопису та фото. Вона відвідала Сімферополь, Керч, Феодосію, а вже 10 вересня була відкрита в приміщенні Севастопольської картинної галереї. Структура виставки була розроблена директором галереї — А. Г. Кореневим та мала такі розділи: Громадянська війна та Червона армія, Індустриалізація країни, Реконструкція сільського господарства, Соціальні зрушення, котрі відбулися у побутовому житті населення. Загалом було репрезентовано понад 100 картин тридцяти семи художників, серед яких вирізняються такі відомі кримські митці як: Л. М. Афанасьєв, М. С. Барсамов, М. П. Крошицький, Ю. І. Шпажинський та інші [7, с. 4]. Особливий інтерес серед відвідувачів викликали картини професора М. С. Самокиша («Кавалерійське переслідування у Чонгарського мосту», «Штаб першої кінної армії») та Т. Н. Глаголева («Гризе граніт науки», «Самокритика») які були подаровані картинній галереї. Успіхом серед публіки користувалась картина І. Соловйова «Дві занози» та картини Я. П. Бірзгала «Перебудова плантажу» і «Взяття Перекопу» [8, с. 4].

З 10 по 20 вересня виставку відвідало понад тисячі осіб. Але за висловленням кореспондента газети П. Чілікова, «таке незадовільне відвідування виставки екскурсантами, членами профспілок пояснюється недостатньою роботою серед мас наших культсекторів профорганізацій» [9, с. 4]. Згодом усі вищезгадані установи отримали вказівку включити до своїх планів відвідання цієї виставки. Також готувалась масо-

ва екскурсія військових частин, робітників Морського заводу, Військового порту та інших підприємств міста, у зв'язку з чим виставку продовжили до 10 жовтня.

Наприкінці 30-х років XX століття на сторінках газети почали з'являтися статті та замітки співробітника картинної галереї – Леоніда Митрофановича Афанасьєва (1889–1971) [10], за допомогою яких стає можливим осмислення процесу функціонування галереї у цей проміжок часу. 1938 року галерея разом з Міськкомом комсомолу «на честь 20-ліття Ленінського комсомолу та 21 річниці Жовтневої соціалістичної революції» відкрила виставку художніх витворів членів Севастопольського дому народної творчості та роботи окремих митців [11, с. 3]. Тут були представлені малюнки художників-професіоналів: Ю. І. Шпажинського («Перед заходом») та В. О. Колесова («За читанням»), який вперше презентував свої витвори у Севастополі. Також на виставці мала місце серія рисунків керівника студії дому народної творчості – Н. Є. Єфімова та В. П. Бабенчикова. Багато робіт які змальовували татарське село було представлено Л. М. Афанасьєвим. У цей час у стінах галереї було проведено читання наукових доповідей присвячених діяльності видатних художників світового рівня. Перша доповідь була повідомлена 24 грудня на науково-художній нараді та присвячена голландському живописцю Рембрандту (1606–1669) [12, с. 4]. До цього дня була відкрита виставка гравюр та фотокопій з його витворів [13, с. 4]. У ході доповіді Л. М. Афанасьєв повідомив учасникам наради що у галереї виявлено оригінал картини Рембрандта – «Тріумф Давида» (1658). У зв'язку з цим всі дослідницькі матеріали з цього питання були направлені до Комітету зі справ музеїв Наркомосу Кримської АСРР [14, с. 4]. Кількість відвідувачів галереї з кожним роком невпинно зростала. 1936 року її відвідало 15 тисяч осіб, а вже 1937 року – більш ніж 19 тисяч громадян, тим самим перевиконавши план з обслуговування населення. Оскільки галерея входила в систему Всесоюзного комітету зі справ мистецтв, то вже на початку 1938 року відбулося зниження тарифів на вартість вхідної плати [15, с. 4].

На початку 1938 року Управління зі справ мистецтв Наркомосу Кримської АСРР придбало на виставці картин Московського союзу радянських художників у Сімферополі 27 картин, шість з яких було куплено Севастопольською картинною галереєю. До їх складу увійшли: Олександр Васильович Купрін («Бахчисарайський провулок увечері»), Ігор Еммануїлович Грабарь («Закуток минаючої Москви»), Петро Петрович Кончаловський («Яблука»), Анатолій Андріанович Лебедев-Шуйський («Ранок у горах»), Вітольд Каєтанович Бялиницький-Біруля («Рови зазеленіли») та Володимир Іванович Пшенічников («Прибій»). Однак із часом закупівельна комісія Всесоюзного комітету зі справ мистецтв прислала ще сім картин написаних маслом, один рисунок и одну невелику гравюру на дереві [16, с. 4].

За п'ятнадцять років свого існування галерея зібрала велику кількість дуже цінних пам'яток вітчизняного та світового мистецтва. 1940 року співробітники галереї розпочали розбір запасних фондів для того щоб відобразити історичну послідовність розвитку російського мистецтва. У зв'язку з цим було засновано підвідділ «палацового мистецтва XVIII століття» у якому були розмішені експонати світського живопису XVIII століття: портрет царя Олексія Михайловича кисті невідомого художника, портрети «Царедворець» та «Голіцин» кисті знаменитого кріпосного майстра Василя Андрійовича Тропініна та пейзаж Степана Пилиповича Галактіонова.

не печатать

Фото. 2. В. П. Бабенчиков

не печатать

оки)

Фото. 4. М. П. Крошицкий

не печатать

Фото. 5. Севастополь. Вид на Приморський бульвар (20-ті роки XX століття)

У свою чергу підвідділ живопису першої чверті XIX століття «академічного» напрямлення містив роботи Т. А. Неффа та М. Н. Воробйова, які відображали «смаки аристократії олександрійського та миколаївського часів». Підвідділ живопису другої чверті XIX століття був складений із витворів Карла-Фрідріха Петровича Бодрі («Пряха»), Миколи Адріановича Протопопова («Селянський двір») та серії картин Леоніда Івановича Соломаткіна. Всі ці роботи, за висловлюванням М. П. Крошицького, відображали селянський типаж та побут у формі дотепної сатири, при цьому малюють інтереси та устрій дворянсько-поміщицького середовища. Також було відкрито відділ акварельного живопису у підвалини якого покладено роботи М. О. Зичі, П. Ф. Соколова, О. Є. Єгорова та ін. [18, с. 4].

Безумовно, картинна галерея, як й інші музеї країни, мала свої внутрішні труднощі. Так, наприклад, у зимовий час через холод у приміщенні, галерею фактично не відвідували. Цей факт також знайшов відображення на сторінках газети, де у рубриці «Фотозвинування» було розміщено фото одного з залів галереї у зимовий

період з підписом: «В картинній галереї у вихідний день. Нема жодного відвідувача. У галереї так холодно, як на вулиці» [19, с. 4].

Значна увага на сторінках газети «Маяк Коммуны» була прикута також до Музею революції, оскільки у цей час музеї подібного спрямування були «школами лєнінських настанов з теорії та практики революційного марксизму». Офіційно музей було відкрито у Севастополі 10 червня 1928 року у приміщенні філіалу Херсонського музею по вулиці В. І. Леніна, 49, а окремі планшети знаходились в трьох залах Воєнно-історичного музею [20, с. 8]. Однак, беручи до уваги той факт, що музей повинен був стати центром політичного виховання громадськості, то йому виділили окреме приміщення по вулиці В. І. Леніна, 11. Одразу перед музеєм постало завдання – залучити фахівців до науково-музейної роботи та згуртувати навколо музею учасників революційної боротьби у Севастополі, для допомоги з організації музейних експозицій та накопичення матеріалу. Для цього при ньому було створено гурток «Друзів музею» [21, с. 4]. 1928 року директором музею Л. Гусаковою був виданий «Путеводитель по музею революции» у якому відображена структура та перелік основних експонатів музею [22]. Але вже навесні 1930 року почалось розширення музею [23, с. 4].

6 серпня 1931 року у музеї була відкрита виставка до десятої річниці Севастопольської міської ради робітничих, червонофлотських та червоноармійських депу-

не печатать

сторінках газети відверто декларувалось про те, що матеріали зали «повинні наочно показувати правильність генеральної лінії Ленінської партії». Слід зазначити, що в основу цього відділу лягли матеріали з виставки присвяченої десятої річниці Севастопольської міської ради. Також навколо роботи по створенню відділу було організовано «гурток друзів радянського музею» – популярна у той час форма згуртування громадськості біля нагальних проблем [25, с. 4]. До 7 листопада 1931 року новий відділ підготував виставку на тему «Чотирнадцять Жовтнів», яку Музейне об'єднання відкрило у будівлі Панорами на Історичному бульварі. До цієї ж дати музеєм була створена спеціальна стінгазета «Музейний глядач» та щит присвячений історії музею революції у Севастополі [28, с. 4].

1937 року до двадцятої річниці Жовтневої революції було відкрито новий відділ – «Громадянська війна у Севастополі (1917–1920 роки)» [27, с. 4]. Не зважаючи на те, що у місті існував музей революції, усі історично-революційні пам'ятники Севастополя знаходились у веденні Комітету з охорони пам'яток при Всесоюзному Центральному виконавчому комітеті. 1938 року Президія Міськради затвердила їх остаточний перелік та уповноважила Севастопольське музейне об'єднання до 1 тра-

вня завершити їх паспортизацію та ремонт, на який було виділено 51 тисячу рублів [26, с. 4].

Узимку 1940 року добігав свого логічного кінця процес розпаду Севастопольського музейного об'єднання (СМО), який був формально завершений 13 лютого шляхом складення «Акту ліквідації Севастопольського музейного об'єднання». За цим документом, Музей революції отримав складське приміщення по вулиці Фрунзе, 37 та революційні пам'ятки: кладовище комунарів, пам'ятники П. П. Шмідту та В. І. Леніну. Беручи до уваги той факт, що музей не мав власного приміщення, йому дозволялось тимчасово займати кімнату на нижньому поверсі будівлі музею Кримської війни, де раніше знаходився відділ присвячений подіям 1905 року, кімнату канцелярії та колишній кабінет директора Об'єднання [30, с. 47]. 14 березня 1940 року музей революції остаточно виділився у самостійну організацію [29, с. 2]. У жовтні 1940 року музеєм самостійно була організована чергова виставка «Чорноморський флот у боях за соціалістичну батьківщину» та у зв'язку з двадцятиліттям Кримської республіки наукові співробітники підготували цикл лекцій на цю тему [31, с. 3]. У подальшому музей продовжував функціонувати за тими самими принципами, які їм використовувались ще з часу фундації у 1928 році.

Таким чином, на сторінках газети «Маяк Коммуны» знайшла відбиток історія діяльності низки музеїв: як дуже відомих на теренах СРСР (Панорама, Військово-історичний музей, Державний Херсонський історико-археологічний музей), так і маловідомих (Севастопольський музей краєзнавства, Музей революції, Картинна галерея, Музей печерних міст, Меморіальний музей Л. М. Толстого). Також завдяки цим матеріалам стає можливим охарактеризувати основні тенденції пам'яткоохоронної та археологічної справи Південно-Західного Криму у 20-ті – 30-ті роки ХХ століття.

Список літератури

1. Непомнящий А. А. К биографии первого директора Центрального музея Тавриды Николая Эрнста / А. А. Непомнящий // Український технічний музей : історія, досвід, перспективи : мат-ли 8-ї Всеук. наук.-практ. конф. : 26–28 травня 2011 р., смт. Ворзель / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – К., 2011. – С. 90–93 ; Он же. З історії вивчення кримських пам'яток (кінець XVIII – початок ХХ століття) / А. А. Непомнящий // Перші Зарембівські читання : матеріали Перших всеукр. наук. читань, присвяч. 60-річчю від дня народж. укр. історика та пам'яткознавця Сергія Захаровича Заремби (1947-2003), м. Київ, 23 січня 2007 р. / Центр пам'яткознавства НАН України ; УТОПІК ; упор. О. М. Титова. – К., 2007. – С. 89–103.
2. Непомнящий А. А. Вивчення російськомовної дорадянської періодичної преси Таврійської губернії у сучасному кримознавстві / А. А. Непомнящий, В. В. Бобков // Українська періодика : Історія і сучасність : доп. та повідом. дев'ятої Всеукр. наук.-теорет. конф., Львів 28–29 жовтня 2005 р. / за ред. М. М. Романюка ; Науково-дослідний центр періодики Львівської наук. б-ки ім. В. Стефаника. – Львів, 2005. – С. 207–212.
3. Гриневич К. Э. За новый музей : Херсонесский музей, как первый опыт приложения марксистских идей в музейном строительстве / К. Э. Гриневич. – Севастополь, 1928. – 16 с. ; Он же. К методике музейных экскурсий / К. Э. Гриневич // Педагогическая жизнь Крыма. – 1925. – 9/10. – С. 84–87.
4. О состоянии и заданиях музейного строительства в АССР и АО // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. – 1933. – № 18. – С. 3.
5. Виставка картин в Севастополе // Маяк Коммуны. – 1925. – 19 июля. – С. 8.
6. Перші спроби об'єднання митців Севастополя в єдину організацію відбувались ще у листопаді 1920 року, коли декілька севастопольських художників: Ю. І. Шпажинський, М. П. Крошечкин-

Крошицкий, М. Н. Протопопов, А. Ф. Гауш та його дружина Л. Н. Гауш, Н. М. Янишев створили творчий гурток. На його засіданнях велись палкі диспути о принципах та завданнях образотворчого мистецтва. Резиденти цього об'єднання приймали участь у монументальній пропаганді, художньому оформленні міста до революційних свят. Особливо грандіозна театральна постановка «Взяття Бастилії» була проведена 1 травня 1921 року на Куликовим полі, де спорудили велетенський макет фортеці Бастилія, а у інсценізації штурму були задіяні війська та артилерія. Художники під керівництвом Ю. І. Шпажинського приймали активну участь при художньому оформленні постанови. Улітку 1922 року до Севастополя приїхав Ян Петрович Бірзгал. Його починання знайшли підтримку серед членів художньої студії моряків ім. П. П. Шмідта, а потім у севастопольського гуртка художників. Нове об'єднання отримало назву – «Асоціація севастопольських художників». Її очолив Ю. І. Шпажинський, а відповідальним секретарем став М. П. Крошицкий (з 1927 року цю посаду обійняв Володимир Петрович Бабенчиков). Першим серйозним заходом стала виставка художніх праць членів Асоціації, а також близько 150 картин талановитого митця Михайла Михайловича Казаса (1889–1918). У подальшому до складу Асоціації було прийнято Анатолія Григоровича Коренева (1868–1943), Леоніда Митрофановича Афанасьєва (1889–1971) та Е. А. Штейнберга.

7. Изо-фото выставка в Севастополе // Маяк Коммуны. – 1931. – 9 сент. – С. 4.
8. Буква. 1-ая выставка соцсоревнования в Крыму / Буква // Маяк Коммуны. – 1931. – 3 окт. – С. 4.
9. [Чиликин П.] Организуйте экскурсии на выставку художников Крыма / П. Чиликин // Маяк Коммуны. – 1931. – 23 сент. – С. 4. – Изд. под псевд. : П. Ч.
10. Афанасьев Л. М. Закінчив Севастопольську гімназію та Санкт-Петербурзький політехнічний інститут. З 1917 по 1939 роки мешкав у Севастополі. Працював на Портівні заводі, торговому порту та тресті «Водоканал». Захоплювався живописом. У 1935–1939 рр. був співробітником Севастопольської картинної галереї. З 1939 року співробітник Воронежського музею образотворчих мистецтв. Заслужений працівник культури РРФСР.
11. Афанасьев А. [Л. М.] Выставка картин Севастопольских художников / Л. М. Афанасьев // Маяк Коммуны. – 1938. – 4 нояб. – С. 3.
12. Научные доклады // Маяк Коммуны. – 1938. – 9 дек. – С. 4.
13. Афанасьев Л. [М.] Выставка посвященная Рембрандту / Л. М. Афанасьев // Маяк коммуны. – 1938. – 17 дек. – С. 4.
14. Картина Рембрандта в картинной галереи // Маяк Коммуны. – 1938. – 27 дек. – С. 4.
15. [Афанасьев Л. М.] В картинной галерее / Л. М. Афанасьев // Маяк Коммуны. – 1938. – 18 янв. – С. 4. – Изд. под псевд. : Л. А.
16. Новинки картинной галереи // Маяк Коммуны. – 1938. – 26 янв. – С. 4.
17. [Афанасьев Л. М.] Интересный экспонат картинной галереи / Л. М. Афанасьев // Маяк Коммуны. – 1938. – 2 февр. – С. 4. – Изд. под псевд. : Л. А.
18. Крошицкий [М. П.] Ценности картинной галереи / М. П. Крошицкий // Маяк Коммуны. – 1940. – 8 авг. – С. 4.
19. [Фото М. Покатило] // Маяк Коммуны. – 1937. – 22 янв. – С. 4.
20. В музеях // Маяк коммуны. – 1925. – 28 мар. – С. 8.
21. Гусакова [Л.] Ближе к музею революции / Л. Гусакова // Маяк коммуны. – 1929. – 15 янв. – С. 4.
22. Путеводитель по музею революции / сост. Л. Гусакова ; Севастопольское музейное объединение. – Севастополь, 1928. – 18 с.
23. Музей революции расширяется // Маяк Коммуны. – 1929. – 15 нояб. – С. 4.
24. Шлите воспоминания о героических днях // Маяк Коммуны. – 1931. – 4 июл. – С. 4.
25. Чиликин П. Создать в музее революции отдел социалистического строительства / П. Чиликин // Маяк коммуны. – 1931. – 20 сент. – С. 4.
26. Исторические и революционные памятники // Маяк Коммуны. – 1938. – 27 февр. – С. 4.
27. В севастопольских музеях // Маяк Коммуны. – 1937. – 3 февр. – С. 4.
28. [Чиликин П.] Музеи к Октябрю / П. Чиликин // Маяк Коммуны. – 1931. – 4 нояб. – С. 4. – Изд. под псевд. : П. Ч.
29. Коротко // Маяк коммуны. – 1940. – 14 мар. – С. 2.

30. Акимченков В. В. Документы местных архивов как источник по истории музейного дела : на примере Государственного архива в Автономной Республике Крым / В. В. Акимченков // Сіверщина в історії України : зб. наук. праць / Нац. зап. «Глухів», Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK. – К. ; Глухів, 2011. – Вип. 4. – С. 46–48.

31. В музее революции // Маяк коммуны. – 1940. – 5 окт. – С. 3.

Акимченков В. В. Из истории развития музейного дела в Севастополе: по материалам газеты «Маяк Коммуны» / В. В. Акимченков // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвыпуск «История Украины». – С. 3–13.

Рассмотрены отдельные факты деятельности Картинной галереи и Музея революции в Севастополе на протяжении 20-х – 30-х годов XX века на основе материалов газеты «Маяк коммуны». Осуществлена попытка приблизиться к осмыслению исторического содержания той исторической эпохи путем выявления уровня научных и персональных связей краеведов.

Ключевые слова: Севастополь, музей, галерея, «Маяк Коммуны».

Akimchenkov V. V. The history of museology in Sebastopol by Newspapers "Маяк Коммуны" / V. V. Akimchenkov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : "History of Ukraine". – P. 3–13.

The separate facts of activity of Art gallery and a revolution Museum in Sevastopol throughout 20 – 30th years of the XX-th century on the basis of newspaper materials «a commune Beacon» Are considered. Attempt to come nearer to judgement of the historical maintenance of that historical epoch by revealing of level of scientific and personal communications of regional specialists is carried out.

Keywords: Sevastopol, museum, gallery, «Маяк Коммуны».

Поступила в редакцию 01.11.2011 г.

УДК 003.05 “1929/1936” : 94 (477) +75

МАЛОВІДОМЕ ЛИСТУВАННЯ АКАДЕМІКІВ:

Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ – М. С. САМОКИШ

Андрєєва Л.Ю.

*Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, Сімферополь, Україна
E-mail: lu.scs@mail.ru*

У статті аналізується листування Д. І. Яворницького та М. С. Самокиша, вперше вводяться в науковий обіг листи Д. І. Яворницького до М. С. Самокиша. Листування передає особливості особистого життя і коло інтересів української інтелігенції в 20–30 ті роки і є найціннішим джерелом інформації цієї епохи.

Ключові слова: історія, культура України, художник, Д. І. Яворницький, М. С. Самокиш.

У житті дивовижним чином переплелися долі двох видатних людей на схилі років, щоб примножити їх внесок в історію і культуру України. Микола Семенович Самокиш (1860–1944) – український живописець і графік, академик, професор, керівник майстерні батального живопису Академії мистецтв [1–4]. Творчість М. С. Самокиша тісно пов'язано з Україною. Нащадок запорозьких козаків, він постійно звертався до історії свого народу. З 1898 р. разом з С. І. Васильківським¹ [5–7] працював над альбомом «Из украинской старины» [8], з текстом проф. Д. І. Еварницького². Однак він безпосередньо не спілкувався з Д. І. Яворницьким [9]. Їх спільний друг – С. І. Васильківський, вів особисте листування з істориком, що стосувалося цієї унікальної книжки [10–13]. Другий альбом «Мотивы украинского орнамента» (1902) М. С. Самокиш опрацював сам [14; 15]. Він брав участь у розписах будівлі Полтавського губернського земства. З 1911 р. кожного літа працював в Україні («Табун лошадей», 1914). З 1918 р. життя та творчість М. С. Самокиша була пов'язана з Кримом. Він виконав давно задуманий цикл робіт з української історії й козацьких воєн: «Вїзд Богдана Хмельницького до Києва 1648 р.» (1929), «Бій під Жовтими Водами», «Абордаж турецької галери запорожцями» (1930), «Бій Івана Богуна під Монастирищем 1653» (1931), «Бій під Царичанкою 1709», «Похід запорожців на Крим» (1934), «Руйнування Батурина Меншиковим», «Кость Гордиєнко нищить драгунів Кемпеля», «Бій Максима Кривоноса з Яремою Вишневецьким» (1934), «Харківська фортеця XVIII ст.» (1936), «Розгін демонстрації в Києві 1914 у соті роковини з дня народження Т. Шевченка» і «Царські жандарми везуть Шевченка на заслання» (1938), «Голод у Криму 1921–1922» (1923), «Полювання» та інші.

¹ Васильківський Сергій Іванович (1854–1917) – видатний український живописець, знавець українського орнаменту і народного мистецтва.

² Еварницький Дмитро Іванович – в багатьох російських виданнях прізвище Д. І. Яворницького.

М. С. Самокиш є засновником історичного і батального живопису в Україні. Картини, які створені пензлем майстра, належать до багатой культурної спадщини України, Росії. Вони яскраво ілюструють найвидатніші події історії країни.

Дмитро Іванович Яворницький (1855–1940) – український вчений, академік, видатний діяч історичної науки і культури України, автор багатьох історичних, етнографічних, археологічних праць. Як археолог–дослідник запорізької старовини, Д. І. Яворницький написав розвідки: «Раскопка Кургана «Мухина гора» (1885), «Раскопка Кургана в д.Вороной» (1885). Готуючись до археологічного з'їзду 1905 р., що відбувся у Катеринославі, він дослідив близько 200 поховань, завдяки його старанням створено колекцію матеріальних пам'яток з 75 експонатів. Ці археологічні джерела з історії Запоріжжя і Півдня України, нині зберігаються у Дніпропетровському державному історичному музеї. Д. І. Яворницький досліджував старі церкви і зібрав понад 600 експонатів церковної старовини, переважно з XVIII ст. Підсумки його роботи узагальнені в збірках: «Церковные памятники Запорожья» (1893), «Церковное устройство у запорожских казаков» (1890). Найбільш відомі історичні розвідки Д.І.Яворницького присвячені історії Запорізької Січі. Серед них: «История запорожских казаков» в 3 т. (1892–1897), «Очерки истории запорожских казаков и Новороссийского края» (1889), «Вольности запорожских казаков» (1898), «Иван Дмитриевич Сирко, Славный кошевой атаман запорожских низовых казаков» (1894). Статті з історії Січі також були опубліковані на сторінках журналу «Кієвська старина»: «Жизнь запорожских казаков по рассказу современника–очевидца» (1883), «Топографический очерк запорожья» (1884), «Число и порядок Запорожских Сечей» (1884), «Остров Хортица на реке Днепре» (1886), «Архивные материалы для истории Запорожья» (1886), «Последний кошевой атаман П. И. Калнышевский» (1887), «Гетман Петр Конашевич Сагайдачный» (1913), «Кошовий атаман Осип Михайлович Гладкий» (1928). Незаперечна наукова цінність збірки Д.І.Яворницького: «Для истории запорожских казаков», т. 1–2 (1903), «До історії Степової України» (1929). Вченим був зібраний багатий етнографічний і фольклорний матеріал, записи кілька тисяч пісень і близько п'ятисот оповідань. Найгрунтовніший доробок Д. І. Яворницького – збірник «Запорожье в остатках старини и преданиях народа», т. 1–2 (1888), якій ілюстровано 55 малюнками і 7 планами місцевостей (деякі малюнки виконав І. Ю. Рєпин³). Розвідка «По следам запорожцев» (1898) складена за матеріалами з зустрічей і розмов з нащадками запорожців. Виявлені вченим пісні про Запоріжжя, описи ігор, народних танців, матеріали народної медицини дозволяють відтворити побут Запорізької Січі. У 1906–1936 рр. Д. І. Яворницький зібрав 2302 пісні, з них 255 – з нотами. Так 830 колядок, щедрівок, веснянок, переважно записаних з голосу увійшли до збірників: «Малороссийские народ-

³ Рєпін Ілля Юхимович (1844–1930) – визначний російський живописець-реаліст, народився в Чугуєві на Харківщині; дійсний член (з 1893 р.) Петербурзької академії мистецтв, член т-ва Передвижників (з 1878 р.) і мистецької групи «Мир искусства»; творчість Рєпіна пов'язана з Україною їм створено багато картин на українську тематику. Зокрема: «Запорожці пишуть листа турецькому султанові», «Вечорниці», «Гайдамаки», «Чорноморська вольниця», «Гопак» (не закінчена), портрети М. Костомарова, В. Тарновського, Т. Шевченка, Д. Багалія та ін. Міцна дружба поєднувала Д. І. Яворницького з І. Ю. Рєпіним.

ные песни, собранные в 1878–1905 гг.» (1906), «Древнейшие обыватели Южной России» (1899), «Рибальчі заводи на низу Дніпра» (1927).

Неоціненним є вклад у розвиток історичної науки, етнографії та культури України кінця XIX – початку XX століть обох академіків – Д. І. Яворницького і М. С. Самокиша. Тому особиста історія цих видатних діячів є одночасно історією становлення вітчизняної науки та мистецтва.

Особливе значення має виявлення та публікація досі невідомих даних про життя та діяльність академіків Д. І. Яворницького та М. С. Самокиша, введення їх до наукового обігу. Д. І. Яворницький і М. С. Самокиш народжені в Україні та визнані у всьому світі, знали про існування один одного, але безпосередньо не спілкувались та не листувались до 1929 р. поки їх не познайомив відомий громадський діяч, літератор Максим Максимович Лебідь, діяльність якого теж була пов'язана зі збереженням і примноженням історичної та культурної спадщини України.

Співробітниками Дніпропетровського історичного музею було виявлено та опубліковано листи академіка живопису М. С. Самокиша у кількості 12 одиниць, що ввійшли до збірника «Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького» [16]. Але місцезнаходження листів Дмитра Івановича до Миколи Семеновича та сам факт їх листування, досі було невідомі. Листування почалося у 1929 р. і тривало понад вісім років. Судячи з усього, академік Д. І. Яворницький звернувся до М. С. Самокиша з пропозицією приїхати до Дніпропетровську та відвідати історичний музей. Цей приїзд було пов'язано з домовленістю про створення кількох картин на теми з історії України. Скоріше за все, Дмитро Іванович запропонував художнику використати історичний матеріал, знайдений під час археологічних експедицій. Спільним також мав стати пошук сюжетів, художнє втілення яких, на думку Д. І. Яворницького, мало цінність для збереження та примноження історичної та культурної спадщини України. Для М. С. Самокиша була дуже важлива думка метра історичної науки. З особливою повагою він відносився до історичної правди. Дуже трепетно використовував найцінніші предмети-артефакти з колекції пам'яток запорізького козацтва. На жаль, не всі листи були знайдені. Нами досліджено п'ять листів виявлених у Архіві Харківського художнього музею (Фонд М. С. Самокиша). Значну частину цього Фонду було придбано у 1955 р. Міністерством культури України для поповнення фондів Державного музею образотворчого мистецтва (Харківський художній музей) у сестри вдови Н. Г. Самокиш-Добровольської у Ленінграді. Три листа датовані, а час написання двох інших був встановлений шляхом реконструкції всього блоку листування. У цій публікації наведено лише три листи Д. І. Яворницького, які передували приїзду академіка Н. С. Самокиша до Дніпропетровська. Лист Д. І. Яворницького № 3 та № 5 – є рукопис, № 7 – є машинопис з особистим підписом академіка. Спілкування М. С. Самокиша з академіком Д. І. Яворницьким надихнуло його на подальшу плідну роботу над темами з історії України

Коментарі до листів частково дані по виданню: Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. Вип. 3 : Листи музейних діячів до Д. І. Яворницького / укл. С. В. Абросимова, Н. Є. Василенко, А. І. Перкова та ін. За заг. ред. Н. І. Капустіної. – Дніпропетровськ : АРТ-ПРЕС, 2005. – 740 с.

Висловлюю глибоку повагу та щиру подяку за допомогу в науково-дослідній роботі завідувачці архівним сектором Харківського художнього музею Світлані Артемівні Волошкіній та усім робітникам Харківського художнього музею (керівник Мизгіна Валентина Василівна).

№ 1

ЛИСТ М. С. САМОКИША [17].

8.03.1929

Сімферополь – Дніпропетровськ

Вельмишановний Дмитро Іванович!

Одібрав Ваш ласкавий лист от 25/ ІІ, не отвітив Вам зразу, бо був хворий. Дуже Вам дякую за Вашу ласкаву прихильність до мене.

Ваша пропозиція приїхать до Вас в травні в Дніпропетровське міні дуже по сердю, і я з великою охотою приймаю Ваше запрошення. Давно уже збирався бути у Дніпропетровським музеї, щоб зарисовати деякі речі історичні себто, зброю, гармати, бунчуки та інше, потрібне міні до малюнків, і от якраз наш спільний приятель, Дорогий Максим Максимович Лебедь⁴ познайомив мене з Вами. Дуже радий з того, бо лічу Вас високим авторитетом по історії та археології рідного краю, і ближча знайомість як Ви самі напишите міні, які умовини Ви маєте міні запропонувати.

Зараз працюю над малюнками для Максима Максимовича, маю надію, що в квітні скінчу туу працю. Заїду у Харків до Максима Максимовича, а за тим і до Вас.

З великою і правдивою пошаною до Вас

професор Микола Самокиша⁵.

8/ІІІ.1929 р.

Вибачайте, що кепсько пишу по українськи, тепер учусь рідної грамоти [18].

№ 2

ЛИСТ М. С. САМОКИША [19].

6.08.1930

Сімферополь-Дніпропетровськ

Високоповажаємий Дмитро Іванович!

Одержав Ваш лист до мене з поводу картин моєї роботи. Які Ви бажаєте мати для Краєвого Історично-Археологічного музею. З великою охотою зроблю для Вас картину. Зараз у мене нема готових картин опріч «Жовтих Вод»⁶. Це чимала картина розміром аршинів півтора, на вздовш и $\frac{3}{4}$ аршина на широкость, я зробив ескіз до Великого полотна, котре маю робити. Вона окончена як картина и зараз у

Харькові у Максима Максимовича Лебеда, якщо Ви захочете її побачить, то він Вам вишле, і об ціні прошу Вас зговоритися з ним, бо поручив йому цю справу. Сам я бажав би зробити для Вас як козаки насидують на татар і одбивають ясирь, це дуже малювничий і яскравий сюжет з історії України, як що нічого не маєте проти.

⁴ Лебідь Максим Максимович (1889–1939) – український письменник і громадський діяч, наприкінці 1920 - х рр. – директор Будинку літераторів ім. М. В. Блакитного (м. Харків). Після 1933 р. арештовано і заслано до концтабору в Чібію (Ухта). У 1939 р. розстріляний.

⁵ Самокиша – справжнє прізвище М. С. Самокиша, під час навчання в Петербурзі в документах прізвище писалося на російський манер, тобто Самокиш, без закінчення «-а».

⁶ Картина «Бій запорожців з крилатими польськими гусарами при Жовтих водах в 1648 р.», написана академіком М. С. Самокишем у 1930 р.

Напишіть міні і я зроблю Вам ескіз фарбами, Ви подивитесь, зробите свої уваги і тоді поговорим об ціні і розміру картини. Зараз роблю велике полотно 2 метри на 112 для Харькова «Полковник Богун»⁷, битва з поляками. Приїхать до Вас в Дніпропетровськ дуже бажаю, але часу мало, бо мушу на осінь скінчити «Богуна», отож щоденно працюю над цім полотном, а работаю я не дуже швидко. Чекаю од Вас відповіді.

З великою пошаною до Вас
Микола Самокиша.

6/ VIII – 1930 р.

Адреса: Симферополь,

Кооперативная ул., д. 30, кв. Маркова

Академику Н. Самокишу

Адреса: «Днепропетровск, площадь Жовтневої революції, 2. Красвий Історично-Археологічний музей. Д. І. Яворницькому» [20].

№ 3

ЛИСТ Д. І. ЯВОРНИЦЬКОГО [21].

14.08.1930

Дніпропетровськ – Симферополь

Високоповажний Микола Олексієвич [Семенович – (Л. А.)]!

Вашого листа одержав. Дуже дякую Вам що Ви не одмовляєте поробити й для мого музею.

З одержанням В[ашого] листа, я зразу ж написав до Максима Максимовича про картину «Жовти води». Відповіді досі ще немаю, але я вважаю, що вона вже куплена. Тепер що до картини, яку Ви мали б змогу малювати. Для Вас здається краще було б хоч дати картину «Козаки наїдають на татар і отбивають ясир»⁸. Це тож гарний сюжет. Але мені чогось подобається більше й ідеєю й зовнішнім багатством картина, що являла б собою запорожців, що йдуть з Січі сухопуттю на ляхів, подавши тут найподробніше їх організацію, одяг, кінську зброю, то що. На чолі їх кошовий атаман, а за ним 38 курінних атаманів у всій бойовій вояцькій готовності.

Картину цю, думаю, Ви виконаєте, тим більше, що матеріалу для неї є досить. Свій ескіз запропонованої Вами картини присилайте, потім будемо говорити за ціну одночасно повідомте свою думку про картину, що мені хотілося б від Вас мати.

14. VIII. 1930.

Д. Яворницький.

⁷ Картина «Бій Івана Богун під Монастирищем 1653», написана академіком М. С. Самокишем у 1931 р.

⁸ «Козаки наїдають на татар і отбивають ясир» – перша картина, яку М. С. Самокиш писав на замовлення Д. І. Яворницького для Дніпропетровського історичного музею (1929–1930).

№4

ЛИСТ М. С. САМОКИША [22].

18.08.1930

Сімферополь – Дніпропетровськ

Високоповажний Дмитро Іванович!

Одержав Вашого листа. Той сюжет що Ви міні написали в Вашому листі, дуже міні подобається. Він хоть і дуже складний, бо багацько людей треба робити, але яскравий що до фарб і до руху коней і людей, отож я спочатку ескіз, як козаки рушають з Сечи в поход на поляків, і пришлю Вам для коректури, щоб воно було вірно з історією, а Вас буду прохати, подивившись на ескіз, зробить свої уваги, бо я певне нароблю багацько де чого не до ладу. Як побачите ескіз, тоді умовимося щодо картини. А може я поспію Вам зробити і другий сюжет «як козаки одбирають ясирь». В кожному разі міні треба буду приїхати до Дніпропетровська, щоб під Вашим карунком зробити рисунки в музею.

Зараз я працюю над «Богуном» для Харкова, як скінчу цю картину Вас повідомлю, і може і ескіз для Вас к тому часу буде готов[ий].

З великою пошаною до Вас

Микола Самокиша.

18/VIII 1930 р.

Дуже б дякував Вам, якби Ви міні надіслали які матеріали до Вашої картини, чи то літературні, чи малюнки [23].

№5

ЛИСТ Д. І. ЯВОРНИЦЬКОГО [24].

19.08.1930

Дніпропетровськ – Сімферополь

Вельмишановний і дорогий Миколо Семеновичу!

Коли Ви одержете цього мого листа, зараз же сідайте в потяг і негаючи їдьте до мене. Приїдьте в Дніпропетровськ, сідайте у коло вокзали б трамвай № 1 і їдьте в гору по Проспекту до самого краєвого музею (колишнього музею Поля⁹). В музеї Ви розполагайтесь, як дома, а до мене пришліть діда Хводора Білого, ілі ж діда Михайла Мороза з звісткою про своє прибуття. Тільки про одне Вас дуже прошу: не відкладіть Ваш виїзд і негайте часу. За подорож Вам буде заплачено і за Вашу працю буде дано Вам гроші.

З правдивою та щирою до Вас пошаною

Ваш Д. Яворницький

19/ VIII. 1930.

⁹ Поль Олександр Миколайович (1832–1860) – український підприємець, красзнавець, колекціонер, меценат, сприяв розвитку гірничої справи у Криворіжжі; його колекції старовини стали основою для створення музею його імені у Катеринославі (1902 р.)

№6

ЛИСТ М.С.САМОКИША [25].

28.08.1930

Сімферополь-Дніпропетровськ

Високоповажасмий і дорогій Дмитро Іванович!

Тільки що одержав ваш ласкавий лист до мене. Спішу повідомить, що виїду в Дніпропетровськ 3-го сентября, раніше не зможу, бо деякі справи треба улаштувати в Сімферополі. Дуже хочу побачитись з Вами і подивитися Ваш славний музей під вашим кировництвом.

До скорого побачення. С правдивою та щирою пошаною

Ваш М.Самокиша

28/ VIII 1930 р. [26].

№7

ЛИСТ Д.І.ЯВОРНИЦЬКОГО [27].

28.08.1930

Дніпропетровськ-Сімферополь

м.Дніпропетровське

Краєвий музей. 28 VIII. 1930 р.

Вельмишановний Микола Семенович!

Я маю вам як найшвидче замовити для Дніпропетровського Краєвого Музею ДВІ картини; частково вже про це писав я. Днями одержав від Вас листа про вашу згоду приїхати до нас в м.Дніпропетровське, але час минає, мене нетерплячка бере, а Вас й досі ще немає.

Ласкаво прошу обов'язково приїдте і чим скорше тим краще. Чекаю й маю надію, що жодна з будь-яких причин не стане на шляху Вашої подорожжі.

Найкраще, сповістіть телеграфом, коли будете.

З пошаною да вас, академік.

28. VIII

Д. Яворницький.

Листування академіків є цінним джерелом з історії життя та діяльності М. С. Самокиша і Д. І. Яворницького, вони відображають взаємозв'язок особистості і соціуму в суспільному житті кін. XIX – поч. XX ст. Переорієнтація гуманітаристики з макро- на мікропроцеси, особливо на проблеми ролі й місця людини в суспільстві, спричинила археографічний «вибух» інтересу до приватного листування [28]. Листи, наведені у статті містять багато інформації біографічного характеру і стосуються різних аспектів з історії мистецтва, музейної справи та минулого українського народу. Ось у чому особливий зміст цієї дивовижної знахідки, що проливає світло на невідомі факти з життя академіка М. С. Самокиша. Листи («ці людські документи епохи») розглядаються не тільки як засіб комунікації, але й історико-культурний феномен, унікальне джерело інформації [29]. Листи свідчать про велику подвижницьку працю української інтелігенції у збереганні історичних пам'яток, культурних традицій, пробудженні національної самосвідомості.

Список літератури

1. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – СПб., 1900. – Т. 28. – С. 218–219.
2. Большая Советская энциклопедия. 3 изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1975. – Т. 22. – С. 539.
3. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. – 2 изд. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 2. – С. 305.
4. Українська радянська енциклопедія. – 2 вид. – Київ, 1983. – Т. 10. – С. 14.
5. Українська радянська енциклопедія. – 2 вид. – Київ, 1978. – Т. 2. – С. 134.
6. Ткачова Л. І. Васильківський Сергій Іванович / Л. І. Ткачова // Енциклопедія історії України : в 5 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. – Київ : Наукова думка, 2003. – Т. 1. – С. 446
7. Огієвська І. В. Васильківський Сергій Іванович / І. В. Огієвська // Енциклопедія Сучасної України. – Київ, 2005. – С. 138.
8. Из украинской старины : альбом / рис. акад. С. И. Васильковского и Н. С. Самокиша; пояснит. текст проф. Д. И. Эварницкого. – СПб. : изд. А. Ф. Маркса, 1900. – 90 с.
9. Українська радянська енциклопедія. – 2 вид. – Київ, 1985. – Т. 12. – С. 487.
10. Дніпропетровський історичний музей (Далі – ДІМ), кп. 74075, арх. 14406.
11. ДІМ, кп. 74076, арх. 14407.
12. ДІМ, кп. 74077, арх. 14408.
13. Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. Вип. 2. Листи діячів культури до Д. І. Яворницького / упор. С. В. Абросимова, Н. Є. Василенко, А. І. Перкова та ін.; вступ. ст. С. В. Абросимової; під заг. ред. Н. І. Капустіної. – Дніпропетровськ : АРТ-ПРЕС, 1999. – 460 с.
14. Самокиш Н.С. Мотивы украинского орнамента / Н.С. Самокиш. – Харків ; СПб.: [Б. и., 1904?]. – 40 л., цв.ил.
15. Харківський художній музей, науковий архів, ф. 23 (М. С. Самокиш), оп. 1, спр. 5, л. 12–30.
16. Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. Вип. 3: Листи музейних діячів до Д. І. Яворницького / укл. С. В. Абросимова, Н. Є. Василенко, А. І. Перкова та ін.; за заг. ред. Н. І. Капустіної. – Дніпропетровськ : АРТ-ПРЕС, 2005. – 740 с.
17. Там само. – С. 246, № 370.
18. ДІМ, арх. 12249.
19. Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. Вип. 3: Листи музейних діячів до Д. І. Яворницького / укл. С. В. Абросимова, Н.Є. Василенко, А.І. Перкова та ін.; за заг. ред. Н. І. Капустіної. – Дніпропетровськ : АРТ- ПРЕС, 2005. – С. 246–247, № 371.
20. ДІМ, арх. 12144.
21. Харківський художній музей, науковий архів, ф. 23 (М. С. Самокиш), арк. Д. І. Яворницький – М. С. Самокиші. 14 серпня 1930. – 1 л.
22. Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. Вип. 3 : Листи музейних діячів до Д. І. Яворницького / укл. С. В. Абросимова, Н. Є. Василенко, А.І. Перкова та ін. ; за заг. ред. Н. І. Капустіної. – Дніпропетровськ : АРТ-ПРЕС, 2005. – С. 247– 248, № 372.
23. ДІМ, арх. 12145.
24. Харківський художній музей, науковий архів, ф. 23 (М. С. Самокиш), арк. Д. І. Яворницький – М.С. Самокиші. 19 серпня 1930. – 2 л.
25. Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. Вип. 3 : Листи музейних діячів до Д.І.Яворницького / укл. С. В. Абросимова, Н. Є. Василенко, А. І. Перкова та ін. ; за заг. ред. Н. І. Капустіної. – Дніпропетровськ : АРТ-ПРЕС, 2005. – С.248, № 373.
26. ДІМ, арх. 12153.
27. Харківський художній музей, науковий архів, ф. 23 (М. С. Самокиш), арк. Д. І. Яворницький – М. С. Самокиші. 28 серпня 1930. – 1 л.
28. Журба О.І. Місце археографії у збереженні писемних пам'яток історії // О. І. Журба / Гуманітарний журнал. – 2003. – № 1. – С. 16.
29. Епістолярна спадщина академіка Д. І. Яворницького. Вип. 5: Листи рідних, друзів і знайомих до Д. І. Яворницького [та ін.]; за заг. ред. Н. Капустіної. – Дніпропетровськ : АРТ- ПРЕС, 2010. – С. 3.

Андреева Л. Ю. Малоизвестная переписка академиков : Д. И. Яворницкий – Н. С. Самокиш / Л.Ю. Андреева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвыпуск «История Украины». – С. 14–22.

В статье анализируется переписка Д. И. Яворницкого и Н. С. Самокиша, впервые вводятся в научный оборот письма Д. И. Яворницкого к Н. С. Самокишу. Переписка передает особенности личной жизни и круг интересов украинской интеллигенции в 20-30 годы и является ценнейшим источником информации этой эпохи.

Ключевые слова: история, культура Украины, художник, Д. И. Яворницкий, М. С. Самокиш.

Andreeva L. U. Little known correspondence of academics: D. Yavornytsky – N. Samokish / L. U. Andreeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 14–22.

In the article analyzes the correspondence D. Yavornytsky and M. Samokish, first introduced into scientific circulation lists D. Yavornytsky to M. Samokish. Correspondence transmits privacy features and range of interests of Ukrainian intellectuals in 20-30 years and is a valuable source of information of this era.

Keywords: history, culture of Ukraine, the artist, D. Yavornytsky, M. Samokish

Поступила в редакцию 01.11.2011 г.

УДК 930.2 (083+058):(477.75) «1783/1870»

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОРОДОВ КРЫМА

Анисимова О.С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: afineon-sudak@mail.ru*

Информация, выявленная в справочных изданиях, освещает некоторые аспекты жизни крымских городов: статус, число жителей. Иногда содержалась более полная информация, касающаяся политической и экономической истории городов Крыма.

Ключевые слова: города Крыма, справочные издания, энциклопедия, статистические сведения, списки населенных мест.

ВВЕДЕНИЕ

Важной составной частью развития хозяйства Крыма после присоединения полуострова к России в 1783 году было становление городов, поэтому вопросы, связанные с изучением их истории являются актуальными. Особенность их пути развития закреплялась юридическими актами, в частности, декларированные в 1785 году Екатериной II в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи». Это Городовое положение было заменено на новое лишь в 1870 году. В этот период города постепенно приняли на себя соответствующие функции как торговых, промышленных и культурных центров.

В обозначенный период истории крымские города попали в поле зрения авторов различных справочных изданий. Поэтому цель этого исследования – рассмотреть их в качестве источников для изучения развития городов Крыма. Таким образом, сможем выяснить: в каком виде подавалась информация, насколько подробно, от чего зависело её качество и количество, какие группы справочников содержали информацию о городах.

Как показал анализ публикаций, касающихся истории крымских городов, авторы, как правило, если и использовали справочные издания, то недостаточно и не в полном объеме. Например, в специализированной энциклопедии «История городов и сел УССР» указанный период рассматривается несколько вскользь, практически без привлечения справочных источников [1]. То же самое можно сказать и о крымоведческой литературе [2–16]. Ввиду этого изучение содержания справочных изданий, выпущенных в интересующий нас период, представляется актуальной и своевременной задачей при глубоком изучении истории крымских городов.

Безусловно, справочные издания являются важнейшими источниками по истории городов Крыма. Ведь это – документы, раскрывавшие основные моменты в изменениях административно-территориального деления Крыма, различные статистические сборники, подготовленные на основании отчетов руководства Таврической губернии, энциклопедии.

1. СТАТИСТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ОБОЗРЕНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ГОРОДОВ

Среди документов, характеризующих административно-территориальные преобразования в российском Крыму, следует первым рассмотреть тот, что был подготовлен при включении полуострова в состав Российской империи – «Камеральное описание Крыма 1784 года» [17]. Описание было составлено с целью ознакомления российских властей с внутренним состоянием новоприсоединенного края [17, с. 98]. Отображение крымской действительности осуществлялось с точки зрения российских представлений. Возможно, именно поэтому в описании отсутствуют сведения о центрах каймаканств как о городах, которых таковыми чиновники, вероятно, не посчитали. В этой связи обнаруживается факт: особого внимания городам на тот момент не уделялось.

Списки крымских городов обнаруживаются в статистических таблицах, изданных Министерством Внутренних дел в 1825, 1834, 1842, 1852 и 1858 годах [18, с. 2]. В 1829 году вышло в свет «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи», иллюстрировавшее состояние городских поселений по данным 1825 года. Сборник был составлен на основании официальных сведений под руководством директора департамента полиции тайного советника М.П. Штера (1776–1847). В источнике информация подавалась в табличной форме, список всех городов Российской империи располагался в алфавитном порядке, с разделением по статусам. Напротив поселения указывались следующие данные: к какой губернии принадлежит, при каких реках располагается, число жителей (мужчин, женщин, купцов мужского пола), количество домов (каменных, деревянных), количество церквей и монастырей, учебных заведений, богоугодных заведений, заводов и фабрик, трактирных заведений, питейных домов, банков, садов [19].

Интересным с точки зрения истории городов является 14-ти томный «Военный энциклопедический лексикон». Первое из трех его изданий было осуществлено с 1837 по 1850 год, 15 дополнительный том был издан в 1852 году. Этот труд обязан своим появлением стараниям редактора барона Л. И. Зедделера (1791–1852). По сути своей «Лексикон» являлся русской военной энциклопедией. Среди прочей информации, здесь присутствуют сведения о крымских городах, имеющих военное значение: о Керчи, Севастополе, Перекопе [20–22].

Сведения о крымских городах можно почерпнуть в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», издаваемом в течение 17 лет с 1837 года по 1854 год. Здесь помещены обозрения 69 губерний и областей империи, основанные на рекогносцировках и на собранном на месте материале. Сборник является одним из лучших репрезентативных источников середины XIX века, содержащим статистические данные по народонаселению, географические данные, сведения о путях сообщения, характеристику промышленности, торговли. Для изучения истории крымских городов наиболее интересен раздел «Описание городов и замечательных мест» [23, с. 213–225]. Заметим, что сведения, содержащиеся в источнике, изложены с точки зрения военных надобностей, а потому не претендовали на полноту отображения крымской городской жизни середины XIX века. Так, в сборнике присутствует описание Перекопа, Керченского градоначальства и Севастополя. Относительно

других городов указано, что они не имеют никакого торгового или промышленного значения и никакой военной важности. Статистические сведения о Керчи, Еникале и Севастополе содержат информацию о числе жителей по званиям, о городской земле, состоянии промышленности, хозяйстве города, о состоянии образования [23].

29 ноября 1857 года член-учредитель Русского Географического Общества, действительный член Санкт-Петербургской академии наук, доктор философии, магистр правоведения и член разных ученых обществ П. И. Кёппен (1793–1864) представил императору Николаю I народную перепись о числе жителей его государства середины XIX в., известную как «Девятая ревизия. О числе жителей в России в 1851 году» [24]. В предисловии к изданию, автор указал, что, поскольку ревизия изначально делалась исключительно из финансовых побуждений с целью выявить количество податного сословия, то количество неподатного населения обычно не учитывалось. Поэтому «предоставляемые итоги на самом деле можно принимать только за наименьшие данные, из приближающихся к истине» [24, с. 10]. Сведения о числе жителей даны по уездам, особых пометок относительно жителей городов нет. Тем не менее, можно примерно представить количество городского населения в процентном соотношении. Так, всё население Таврической губернии составляло 608, 832 человека, из них записаны в купцы 3 947 человек, в мещане – 43 689, в ремесленники – 269. Таким образом, можно говорить о 47 905 горожанах, составляющих примерно 7 % от общего числа жителей.

В «Списке населенных мест Российской империи. Таврическая губерния. 1865 год» присутствуют сведения о городах и предместьях, их статусе, месте расположения. Издание было подготовлено центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел под редакцией М. М. Раевского, сведения по Таврической губернии публиковались в XLI части [25].

2. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ГОРОДОВ

Одним из наиболее интересных источников по истории городов Крыма являются материалы для составления предложений об улучшении общественного управления в городах, изданных в 1863 году в двухтомном сборнике «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 годах» [25]. Напомним, что 20 марта 1862 года император повелел министерству внутренних дел разработать предложения для наиболее эффективного самоуправления городами. Первым делом было решено предварительно ознакомиться с местными особенностями городов. С этой целью потребовали через руководство губерний от местного начальства предоставить свои соображения на этот счет по присланной схеме. Администрации городов создали особые комиссии из депутатов от всех городских сословий, которые составили указания о действительной потребности городов. Поскольку многие поселения, получив статус города, по сути, сохраняли сельский характер, одним из важных пунктов было узнать характер местности. Рассмотрение этих особенностей нужно было для того, чтобы устанавливаемые формы общественного управления были применимы в каждом городе. С этой целью был разработан ряд вопросов, на которые должны были ответить городские комиссии:

1. Составляет ли называемая городом местность отдельное поселение, или к ней примыкают сельские поселения (слободы) и какие именно.

2. Количество душ мужского и женского пола по последней ревизии, по каждому сословию в отдельности; сколько лиц владеет в городе домами или другим недвижимым имуществом, по каждому сословию отдельно; сколько приблизительно лиц не приписано к городу и не имеют там недвижимость, но постоянно проживают и каких званий.

3. Сколько человек живет в примыкающих к городу слободках; смешивается ли население города и слобод, то есть, проживают ли в слободах горожане, и наоборот.

4. Производится ли в городе какая-либо торговля и какие роды её наиболее преобладающие, сколько купеческих капиталов, объявленных в последнее время по каждой гильдии, все ли купцы торгуют в своем городе; каково число иногородних купцов, крестьян. Сколько в городе магазинов и лавок. Бывают ли и когда именно ярмарки и базары. Какое число трактиров, гостиниц, харчевен, постоянных дворов.

5. Какие ремесла развиваются в городе; сколько работает ремесленных цехов и что именно они производят. Каких сословий лица занимаются ремеслом, сколько в их числе местных и иногородних жителей. Где производится сбыт ремесленных изделий, в городе ли только, или в других местах. Как значителен сбыт вывозимых изделий.

6. Имеются ли в городе фабрики и заводы; сколько и какого рода; каковы объемы производства, и где сбывается товар.

7. Все ли жители зарабатывают пропитание на месте, или часть отлучается в другие места. Сколько паспортов выдано и лицам какого звания в последний год.

8. Занимаются ли жители города сельскими промыслами, если есть такие, то какого сословия, и нанимают ли они работников для обработки земли. Ответы на вышеперечисленные вопросы, изложенные в разделе «Таврическая губерния» издания «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 годах», являются ценным источником для изучения жизни городов Крыма [26].

Кроме того, комиссиям поручалось подробно изложить сведения об общественном хозяйстве города, наружном благоустройстве. Тем не менее, как сообщали составители, многие из присланных сведений оказались неудовлетворительными и неполными, почему в описании некоторых городов по некоторым пунктам наличествуют пробелы. Иногда возникали ситуации, когда комиссии и губернские статистические управления давали противоречивую информацию, тогда составителям приходилось указывать эти данные, делая при этом особые приписки [27, с. 5–10].

Работа над новым Городовым положением стала бы сложной задачей, если бы ее пришлось решать без необходимых для того исходных данных. Частью таковых следует считать сводные сведения о городах Российской империи, впервые собранные в семитомном издании «Городские поселения в Российской империи», изданном с 1860 по 1864 годы [18]. Информация, касающаяся Крымских городов, содержится в четвертом томе вышеуказанного сочинения. Это, наряду с «Экономическим состоянием городских поселений Европейской России в 1861–1862 годах», является важнейшим источником по истории крымских городов. Отметим, что в исследова-

нии «Городские поселения в Российской империи» предоставлены исторические справки о городах [18].

В труде «Городские поселения в Российской империи» содержатся сведения обо всех существующих на тот момент поселениях Российской империи, все законодательные постановления, касающиеся каждого города, состоянием на 1860 год: сведения об административном положении, строительной части, городских доходах и расходах, повинностях, льготах, местных сословных правах обывателей и управления. В сборник вошли также сведения о количестве городского населения и о городских доходах и расходах из отчетов Городских Дум и Ратуш, собранных Центральным Статистическим Комитетом Министерства внутренних дел в 1858 году. Составители при описании каждого города разместили краткие очерки истории города. К сожалению, неполнота сведений, которые были предоставлены губернским начальством, выразилась в неоднородном описании городов, то есть в отсутствии некоторых сведений по отдельным городам.

Нужно отметить, что издание составлено по принципу справочника, где сведения подаются по четко разработанной схеме за тем лишь исключением, когда сведения по определенному пункту отсутствуют. Если говорить о содержании с точки зрения достоверности, то использование сведений из отчетов начальников губерний, дают право считать их реальным отображением городской жизни Крыма. Кроме того, нужно отметить, что исторические справки о поселениях, предлагаемые авторами, содержали самые общие сведения, являлись иногда спорными и не отражающими всю полноту сведений. Несмотря на то, что издание следует рассматривать как бесспорно наиболее ценный источник, содержащий в себе наиболее полные и точные сведения, касающиеся хозяйства городов Крыма.

В середине XIX века появилась надобность в «самых отчетливых местных сведениях о разнообразных составных частях» России, собранных воедино. Для издания такого географо-статистического словаря Российской империи отделением статистики императорского Русского географического общества была создана комиссия под председательством А.П. Заболотского. Перечень пунктов, которые должны войти в словарь, подготовил П.И. Кёппен. Сведения для словаря взяты в Статистическом комитете и земском отделе министерства внутренних дел, департаменте мануфактур и внутренней торговли, департаменте разных податей и сборов. Пять томов «Географо-статистического словаря Российской империи» издавались на протяжении 1863 – 1885 годов. Среди статей справочника присутствуют те, которые представляют интерес для исследователей истории городских поселений. Так, здесь размещены краткие энциклопедические справки обо всех крымских городах [28–38]. Правда, в описании Балаклавы, выявилась неточность – город указан как местечко. Однако, это вполне объяснимо тем, что за время между сбором сведений и публикацией первого тома произошла смена статуса города, что не нашло отображения ни в самой статье о Балаклаве, ни в предисловии.

ВЫВОДЫ

Таким образом, нужно подвести некоторые итоги. Для начала особо отметим, что для составления использовались официальные данные, а это дает основания

считать сведения ценным историческим материалом. Если в самые первые десятилетия после присоединения Крыма к России городам полуострова в справочных изданиях не уделялось достаточного внимания, то уже с 20-х годов XIX века крымские города становятся неперенными участниками всевозможных таблиц, иллюстрирующих статистику поселений России. С 30-х годов XIX века в свет выходят несколько военно-статистических справочников, особое внимание в которых уделяется городам Керчь, Севастополь, Перекоп в связи с их потенциальной военной важностью. Наиболее полные и систематизированные сведения о крымских городах появлялись в трудах 60-х годов XIX века, специализированных справочных изданиях «Городские поселения в Российской империи» и «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 годах». Кроме того, энциклопедические справки обо всех крымских городах впервые появились в «Географо-статистическом словаре Российской империи».

Продвигаясь в направлении дальнейшего изучения источников по истории городов Крыма, можно в перспективе обобщить и проанализировать записки путешественников, мемуары и дневники современников, энциклопедические издания.

Список литературы

1. История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Крымская область. – К. : 1974. – 624 с.
2. Бабенко Г.А. Симферополь – город пользы / Г.А. Бабенко, В.И. Дюличев. – Симферополь : Форма, 2007. – 516 с.
3. Бабенко Г.А. Таврическая губерния : история в очерках / Г.А. Бабенко, В.И. Дюличев. – Симферополь : Таврия, 2009. – 580 с.
4. Вебер Ф.Д. Город Ялта с его окрестностями и лечебными средствами : климатический эскиз и путеводитель / Ф.Д. Вебер. – СПб. : издание К. Реккера, 1886. – 230 с.
5. Вигель Ф. Феодосия. Страницы «Записок» // Путешествия в Феодосию : записки 1769–1904 годов / сост. П. Коньков, Ф. Вигель. – Феодосия : Коктебель, 2002. – С. 18–23.
6. Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем : историко-археологический и географический очерк / Х.Х. Зенкевич. – Керчь, 1894. – 164 с.
7. Знаете ли Вы Крым? / авт.-сост. В.Н. Сухоруков, С.Н. Шаповалова. – 4 изд. : перераб. и доп. – Симферополь : Таврия, 1997. – 208 с.
8. История Джанкойского района / В.С. Гаврикова, Н.В. Гордиенко, Н.И. Иванов, Е.А. Долгая, Е.Б. Кияница, В.Д. Коваленко, О.Н. Хавкун, А.А. Тинякова, Н.П. Шакуров ; под общ. ред. В.В. Пятниковского. – Джанкой, 2008. – 107 с.
9. Когонашвили К. Краткий словарь истории Крыма / К. Когонашвили. – Симферополь : Бизнес-Информ, 1995. – 334 с.
10. Колли Л. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии / Л. Колли // Путешествия в Феодосию : записки 1769–1904 годов / сост. П. Коньков. – Феодосия : Коктебель, 2002. – С. 16–17.
11. Кутайсов В.А. Евпатория : древний мир : средние века : новое время / В.А. Кутайсов, М.В. Кутайсов. – Киев : Стило, 2007. – 284 с.
12. Павленко П.Г. «...В начале жизни школу помню я». Очерки истории Ялтинской гимназии им. А.П. Чехова / П.Г. Павленко. – Симферополь : РуБин, 2006. – 384 с.
13. Потенко А. Старый Крым : историко-краеведческие очерки / А. Потенко. – Симферополь : Салта, 2007. – 156 с.
14. Потенко А. Старый Крым : город музеев, город-музей : сб. зарисовок / А. Потенко. – Симферополь : Салта, 2009. – 254 с.
15. Прилипко Ф.С. Старый Крым : историко-краеведческий очерк / Ф. С. Прилипко. – Симферополь : Крымиздат, 1960. – 96 с.

16. Прохоров Д.А. Присоединение Крыма к России // Книга для чтения по истории Крыма / Д. А. Прохоров. – Симферополь : Феникс, 2010. – С. 133–165.
17. Камеральное описание Крыма 1784 года // Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг. : справочник. – Симферополь : Таврия-Плюс, 1999. – С. 99–116.
18. Таврическая губерния // Городские поселения в Российской империи. – СПб., 1864. – Т. 4. – С. 634–805.
19. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год / сост. из офиц. сведений под руководством дир. Деп. полиции исполнительной Штера. – СПб., 1829. – 95 с.
20. Керчь // Военный энциклопедический лексикон. – СПб., 1855. – Т. 7. – С. 150.
21. Севастополь // Военный энциклопедический лексикон. – СПб., 1857. – Т. 12. – С. 106.
22. Перекоп // Военный энциклопедический лексикон. – СПб., 1856. – Т. 10. – С. 208.
23. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1849. – Т. 11, ч. 2 : Таврическая губерния. – 339 с.
24. Кёппен П. И., Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году / П. И. Кёппен. – СПб., 1857 – 306 с.
25. Список населенных мест Российской империи. Таврическая губерния. 1865 год // Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг. : справочник. – Симферополь : Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.
26. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Часть 2. – СПб., 1863. – 930 с.
27. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Часть 1. – СПб., 1863. – 909 с.
28. Балаклава // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1863. – Т. 1. – С. 195.
29. Бахчисарай // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1863. – Т. 1. – С. 223–224.
30. Евпатория // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1865. – Т. 2. – С. 154–155.
31. Карасубазар // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1865. – Т. 2. – С. 501–502.
32. Керчь // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1865. – Т. 2. – С. 574–577.
33. Крым Старый // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1865. – Т. 2. – С. 810.
34. Перекоп // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1873. – Т. 4. – С. 41–46.
35. Севастополь // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1873. – Т. 4. – С. 532–534.
36. Симферополь // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1873. – Т. 4. – С. 608–610.
37. Ялта // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1885. – Т. 4. – С. 944–946.
38. Феодосия // Географическо-статистический словарь Российской империи. – СПб., 1885. – Т. 5. – С. 424–429.

Анісімова О.С. Довідкові видання Російської імперії як джерела для вивчення історії міст Криму / О.С. Анісімова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 23–30.

Інформація, виявлена в довідкових виданнях, висвітлює деякі аспекти життя кримських міст: статус, число жителів. Інколи містилася повніша інформація щодо політичної та економічної історії міст Криму.

Ключові слова: міста Криму, довідкові видання, енциклопедія, статистичні відомості, списки населених місць.

Anisimova O.S. Certificate editions of the Russian empire as sources for the study of history of cities of Crimea / O.S. Anisimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 23–30.

Information, exposed in certificate editions, lights up some aspects of life of the Crimean cities: status, number of habitants. Sometimes there was more complete information, touching political and economic history of cities of Crimea.

Keywords: cities of Crimea, certificate editions, encyclopaedia, statistical information, lists of the inhabited places.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

УДК 929.732 (440.248)

ПРАВЛЯЧИЙ ГЕРЦОГ ФЕРДИНАНД ФРИДРИХ АНГАЛЬТ-КЕТЕН-ПЛЕССЬКИЙ – ЗАСНОВНИК КОЛОНІЇ АСКАНІЯ-НОВА

Ганкевич В. Ю.

*Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, Сімферополь, Україна
E-mail: prgankiewiczw@yandex.ru*

Стаття присвячена біографії засновника колонії Асканія-Нова на Півдні України герцога Фердинанда Фридриха Ангальт-Кетен-Плесського (1769–1830). На основі маловідомих джерел відновлені основні віхи його життя та діяльності. Окремо висвітлюється питання про процес заснування Асканії-Нова.

Ключові слова: Асканія-Нова, Ангальт-Кетен.

Знаменитий заповідник Асканія-Нова на Херсонщині є одним з найбільш привабливих об'єктів для відвідин туристів, мандрівників, вчених. Але його історія зазвичай обмежується внеском родини Фальц-Фейн у розвиток сільського господарства Півдня України. На цьому тлі широко розповсюджена інформація про заснування самого заповідника одним із представників славетної фамілії – Фридрихом Едуардовичем Фальц-Фейном (1863–1920) [1].

Менше відомо – чому поселення має таку незвичайну назву – Асканія-Нова. Дещо відомо і про те, що її заснували якісь німецькі герцоги, а назва якось пов'язана із їхніми маєтностями. Майже зовсім невідомо про обставини створення поселення та його засновника [2].

Тому, є усі передумови для висвітлення основних етапів життя і діяльності людини, яка добилася створення колонії своїх підданих на Півдні України. Саме вона з плином часу отримала назву – Асканія-Нова.

Такою людиною став герцог Фердинанд Фридрих Ангальт-Кетен-Плесський (1769–1830). Він був представником однієї з найстаріших та найаристократичніших родин Німеччини – Асканіїв.

Його батьком був князь Фридрих Ерцман Ангальт-Кетенський (1731–1797), а матір'ю Луїза Фердинанда (1744–1784) з родини графа Штольберг-Вернігероде [3]. У 1765 р. князь отримав від свого дядька Йоганна Ерцмана Промницького верхньосілезький Плесс. В ньому знаходилися 2 міста та 91 село, в яких мешкало 32 тисячі підданих. З цього часу виникла побічна лінія – Ангальт-Кетен-Плесс.

Саме у Плессі 25 червня 1769 р. у княжій сім'ї народився другий син – принц Фердинанд Фридрих¹. Своє дитинство до семи років принц провів не тільки у

¹ В родині ангальт-кетен-плесського князя Фридриха Ерцмана старшим сином був Ернст Емануель Ерцман (1768–1808), третьою дитиною була донька Анна Амалія (1770–1830), четвертою – син Бенедикт (1771–1773), п'ятою – син Християн (1774–1783), шостою – син Георг (1776–1777), сьомою – син Хайнрих (1778–1847), восьмою – син Християн Фридрих (1780–1806) та дев'ятою – син Людвіг (1783–1830). Див.: Matthias G. Wappen-Almanach der souverainen Regenten Europa's / G. Matthias, C. Masch. – 1842. – S. 5.

Плессі, але й у Бюдінзі та Ганновері, де родина мешкала до 1776 р. [4, с. 11]. З десятирічного віку маленького принца виховував пруський гауптман Дедденрот [5].

Батьківські володіння, очевидно, не приносили достатніх прибутків для великої родини. Тому молодий принц був змушений шукати кар'єри в інших краях, що було традиційним для високородних нащадків збіднілої німецької аристократії. Відомо, що у вересні 1786 р. сімнадцятирічного принца Фердинанда було приписано до пруського 15 гвардійського полку в чині молодшого лейтенанта. 19 березня 1788 р. він вже штабс-капітан 28 піхотного полку Калькштайна. А 25 травня капітан принц Ангальт-Кетен-Плесьський отримав під команду власну роту. З 6 травня 1792 р. майор принц Фердинанд командував батальйоном фузелерів у підпорядкуванні генерала фон Форкаде [6]. З 1793 по 1795 р. він зі своїм підрозділом приймав участь у Рейнському поході. Фердинанд бився під Хохаймом, при Альсхаймі, Лімбаху, Танні, Штайнберзі, Хузенберзі, Тюркхаймі, Обернхаймі, Нойштадті, Киррвайлері, перебував під бомбардировкою Вердену. Під час тяжких битв його кілька разів було поранено (при Хохаймі та Альсхаймі). Але найбільш тяжке поранення Фердинанд отримав у бою при Лаутені, коли йому було прострелено праве стегно. В такому стані з 17 липня по 15 вересня 1794 р. принц перебував на лікуванні в лазареті у Франкфурті. 6 березня 1795 р. майора Ангальт-Кетен-Плесьського було призначено командиром стрілецького батальйону Мартіні № 15. За бойові заслуги 6 січня 1796 р. принца Фердинанда Ангальт-Кетен-Плесс було нагороджено пруським військовим орденом «Pour le mérite» («За заслуги») [7]. Отже, з визнанням бойових заслуг, принц отримав і службове підвищення. Так, 12 вересня 1797 р. він очолив верхньосілезьку стрілецьку бригаду.

Невдовзі відбулися суттєві династичні зміни. 12 грудня 1797 р. ангальт-кетен-плесьський князь Фридрих Ерцман помер. На той час саме Фердинанд був законним спадкоємцем. І він очолив цю свою маленьку державу.

Але князю Фердинанду Фридриху Ангальт-Кетен-Плесьському довелося продовжити службу в пруській армії. Очевидно, служба проходила добре, бо 1 липня 1798 р. його було нагороджено орденом «Roter Adler-Orden» («Червоного Орла»). А 17 травня він отримав черговий військовий чин – підполковника.

Тільки 8 травня 1802 року князя було переведено командиром 2 батальйону до гусарського № 6 полку генерала Шиммельпфеніга фон дер Ойе. А 21 серпня 1802 р. Фердинанду було надано відпустку для того, аби відвідати в Австрії огляд ерцгерцогом Карлом гусарського полку князя Ліхтенштейна поблизу Троппау. Після цього він мав підлікуватися в Тепліці та Вармбрунні, бо дошкуляли старі поранення.

17 лютого 1803 р. князь Фердинанд отримав дозвіл на шлюб із принцесою Марією Доротеєю Луїзою Генрієттою Шлезвіг-Гольштейн-Зондербург-Бекською. Наречена була на 14 років молодше князя і походила із аристократичної родини зі Східної Пруссії. Напередодні шлюбу молодий отримав нове підвищення; 26 травня 1803 р. йому вручили полковницькі еполети.

Шлюбна церемонія відбулася 20 серпня 1803 р. Але молода княгиня Луїза, очевидно, мала брак здоров'я. Вона померла 24 листопада 1803 р. у Плессі від «нервової гарячки» [8].

В цих умовах ангальт-кетен-плесьський князь продовжив військову службу. Відомо, що з 13 квітня 1805 р. він перебував у відпустці. Князь мав намір відвідати Польщу, Молдавію, Валахію та Туреччину [9]. 6 місяців він відпочивав в Україні.

20 жовтня 1805 р. він отримав нове призначення – командиром гусарського полку генерала Шиммельпфеніґа фон дер Ойе. У грудні 1805 року в Бухаресті знову загострилися колишні рани на нозі. Від плану рушити з відтіля до Константинополя із дипломатичним завданням короля довелося відмовитися. 14 жовтня 1806 р йому довелося прийняти участь у битві під Йеною під загальним командуванням князя Ф.Л. Гогенлоє-Інгельфінгена. У наступній битві із переважаючими силами противника князь Фердинанд бився на чолі свого полку при Зьомерде. Після катастрофічної поразки пруських військ під Йеною та Ауерштедтом князь Фердинанд зібрав у Померанії 3000 кіннотників з розбитої пруської кавалерії та привів їх до короля.

Фридрих Вільгельм III був у захваті від цих організаторських дій князя. 21 листопада 1806 р. він підвищив Фердинанда до чину генерал-майора. Більше того, князя було призначено губернатором в Сілезії та у графстві Глатц. Недовге керівництво князя Фердинанда в Сілезії на фоні військово-політичної катастрофи було малоефективним. Організувавши невеликий корпус князь намагався звільнити обложений Бреслау. Обложені не наважилися на вилазку і військо генерал-майора Ангальт-Кетен-Плесьського під тиском ворога було змушене відступити через Швайніц на Несе. Бреслау капітулював...

25 січня 1807 року його було поновлено в командуванні гусарського полку генерала Шиммельпфенінґа фон дер Ойе. Після падіння Брига князь на початку лютого розпочав переговори про перемир'я з принцем Жеромом Бонапартом, маючи на увазі виграти час. Але переговори не вдалися. Швайніц було захоплено французами. Князь Фердинанд був змушений пробиватися біля Цеденіка через Глац до Богемії та скласти зброю перед австрійцям. Його було відсторонено від правління Сілезією. На місце князя Ангальт-Кетен-Плесьського було призначено графа Гетцена. Цією відставкою князь був глибоко ображений. На той час навіть рідний Плесс було окуповано французами.

Після підписання Тільзитського миру князь Фердинанд Ангальт-Кетен-Плесьський настійливо попросився у відставку. Невдовзі 16 жовтня 1807 року він звільнився із збройних сил розгромленої Пруссії з правом користування мундиром. Через графа Фінкенштайна князь навіть отримав рекомендації до австрійського імператора у Відень. Вступити до австрійської армії не вдалося. Не зміг відновитися князь і в пруських збройних силах.

У 1808 р. він відгукнувся на запрошення свого брата герцога Августа Християна Фридриха Ангальт-Кетенського (1769–1812) відвідати його володіння. Весною наступного 1809 р. князь супроводжував герцога у подорожі Рейном до Голландії та Франції. У французькій столиці князь був присутнім на одруженні Наполеона з Марією-Луїзою Австрійською. Під час жахливої пожежі на весільному балу в палаці австрійського посла князя Карла Філіпа цу Шварценберга князь Ангальт-Кетен-Плесьський героїчно відзначився спасінням багатьох осіб. Отже, тільки у 1810 р. князь Фердинанд вирушив з Парижу до рідного Плессу через Страсбург, Мюнхен та Відень [10]. Після прибуття додому, у листопаді, князь присвятив себе своїй рідній

землі. Свої організаторські та економічні здібності він спрямував на розвиток батьківщини. Князь Фердинанд займався сільським господарством та захопився будівництвом. Він цікавився гірничою та металургійною справою.

З часом знову відбулися династичні зміни. 5 травня 1812 р. бездітним помер Ангальт-Кетенський герцог Август Християн Фридрих. Його спадок отримав малолітній племінник принц Людвіг Август Фридрих Еміль (1803–1818).

У лютому 1813 року князь Фердинанд озброїв кілька вершників та направився до пруського короля. Фридрих Вільгельм III зарахував їх до своєї гвардії, а у травні виступив із відозвою до підданих прийняти участь у спротиві французьким окупантам. На заклик відкликнувся і князь Фердинанд Ангальт-Кетен-Плеський. Йому було доручено сілезький ландштурм (ополчення), яким він командував під час боїв шостої анти-наполеонівської коаліції. Спроба відновитися у пруській армії весною 1815 року знову виявилася невдалою. Вже після закінчення війни, 20 травня 1816 р. князь Фердинанд став рицарем вищого пруського ордену «Das Schwarzen Adler» («Чорного Орла») [11].

Через 10 днів князь Фердинанд Ангальт-Кетен-Плеський одружився. Його обранницею стала Юлія Софія графиня Бранденбурзька (1793–1848). Цього разу вікова різниця між одруженими склала 24 роки. Молода була незаконнонародженою донькою пруського короля Фридриха Вільгельма II та графині Софії фон Дьонхоф. Таким чином наречена ангальт-кетен-плеського князя була зведеною сестрою правлячого пруського короля Фридриха Вільгельма III. Графиня Юлія була і зведеною тіткою Фредерики Шарлотти Вільгельміни Пруської, яка у 1817 р. стала дружиною російського великого князя Миколи Павловича. У майбутньому ця родина буде відома як імператорська: (Микола I та Олександра Федорівна). Замолоду при королівському дворі свого брата графиня Юлія Бранденбурзька вважалася дуже привабливою дамою. Вона була обдарована природою, мала красиву зовнішність, витончену фігуру та струнку статуру. Але Юлія Софія мала слабке здоров'я. Нажаль від цього шлюбу не було спадкоємців.

Князь Фердинанд Ангальт-Кетен-Плеський прийняв активну участь у створенні пруського ландверу. 30 березня 1817 році він став командиром 22 полку та ландратом округу Плесс. Але невдовзі військову кар'єру довелося зупинити.

16 грудня 1818 року в Кетені відбулися чергові династичні зміни. Помер чотирнадцятилітній герцог Людвіг. Першим претендентом за заміщення ангальт-кетенського престолу став двоюрідний дядько покійного – князь Фердинанд. В цих умовах йому довелося передати брату принцу Хайнриху рідне князівство Плеське.

Під час свого правління в Ангальт-Кетені герцог Фердинанд вважався покровителем наук та мистецтв. Відомо, що він підтримував дослідження засновника гомеопатії – Самуїла Фридриха Християна Ганеманна (1755–1843) [12]. Вчений, перебуваючи на посаді лейб-медика, з 1821 р. навіть консультував монарха [13].

Ангальт-Кетенський герцог Фердинанд сприяв діяльності фундатора наукової орнітології Іоганна Фридриха Науманна (1780–1857). У 1821 р. він продав Фердинанду велику колекцію таксидермованих птахів за 2000 талерів. Зі свого боку герцог, визнаючи заслуги вченого, призначив його інспектором орнітологічного музею у збудованому столичному замку «Фердинандсбау».

не печатать

Фердинанд-Фридрих
правлячий герцог Ангальт-Кетенський
з гравюри Фр. Больта

*Schulte Fr. Herzog Ferdinand und Herzogin Julie von Anhalt-Cöthen. –
Cöthen: Verlag des Sächsischen Tageblattes, 1925*

не печатать

Державный герб герцогства Ангальт-Дессау-Кетен

Siebmacher J., Hefner von O.T. J.Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch in einer neuen vollständig geordneten und reich vermehrten Auflage in Verbindung mit Mehreren. Band: I, heft: 5. – Nürnberg, 1857

Юлія та герцог Фердинанд Фридрих

Іанцеделлі Старшого

nen. – Cöthen: Verlag des Sächsischen Tageblattes, 1925

Правлячі Ангальт

Schulte Fr. Herzog Ferd

не печатать

Вид Кетена

Hoffmann Fr. Das malerische und romantische Anhalt. – Dessau, [1853]

не печатать

Залізнична станція в Кетені

Hoffmann Fr. Das malerische und romantische Anhalt. – Dessau, [1853]

Придворним архітектором герцога Фердинанда був знаменитий творець «кетенського стилю» в будівництві – Християн Готфрід Хайнрих Бандхауер (1790–1837). За його проектами було зведено багато будівель громадського, культового та господарського призначення: тронний зал в Фердинандсбау, храм Св. Якова, пивоваренний завод в Рослау, казарми у Дюссельдорфі, житлові будинки тощо.

Отже, держава, яку довелося очолити Фердинанду мала площу у 15 квадратних миль [14]. На території герцогства нараховувалося 4 міста, 1 містечко та 93 села. На початку 20-х років XIX ст. населення Ангальт-Кетена складало близько 32.000 осіб [15], з них у столичному Кетені мешкало від 5.000 до 5.500 міщан у 740 будинках [16].

Невдовзі після отримання ангальт-кетенського престолу, 23 березня 1819 року герцога Фердинанда Ангальт-Кетенського було нагороджено пруським військовим орденом «Eisernes Kreuz» («Залізного Хреста») 2 ступеню [17]. Одночасно йому було надано і чергове військове звання – генерал-лейтенант.

У зв'язку із станом здоров'я герцогині Юлії того ж року герцог Фердинанд відвідав Карлсбад, де поруч із лікуванням дружини йому довелося займатися і вирішенням політичних проблем. Наступного року подружжя знову приїхало на цей відомий курорт. У 1821 р. ангальт-кетенська герцогська родина відпочивала на узбережжі річки Емс. А у 1822 та 1823 рр. Юлія та Фридрих відвідали купальні у знаменитому курортному Алексисбаді, який знаходиться в ангальтському окрузі Балленштедт. Потім лікарі порекомендували їм подорож Рейнською областю та Францією [18].

Але Ангальт-Кетенське герцогство, яке дісталось Фердинанду, перебувало у дуже несприятливих політичних та економічних умовах. Відомо, що після Віденського конгресу Саксонське герцогство перейшло у власність королівства Пруссії. Через це більша частина Ангальтської держави опинилася оточеною сусідніми потужними державами. Головною помилкою ангальтської дипломатії на конгресі було те, що не були забезпечені з'єднувальні шляхи сполучення із державами поза Пруссією. В цих умовах пруський уряд перейшов до системи митниць. А Ангальт разом із кількома малими німецькими державами став вважатися частиною Пруссії і навіть був обкладений податками. Ангальтських монархів пруські вельможі навіть не попередили, чим, зрозуміло, глибоко образили їхні суверенні почуття.

Протести до Берліну виявилися неефективними. У 1819 р. герцог Фердинанд із дружиною особисто представляв інтереси своєї держави та всього монаршого дому¹ на важких переговорах у Карлсбаді. Він чітко висловлював свою анти-пруську позицію і відкрито виступав проти Митного Союзу [19, с. 569]. У листі до австрійського державного канцлера князя К. В. Л. Меттерніха герцог Фердинанд називав пруську митну політику загрозою найсвятішим та найважливішим законам [20]. Тому герцог Фердинанд Ангальт-Кетенський звернувся за допомогою до Відня, де і перебував до травня 1820 року [21]. Імператор Австрії Франц II бачив в особі герцога Фердинанда свого важливого союзника у протистоянні просуванню Пруссії в на-

¹ Герцог Фердинанд Фридрих правив Ангальт-Кетеном; представники інших ангальтських гілок династії Асканіїв, відповідно, Леопольд IV Фридрих (1794–1871) – герцогством Ангальт-Дессау, Алексіус Фридрих Християн (1767–1834) – герцогством Ангальт-Бернбург. Разом усі три незалежні герцогства складали єдину державу – Ангальт.

прямку створення власного рейху. Показово, що ангальт-кетенського монарх отримав великий хрест «Königlich-Ungarische Sankt Stephans-Orden» («Угорського Ордену Св. Стефана»). Невдовзі з рук короля Віллема I герцог Фердинанд отримав знаки рицаря «De Orde van de Nederlandse Leeuw» («Великого Хреста Ордену Нідерландського Лева») [22].

Безпосереднім приводом для протистояння з Пруссією стали митні збори за прохід річкових суден Ельбою [23]. Як відомо, це була головна водна артерія, до басейну якої належало усе герцогство Ангальтське. Вона перерізувала головну східну частину у напрямку зі сходу на захід протягом 26 км., а потім слугувала їй кордоном протягом 18,5 км. Нижче Дессау у Ельбу впадала Мульда. А з правого боку вона вбирала в себе Дольвіц, Рослау та Нуту.

Йому вдалося добитися вільного руху суден Ельбою, що обумовлювалося окремою статтею в заключному акті конференції. Цим герцог Фердинанд був задоволений на початковому етапі митної боротьби. З часом протистояння загострилося і тривало майже 10 років. Боротьба була шаленою. Ангальт-Кетенська держава у порівнянні із Пруським королівством складала співвідношення 1:526, а її населення близько 0,3 відсотка [24]. Але політичне протистояння з Пруссією продовжувалося. Тільки 27 серпня 1828 р. за посередництва імператора Франца II герцог Фердинанд, із певними поступками, затвердив митні тарифи з Пруссією.

В цих умовах ангальт-кетенська політика все більше і більше орієнтувалася на віденський двір. Цьому процесу активно сприяв австрійський генеральний консул Адам Мюллер, який переймався більш глибоким відношенням між Віднем та Кетеном. Характерно, що 22 травня 1830 р. Фердинанд став рицарем австрійського «Orden vom Goldenen Vlies» ордену («Золотого Руна»).

Довготривале політичне та економічне протистояння Ангальт-Кетенського герцогства та Пруського королівства призвело до двох кардинальних кроків Фердинанда та Юлії. Перший – зміна конфесійної приналежності правлячої верхівки держави. Другий – активний пошук шляхів посилення економічної і, бажано, військово-політичної незалежності Ангальт-Кетена.

Перший крок завершився під час перебування герцога із дружиною у Парижі. 24 жовтня 1825 р. Фердинанд та Юлія під впливом єзуїтів і, зокрема, панотця Петруса Ронзіна таємно повернулися до лона Римо-Католицької Церкви [25]. Офіційно підданим про перехід правлячого герцога з дружиною до римо-католицизму в Ангальт-Кетені було оголошено під час святкування «Трьох королів» – 13 січня 1826 р. Це була найбільша перемога ордену за останні 35 років.

Причинами, які призвели до цієї ситуації стали наступні чинники. По-перше, ще у Плессі існувало досить потужна католицька громада, яка мала своїх представників насамперед серед князівського оточення. Вона церковно підпорядковувалася Бреслау та Кракову. По-друге, військовий досвід та мандри Європою не викликали у Фердинанда різкої та принципової відрази до католицизму. По-третє, навіть у Кетені впливовим теж було католицьке релігійне лоббі. Особливо це стосувалося придворного штату. Наприклад, до католицької громади входили імена 14 державних діячів, які перебували на високих посадах при герцогському дворі – оберхофмейстера, гофмаршала, камергера, кабінет-секретаря, фінансрата та

інших [26]. По-третє, політично-економічний тиск та нищення основ державності активно використовувалися лідером «протестантських держав» – Пруського королівства. Одночасно, з боку форпосту католицизму серед, принаймні, німецьких держав – Австрійської імперії відчувалися політичне покровительство, дипломатична підтримка та співчуття.

До того ж, поголоси того часу свідчили, що «спонукальними причинами до премії віросповідання ангальт-кетенського герцога витікали просто із непомірно великих витрат, які він робив не за станом та статками» [27]. Мабуть подібні витрати, насамперед, були викликані шаленою митною війною із Пруссією.

Придворним капелланом став майбутній двадцять другий генерал ордену єзуїтів Петер Ян Беккс (1795–1887). Він же очолив і орденську місію у Кетені, яка зазвичай складалася із чотирьох-п'яти членів. Його полум'яні проповіді та бурхлива діяльність навернули до римо-католицизму більше двох сотень ангальтців.

Склалася кумедна ситуація, яка викликала серед підданих непорозуміння власне церковного напрямку. Справа полягала у тому, що як володарюючий князь, герцог Фердинанд мав виконувати і обов'язки протестантського єпископа. Тому, будучи перконаним римо-католиком він одночасно вважався главою Євангелічної Церкви Ангальт-Кетена [28]. І ця ситуація склалася при тому, що з 33.500 підданих приблизно 33.000 були протестантами [29].

Однак, цей крок герцога та герцогині Ангальт-Кетенських викликав бурю невдоволення та роздратування при прусському дворі. (І це не дивлячись на згоду короля на зміну віри принцесою Шарлоттою, яка, як відомо, перейшла у Православ'я).

Другий крок, який здійснив герцог Фердинанд у напрямку відродження ангальтської державності, було заснування сільськогосподарської колонії на Півдні України. Отже, уряд герцога Фердинанда постійно шукав нові шляхи розвитку своєї економіки.

Один з перспективних проектів запропонували високі ангальт-кетенські чиновники – амтсрат Людвиг Альберт та фінансротен Август Людвиг фон Бер. Вони намагалися перехопити ініціативу у Саксонського королівства, до якого звернулася Росія з пропозицією допомогти у розвитку мериносового вівчарства. 30 листопада 1826 р. Л. Альберт за дорученням герцога Фердинанда звернувся із листом-пропозицією до російського генерального консула в Лейпцизі Вільгельма фон Фрейганга.

На початку 1827 р. російський консул повідомив ангальт-кетенський уряд про принципову згоду Санкт-Петербургу на заснування в одній із південних губерній сільськогосподарської колонії.

Розуміючи перспективи та відчуваючи підтримку, герцог Фердинанд письмово зв'язався безпосередньо із імператором Миколою I. У листі герцог звертався із проханням підтримати план його уряду і висловився із формальною пропозицією заснувати «маленьку колонію моїх підданих, головною турботою якої буде культура чистокровних овець та їхнє розповсюдження» [30]. Більше того, вже 7 квітня 1827 року герцог запропонував імператору більш докладний «план створення та розвитку вівчарних господарств в Росії». Герцог Фердинанд просив підтримати прагнення

ангальтських вівчарів та схвалити план, переданий його чиновниками міністру фінансів Росії Г. Л. Д. фон Канкрину. Відомий німецький дослідник цілком справедливо зазначав, що «ангальт-кетенський дім розраховував, що цією пропозицією він посилить стосунки із спорідненою російською династією та відкриє прибуткове джерело доходів» [31].

25 липня 1827 р. ангальт-кетенський герцог отримав позитивну відповідь російського імператора. В ній Микола I дав найсприятливіший відгук, стверджуючи, що такий план викликає дуже великий інтерес. Тому міністру фінансів було доручено якомога прискіпливіше розглянути запропонований проект [32]. Обидва уряди домовилися створити спільну комісію. З ангальт-кетенського боку були призначені А. фон Бер та Л. Альберт. Пізніше до них приєднався оберамтман Август Брауманн, до обов'язків якого входило управління майбутньою колонією. 14 вересня 1827 р. комісія вирушила з Кетену. Через Лейпциг, Левіц, Варшаву, Брест-Литовський, Житомир, Бердичів, Тульчин, Балту, Дубоссари, Одесу, Миколаїв, Херсон вона добралася до місця, яке було обране в якості території майбутньої колонії. Далі через німецьку колонію Молочна, Харків, Курськ, Орел і Тулу комісія досягла Москви. І тільки 31 жовтня вона прибула до Санкт-Петербурга.

Ангальт-Кетенську делегацію приймали дуже прихильно. Розпочалися міждержавні переговори. Герцог Фердинанд прагнув через створення колонії посилити економічну ситуацію в країні; стан держави на європейській політичній арені; отримати письмові гарантії щодо військово-політичного захисту та, навіть, створити окреме князівство із власним гербом. Але російська сторона наполягала на суто економічній складовій угоди і унеможливила прагнення залучення зовнішньої політичних чинників з боку ангальт-кетенської дипломатії. Після проведення складних переговорів, угода була підготовлена.

В результаті узгодження усіх протиріч, 3 березня 1828 року було підписано іменний Указ імператора Миколи I «Об учреждении в Таврической губернии колонии из Ангальтских поселенцев» [33]. В ньому визначалися усі чільні позиції створення та розвитку ангальт-кетенської колонії на Півдні України. Невдовзі надвірний радник Карл Християн фон Кистер був призначений повіреним у справах герцогства Ангальт-Кетен при російському імператорському дворі [34].

28 квітня 1828 року герцог Фердинанд підписав документ про створення «Головного управління Таврійських поселень». Герцог Фердинанд вважав, що його нове володіння мало визначитися абсолютною самостійністю [35]. Саме чиновники А. фон Бер та Л. Альберт очолили цей заклад, на яке уряд покладав великі економічні та, навіть, політичні надії [36]. Крім того, безпосередньо на місцях було створено «Правління Таврійських поселень», яку очолив Август Брауманн. Помічником адміністрації та керівництвом будівельних робіт став архітектор Вельс. 15 грудня 1828 року керівником перевалочної бази для отар в с. Кисляк Гайсинського староства був призначений Франц Теецманн [37].

Проводи першого транспорту з Кетену були урочистими. На церемонії були присутніми навіть герцог Фердинанд та герцогиня Юлія. Заходи відбувалися при великому скупченні народу [38]. Сучасна подія «Anhalt-Cöthensche Zeitung» писала: «11 серпня цього року» ми бачили рідкісне для місцевих мешканців явище; пер-

ший головний караван, який складався із 3000 овець рушив у нові володіння його світлості герцога Ангальтського у південній Росії. Багато чисельний натовп зібрався з цього приводу, присутніми були також їхні світлості герцог та герцогиня. Через те, що такі транспорти овець будуть відходити щорічно, країна наша може розраховувати на прибуток» [39]. Лише наприкінці літа 1828 року перший транспорт відправився в дорогу з Кетену, зазначав П. Козлов [40].

На чолі перших трьох транспортів стояв комісар-агроном Піхт. На територію новоствореної колонії прибуло 25 осіб (15 чоловіків, 4 жінки та 6 дітей). Колоністи супроводжували 2886 голів овець (серед них 50 баранів), 2 швейцарських бугаїв, 8 корів (3 фрисландські, 3 гарцькі та 2 швейцарські), а також 8 коней [41].

25 жовтня 1829 року в Таврію прибув другий транспорт. До нього увійшло 47 осіб [42]. Серед нових колоністів опинився син фінансового радника економ Брауман, ремісники з родинами, а також 24 пастуха та підпаска. В транспорті знаходилося більше 5000 голів овець [43], 100 козлів та 10 коней [44].

13 липня 1830 року з Кетену вирушив третій транспорт. Цього разу звідтіля виїхало 50 осіб, у тому числі 23 чоловіків, 6 жінок та 21 дитина. Серед колоністів знаходилися висококваліфіковані спеціалісти: сортувальник вовни, пічник, виноградар, муляр, коваль, чоботар та вчитель. До цього транспорту увійшли 2500 вівцематок, 130 баранів, 15 коней та 12 вівчарських собак [45]. Транспорт традиційним шляхом прибув до таврійських володінь 31 вересня 1830 року хоча й «без значних втрат» [46], але вже після смерті герцога Фердинанда Фридриха Ангальт-Кетенського.

Отже, основу для розвитку колонії було закладено. Поселення почало динамічно розбудовуватися. Стало налагоджуватися господарство.

Сам герцог Фердинанд покладав великі надії на політичне та економічне відродження своєї держави. Перспективи він пов'язував саме із сільськогосподарським розвитком, які широко розкривалося б саме в його південно-українських маєностях [47]. Без сумніву, герцог Фердинанд дуже хотів відвідати свої володіння в Таврії. Але цьому бажанню не склалося збутися. Він помер у Кетені 26 серпня 1830 р. і був урочисто похований у склепі Марієнкірхе.

Під час правління герцога Хайнріха – брата покійного колонія отримала назву Асканія-Нова. Це було зроблено у пам'ять про колись втрачене графство Асканія, що належало ангальтській династії. Назва ж збереглася лише у титулатурі герцогів. Цікаво, що два хутори в колонії отримали назви Фердинандівка та Юліанівка на честь попередніх правителів Ангальт-Кетена.

Список використаних джерел і літератури:

1. Задерейчук А. А. Фальц-Фейны в Таврии / А. А. Задерейчук. – Симферополь : Доля, 2010. – 190 с.
2. Weiner D.R. Models of nature : ecology, conservation, and cultural revolution in Soviet Russia / D.R. Weiner. – Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2000. – P. 71.
3. Masch G. M. C. Wappen-Almanach der souverainen Regenten Europa's / G. M. C. Masch / D. R. Weiner. – 1842. – S. 5.
4. Shulte Fr. Herzog Ferdinand und herzogin Julie von Anhalt-Cöthen. Eine religionsgeschichtliche und religionspsychologische Studie / Fr. Shulte. – Cöthen : Ver. des Sachsichen Tageblattes, 1925. – 140 s.
5. Der Staatsmann : Zeitschrift für politik und geschichte. – Offenbach am Main: Ferdinand Hauch, 1828. – S. 2.

6. Там же, 1828. – Bid. – S. 3.
7. Schöning K. W. Die Generale der chur-brandenburgischen und königlich Preußischen Armee von 1640–1840 / K. W. Schöning. – 1840. – S. 200.
8. Shulte Fr. Вказ. тв. – S. 12.
9. Der Staatsmann. Zeitschrift für politik und geschichte. – Offenbach am Main: Ferdinand Hauch, 1828. – S. 6.
10. Der Staatsmann : Zeitschrift für politik und geschichte. – Offenbach am Main: Ferdinand Hauch, 1828. – S. 9.
11. Schöning K.W. Вказ. тв. – 1840. – S. 200.
12. Epps J. Homoeopathy and its principles explained / J. Epps. – London, 1850. – P. 39.
13. Psychiatry & Homoeopathy / F. Risquez. – Dehli: Wazirpur Printing Press Area, 1995. – 287 p.
14. Statistique générale de l'Europe l'Asie, l'Afrique, l'Amérique et l'Océanie. Tome Premier. L'Univers, la Terre, l'Europe. – Paris: Au Bureau de la société de statistique, 1838. – P. 365; Encyclopædia americana: A popular dictionary of arts, sciences, literature, history, politics and biography. Vol. 3. – Boston: B.B. Mussey & C°, 1830. – P. 570.
15. Elements Geography, Ancient and Modern; with an atlas. – Boston: Published by Cummings and Hiliard, 1822. – P. 130.
16. Статистическое обозрение Света : Европа // Московский телеграф. – 1826. – Ч. 7. – С. 141.
17. Schöning K.W. Вказ. тв. – S. 200.
18. Der Staatsmann... – S. 17.
19. Zimmermann H.-P. Ästhetische Aufklärung: zur Revision der Romantik in volkskundlicher Absicht / H.-P. Zimmermann. – Würzburg: Königshaus & Neumann GmbH, 2001. – 647 s.
20. Shulte Fr. Вказ. тв. – S. 16.
21. Der Staatsmann... – S. 16.
22. Там же. – S. 17.
23. Chronik von Askania Nova in der Zeit des anhaltischen Besitzes // Аскания-Нова в исторических планах и рисунках 1828 – 1856 гг. – СПб. ; Магдебург ; Кетен, 2008. – Рис. 3 [С. 12].
24. Kiewewetter H. Industrielle Revolution in Deutschland: Regionen als Wachstumsmotoren / H. Kiewewetter. – München: Franz Steiner Verlag, 2004. – S. 45.
25. The American Almanac and repository of useful knowledge, for the year 1831. – Boston, 1831. – P. 263; A History of popery; containing an account of the origin, growth and progress of the papal power. – London: John W. Parker, M.DCCC.XXXVIII [1838]. – P. 445; Ангальт-Кетенский герцог// Справочный энциклопедический словарь. – СПб., 1847. – Т. 1. – С. 292.
26. Shulte Fr. Вказ. тв. – S. 18.
27. Иезуиты в Западной Европе, с начала до половины текущего столетия // Отечественные записки. – 1861. – Авг. – С. 491.
28. Chronik von Askania Nova... Вказ. тв. – Рис. 17 [С. 34].
29. Статистическое обозрение Света : Европа // Московский телеграф. – 1826. – Ч. 7. – С. 141.
30. Козлов П. Аскания-Нова в ея прошлом и настоящем. История Ангальтской колонии в Южной России / П. Козлов // Русская Старина. – 1914. – Май. – С. 358.
31. Brandes D. Von den Zaren adoptiert: die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien 1751–1914 / D. Brandes. – München: Oldenbourg, 1993. – S. 402.
32. Chronik von Askania Nova... 2008. – [С. 7].
33. II ПСЗ, т. III, 1828, № 1841; Кёппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России / П. Кёппен. – СПб.: Тип. императорской Академии Наук, 1861. – С. 398.
34. Chronik von Askania Nova... Указ. соч. – [С. 7].
35. Державний архів Херсонської області, ф. 250, оп. 1, спр. 3 «Диссертационные черновые рукописи об истории возникновения овцеводства в Аскании-Нова (в переводе Чаплинского)», арк. 10 ; Фальц-Фейн В. Э. Аскания-Нова / В. Э. Фальц-Фейн. – К. : Аграрная наука, 1997. – С. 24.
36. Козлов П. Вказ. тв. – С. 362–363.
37. Дрогобыч Н. Е. Франц Тецманн – первый исследователь Асканийской степи / Н. Е. Дрогобыч // Актуальні питання збереження і відновлення степових екосистем: Матеріали міжнародної наукової

конференції, присвяченої 100-річчю заповідання асканійського степу (Асканія-Нова, 21–23 травня 1998 р.). – Асканія-Нова, 1998. – С. 114.

38. Данилевич Н. Барон Фальц-Фейн. Жизнь русского аристократа / Н. Данилевич. – М. : Изобразительное искусство, 2000. – С. 17.

39. Козлов П. Вказ. тв. – С. 363.

40. Там же.

41. Державний архів Херсонської області, ф. 250, оп. 1, спр. 3 «Диссертационные черновые рукописи об истории возникновения овцеводства в Аскании-Нова (в переводе Чаплинского)», арк. 11.

42. Фальц-Фейн В.Э. Аскания-Нова / В.Э. Фальц-Фейн. – К.: Аграрная наука, 1997. – С. 25; Chronik von Askania Nova... – [С. 6].

43. Chronik von Askania Nova... Вказ. тв. – [С. 6].

44. Фальц-Фейн В.Э. Вказ. тв. – С. 25.

45. Державний архів Херсонської області, ф. 250, оп. 1, спр. 3 «Диссертационные черновые рукописи об истории возникновения овцеводства в Аскании-Нова (в переводе Чаплинского)», арк. 12.

46. Козлов П. Вказ. тв. – С. 364.

47. Schulte Fr. Вказ. тв. – S. 136–137.

Ганкевич В. Ю. Правлящий герцог Фердинанд Фридрих Ангальт-Кетен-Плесский – основатель колонии Аскания-Нова / В. Ю. Ганкевич // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвыпуск «История Украины». – С. 31–45.

Статья посвящена биографии основателя колонии Аскания-Нова на Юге Украины герцога Фердинанда Фридриха Ангальт-Кетен-Плесского (1769 – 1830). На основе малоизвестных источников восстановлены основные вехи его жизни и деятельности. Отдельно освещается вопрос о процессе основания Аскании-Нова.

Ключевые слова: Аскания-Нова, Ангальт-Кетен.

Gankiewicz W. The ruling Duke Ferdinand Friedrich of Anhalt-Köthen-Pless: the founder of the Askania-Nova colony / W. Gankiewicz // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 31–45.

The article is devoted to the biography of Duke Ferdinand Friedrich of Anhalt-Köthen-Pless (1769–1830), who was the founder of Askania-Nova colony in the South of Ukraine. On the basis of little-known sources the so called «milestones» of his life and work have been disclosed. Apart from that, the process of founding of Askania-Nova is highlighted.

Keywords: Askania-Nova, Anhalt-Köthen.

Поступила в редакцию 01.11.2011 г.

УДК 94(477.75) «1942» + 82-94

ТРАГЕДИЯ КРЫМСКОГО ФРОНТА 1942 ГОДА В МЕМУАРАХ И ДНЕВНИКАХ

Гогунская Т.А.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского
E-mail: tagogun@mail.ru*

В статье представлен обзор мемуарной литературы по истории Крымского фронта 1942 года. На основе воспоминаний участников и очевидцев событий весенней военной кампании в Восточном Крыму показана как историческая, так и психологическая сторона Керченской катастрофы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крымский фронт, 1942 год, военные мемуары

История Великой Отечественной войны еще очень долго будет одной из наиболее актуальных тем исторических исследований. Знание основных битв и сражений, особенностей оккупационного режима и партизанского движения часто оставляет за кадром истинное понимание горечи трагедии и радости победы. Чем дальше от нас эта война, тем равнодушнее и безучастнее, к сожалению, относится общество к тем далеким дням. В условиях переизбытка информации в сети интернет и на телевидении манипуляции сознанием, особенно неподготовленного молодого поколения, избежать практически невозможно. Тем важнее расставлять четкие акценты в восприятии нашего исторического прошлого, чтобы формировать такие же четкие идеалы на будущее.

Прочтение Великой Отечественной войны в современной Украине сегодня характеризуется повышенным вниманием к исследованиям оккупационного режима и деятельности ОУН – УПА в украинских землях, военные действия подаются кратко сухим набором цифр и дат. Подобная ситуация способствует искаженному пониманию трагедии войны и факта Победы как судьбоносного для нашего народа и нашей страны события. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение на самом широком уровне повседневности войны, за что воевали и что пережили наши деды и прадеды, какой ценой досталась им Победа. Именно эти солдаты и офицеры должны стать для молодого поколения образцами мужества, честности, порядочности и доброты.

В тоже время идеалами должны стать не просто портреты с орденами и краткой биографией, ими должны стать конкретные люди со своими чувствами и мыслями, переживаниями и надеждами. Именно такими живыми людьми предстают перед нами авторы воспоминаний и дневников периода Великой Отечественной войны. Подобных работ достаточно много было издано в 1960 – 80-е годы, есть и современные публикации. По ним можно отследить многие события военных лет, в том числе и трагические страницы неудач нашей армии как это произошло весной 1942 года на Керченском полуострове.

Ключевые моменты трагедии Крымского фронта подробно исследованы в исторической литературе. Первые попытки проанализировать неудачи Красной Армии в Крыму весной 1942 года были сделаны через месяц Ставкой Верховного Главного Командования СССР, а через год вышло первое военно-историческое исследование Л.И.Виниковского по этой проблеме [1]. Впоследствии указанные в Директиве Ставки от 4 июня 1942 года причины поражения Крымского фронта неоднократно цитировались в военно-исторических исследованиях и энциклопедических изданиях по Великой Отечественной войне.

В 60–70-е годы XX века в крымском издательстве выходят научно-популярные книги, посвященные военной истории Крыма в целом и Керчи в частности [2]. Особый вклад в изучение военных действий на Керченском полуострове внес крымский историк и участник Великой Отечественной войны Михаил Родионович Акулов [3]. В последнее десятилетие активную издательскую деятельность проводит Керченский государственный историко-культурный заповедник, который в рамках военно-исторических чтений опубликовал ряд интересных материалов документального и аналитического характера по проблемам Крымского фронта и обороне Аджимушкских каменоломен [4].

Ведущее место в историографии данной проблемы занимают работы российских исследователей. В 2002 году в серии «Военная летопись» вышла книга Ильи Мощанского и Александра Савина «Борьба за Крым (сентябрь 1941 – июль 1942)», в которой были подробно проанализированы боевые действия этого периода, приведены карты и цифры, даны оценки с точки зрения военной науки и искусства [5]. Через несколько лет события 1942 года на Керченском полуострове нашли новое отражение в новой публикации одного из авторов – Ильи Мощанского – «1942-й... От трагедии Крыма до победы под Сталинградом» [6].

Самым интересным и подробным, с использованием широкого круга источников, на сегодняшний день является исследование петербургского историка, кандидата исторических наук, полковника в отставке Всеволода Валентиновича Абрамова «Керченская катастрофа 1942» [7]. Автор занимался проблемой Крымского фронта и обороны Аджимушкских каменоломен в течение нескольких десятилетий: участвовал в экспедиции «Аджимушкай», работал в архивах и собирал воспоминания и свидетельства участников событий и их родственников. На основе огромного архива данных о событиях 1942 года на Керченском полуострове и была написана указанная выше книга, в которой каждый приведенный факт имеет ссылку на источники. Исследование Всеволода Валентиновича отличается простотой и ясностью изложения с частыми вкраплениями свидетельств очевидцев и собственных рассказов, что позволяет в полной мере осознать масштабы трагических событий в восточном Крыму.

Фактически в дополнение к замечательному исследованию В.В.Абрамова предлагается обзор мемуарной и дневниковой литературы по теме «Крымский фронт 1942 года». Военные воспоминания – это особый жанр литературы, характеризующийся одновременно как художественное произведение и исторический источник. Большинство мемуаров вышло в советский период и соответственно прошло через определенную цензуру. В тоже время, как утверждает Рожкова Н.Е., свидетельства

людей, прошедших через ситуации, когда стресс становится чуть ли не нормой, содержат исключительно важный материал для изучения психологии войны. Мирощущение тех, кто участвовал в незабываемых событиях, их моральное состояние и душевные коллизии – всё, что создает дыхание времени, раскрывается перед читателем в результате «присутствия» личности повествователя [8].

Военных мемуаров, затрагивающих историю Крымского фронта, насчитывается около двух десятков книг. Они не являются равнозначными по объему и содержанию, что связано со степенью участия в весенней кампании в Крыму и занимаемой должности авторов мемуаров. Все воспоминания можно разделить на шесть групп:

I группа – воспоминания представителей высшего военного командования и Генерального штаба (А.М.Василевского, Н.Н.Воронова, Н.С.Скрипко, С.М.Штеменко)

II группа – воспоминания представителей военно-морского флота (С.Г.Горшкова, Н.И.Крылова, Н.М.Кулакова, Ф.В.Монастырского, В.А.Мартынова и С.Ф.Спахова)

III группа – воспоминания представителей военно-воздушных сил (А.Л.Иванова, А.З.Каравацкого, В.И.Ракова, П.М.Полуяна)

IV группа – воспоминания представителей сухопутных войск (Н.Г.Штыкова, Л.Иванова)

V группа – воспоминания представителей вспомогательных войск (Ф.И.Галкина, И.П.Галицкого, А.Ф.Хренова, И.Н.Левченко)

VI группа – воспоминания военных корреспондентов (К.М.Симонова, И.Л.Сельвинского, Д.И.Ортенберга).

Мемуары первой группы в соответствии с маршальскими званиями их авторов (за исключением члена Генштаба С.М.Штеменко) характеризуются общим подходом в описании Керченской трагедии. В них главное внимание уделяется причинам поражения Крымского фронта. Так, маршал Александр Михайлович Василевский дает обстоятельную оценку майским событиям в соответствии с директивой Ставки от 4 июня 1942 года, приводит переписку между И.В.Сталиным и Л.З.Мехлисом (представителем Ставки на Крымском фронте) [9, с. 190–194]. Современный российский публицист Ю.Мухин в своей книге «Если бы не генералы!» критикует Василевского в неискренности и непризнании своей вины как и.о. начальника Генштаба в том же бюрократическом и бумажном методе, в котором маршал от имени Ставки обвиняет руководство Крымского фронта [10, с. 234].

Маршалы авиации и артиллерии – Николай Семенович Скрипко и Николай Николаевич Воронов – говорят о проблемах, связанных непосредственно с их родами войск. Н.С.Скрипко, получив 12 мая 1942 года в свое подчинение всю авиацию Крымского фронта, уже на следующий день убедился в том, что «принял под свое начало фактически несуществующее хозяйство» [11, с. 170]. Причиной тому, по мнению маршала, стала выработка моторесурсов истребительной авиацией в период относительного затишья в марте-апреле 1942 года, что предопределило катастрофическое превосходство противника в воздухе в критические дни для Крымского фронта. Н.Н.Воронов, в свою очередь, пишет о проблемах взаимодействия артилле-

рии с пехотой и танками, о небоеспособности резервных стрелковых дивизий, о беспорядочном отступлении с утратой оружия – что стало следствием того, что «на обе ноги хромоало управление войсками» [12, с. 236].

В военных мемуарах замначальника (на май 1942 года) Оперативного управления Генштаба Сергея Матвеевича Штеменко представлена общая картина подготовки весенне-летней военной кампании Красной Армии. Автор говорит о серьезных просчетах и ошибочных прогнозах Ставки относительно главного удара противника, что привело к недооценке южного направления [13, с. 35]. Именно этим, по мнению С.М.Штеменко, объясняется терпимость к промахам командования Юго-Западного и отчасти Южного фронтов, так как наказания командования Крымского фронта были не столь суровыми как в отношении генералов в 1941 году.

Во второй группе воспоминаний представителей ВМФ одни авторы выступают как ближайшие наблюдатели из Севастополя и Азова, а другие как непосредственные участники с Керченской военно-морской базы (КВМБ). К первым относятся командующий Азовской военной флотилией С.Г.Горшков, член Военного совета Черноморского флота Н.М.Кулаков и начштаба Приморской армии Н.И.Крылов. Они в своих воспоминаниях с горечью упоминают майские события на Керченском полуострове, предопределившие обреченность защитников Севастополя.

Николай Михайлович Кулаков приводит личные впечатления (во время поездки в штаб Крымфронта) о негативном влиянии представителя Ставки Л.З.Мехлиса на руководство Крымским фронтом: дивизионный комиссар Ф.А.Шаманин в откровенной беседе признался ему в чрезмерной опеке и давлении на Военный совет со стороны Л.З.Мехлиса, а командующий Крымфронтом Д.Т.Козлов выслушал его просьбы незаинтересованно и открыто перенаправил к Л.З.Мехлису [14, с. 250]. Примечателен и тот факт в воспоминаниях Н.М.Кулакова, что командующий Черноморским фронтом Ф.С.Октябрьский в конце апреля предоставлял разведанные об интенсивной подготовке гитлеровцев к наступлению против войск Крымфронта Д.Т.Козлову, но к ним отнеслись недоверчиво. Начальник штаба Приморской армии Николай Иванович Крылов подробно описывает психологическую сторону ожиданий в Севастополе наступления Крымского фронта и свои собственные размышления: «Готовиться-то, очевидно, готовится, – думалось мне, – да очень уж долго. Если сейчас дело в грунте, в дорогах, то они ведь подсыхают и для немцев» [15, с. 448].

С точки зрения военной стратегии и тактики описывает ход событий и причины поражения Крымского фронта весной 1942 года командующий (на тот момент) Азовской флотилией Сергей Георгиевич Горшков. Он особо выделяет отсутствие согласованности в действиях сухопутных сил и флота: «Взаимодействию сил флота и фронта мешало несвоевременное, а подчас и необоснованное, не соответствующее обстановке ориентирование флота командующим фронтом на предстоящие действия. Ход боевых действий на керченском и феодосийском направлениях зачастую существенно отличался от намеченного» [16, с. 84]. В результате войска Приморской армии несли зачастую неоправданные потери и нерационально расходовали боеприпасы.

Мемуары представителей КВМБ Федора Васильевича Монастырского и В.А.Мартынова отражают участие моряков-краснофлотцев в боях за Керчь. У Ф.В.Монастырского информации немного и касается она переправы отступающих войск, отчаяния и паники на берегу Керченского пролива [17, с. 6–9]. Военком КВМБ В.А.Мартынов более подробно и обстоятельно описывает бои за Керчь в конце 1941 – первой половине 1942 года. Автор вспоминает о героических усилиях по организации перевозок грузов через Керченский пролив для Крымского фронта, о проблемах противоминной службы на море, признает неоправданные жертвы среди командного состава во время бомбардировок в Керчи из-за пренебрежения командным пунктом на горе Митридат. Особого внимания заслуживает его рассказ об обороне Керченской крепости, из которой он должен был эвакуировать личный состав базы (в том числе и присоединившиеся к ним отступавшие части) и затем уничтожить крепостные склады с авиационным и артиллерийским боезапасом. Оборона была недолгой – в течение двух дней 14–15 мая, исчерпав боеприпасы, В.А.Мартынов в открытой, но непонятной противнику, радиотелеграмме попросил плавсредства для эвакуации, которая успешно и планомерно прошла в ночь на 16 мая [18, с. 100–114]. В.В.Абрамов в своем исследовании говорит о поспешности решения В.А.Мартынова об эвакуации, так как крепость позволила бы задержать противника и дать возможность спасти большее количество людей [7, с. 40].

Мемуары третьей группы принадлежат летчикам В.И.Ракову, А.Л.Иванову, А.З.Каравацкому, а также авиационному механику П.М.Полуяну. Авторы повествуют о сложных условиях воздушной войны на Керченском полуострове, о героизме многих летчиков. В частности, у Афанасия Зиновьевича Каравацкого есть история о подвигах и смелости полковника В.Можаева, погибшего на крымской земле [19, с. 90–92]. А случай Анатолия Леонидовича Иванова – когда он, спасая других, атаковал противника и отстал от основной группы, чем воспользовались немцы – ярко показал высокую технику пилотирования советских летчиков, надежность истребителя И-16 и великую силу взаимной выручки [20, с. 102–104]. В мемуарах Василия Ивановича Ракова прослеживается судьба морских летчиков, базировавшихся на керченских аэродромах. Простые истории фронтовых будней перемежаются с описанием критической ситуации в мае 1942 года и перебазировании самолетов на Тамань в тяжелых погодных условиях (сильный туман) [21].

Особого внимания заслуживают воспоминания простого авиационного механика Петра Матвеевича Полуяна, опубликованные уже в 1990-е годы, а потому не подвергшиеся жесткой цензуре советского периода. Эти мемуары выделяются из всех остальных очень искренним и честным описанием не только героизма советских воинов, но и предательства и подлости командиров, суровой реальности отступления Крымского фронта. Например, как прославленный и любимый народом герой гражданской войны С.М.Буденный холодно отреагировал на похороны погибших летчиков: «Он возле нас постоял некоторое время и даже не снял фуражки, залез в свою «эмку» и на полных газах укатил в сторону Керчи» [22, с. 100]. Или о том, как командир полка вместе с начальником штаба из-за собственного безрассудства и пренебрежения тренировками в технике пилотирования гибнут не в бою, а во время посадки.

Наибольшее впечатление в мемуарах П.М.Полуяна производит описание его «крестного хода» с момента бомбежки аэродрома 8 мая и до возвращения на Большую землю 10 мая ценою нечеловеческих усилий. Это повествование отражает всю горечь катастрофы Крымского фронта: как во время бомбежки аэродрома были похоронены заживо под самолетами, засыпанными землей, прятавшиеся летчики; как на последнем уцелевшем самолете удирал политрук полка, выгнав из кабины механиков; как под проливным дождем, постоянно падая в грязь на крымскую землю под свистом пуль, добирались до Керчи; как на каждом шагу наблюдали жуткое зрелище – «вот она частица нашей непобедимой Красной Армии, лежит мертвая в грязи, об этом молчали и не писали, что красноармейцы и командиры так бесславно погибают за свое Отечество»; как умирали беспомощные раненые, которым некому было оказать помощь; как сотнями лежали убитые и не было возможности их похоронить – все они попадут в списки пропавших без вести; какой страшный кошмар творился на совершенно непроходимых дорогах; как во время переправы рядом немцы сбросили бомбы на пароход с ранеными, а им с баркаса за 50 м до берега приказали вплавь добираться, шестеро утонули – «уцелеть под сплошной бомбежкой и обстрелом, 60 км падать в грязь, быть промокшими до костей, перенести нечеловеческие муки, несколько раз смотреть смерти в глаза и утонуть в родной воде, не доплыв до берега несколько метров»... [22, с. 112].

К четвертой группе воспоминаний относятся воспоминания представителей сухопутных войск, которых из опубликованных оказалось очень мало, принадлежат они начальнику штаба полка горнострелковой дивизии Н.Г.Штыкову и ветерану контрразведки (оперуполномоченному батальона на Крымском фронте) Л.Г.Иванову. Николай Григорьевич Штыков рассказывает о фронтовых буднях и организационных моментах Крымского фронта: о перебоях со снабжением как продовольствием, так и боеприпасами, о проблемах организации штабной работы. Но особый интерес вызывает его повествование о боевых действиях горнострелкового полка с немцами 8–19 мая и в частности его первый бой в качестве командира полка 10–11 мая: «И все-таки мы сумели закрепиться на участке восточнее Киет! Двое суток непрерывно длился этот мой первый бой. Такое запоминается на всю жизнь...» [23, с. 23].

Бывший контрразведчик Леонид Георгиевич Иванов в своих мемуарах описывает особенности быта на передовой и, по долгу службы, морально-психологическое состояние войск. Одним из ярких эпизодов в его воспоминаниях является рассказ об отступлении за Керчью в районе Маяка, когда в условиях безысходности Иванов решает застрелиться, чтобы не попасть в плен, и: «В этот момент на небольшой высотке, совсем рядом, неожиданно появился здоровенный моряк в бушлате, брюках-клеш, бескозырке. Потрясая автоматом, он громко закричал:

– Братцы! Славяне! Отгоним гадов-немцев! Вперед! За мной! У-р-р-ра!

Наверное, никто бы не обратил на него внимания, но тут, рядом, неизвестно откуда появился военный оркестр и заиграл «Интернационал». Все военнослужащие, здоровые и раненые, в едином порыве рванулись на врага и отогнали его на 3–4 км от берега» [24, с. 105].

Пятая группа состоит из воспоминаний представителей вспомогательных войск – организатора службы технического обеспечения автобронетанковых войск Ф.И.Галкина, начальника оперативной группы инженерных заграждений И.П.Галицкого, руководителя инженерными войсками А.Ф.Хренова и Героя Советского Союза санинструктора на Крымском фронте И.Н.Левченко. И А.Ф.Хренов, и И.П.Галицкий были вызваны в штаб Крымского фронта из Севастополя. Иван Павлович Галицкий внес большой вклад в улучшение инженерных позиций (минирование переднего края Ак-Монайских позиций) и быта солдат (объединение разрозненных окопчиков в большие землянки на целый взвод) накануне первого февральского и второго мартовского наступлений. Уже тогда, отмечает И.П.Галицкий, оборона войск имела существенные недостатки, а попытки их устранения вызывали скептическую реакцию командования, даже оборудовать землянки более уютно командиры частей и подразделений не стремились, поскольку все равно предстояло идти в наступление [25, с. 71–72]. Подобная беспечность дорого стоила нашим солдатам.

Аркадий Федорович Хренов приехал на Керченский полуостров в начале апреля и получил приказ готовить саперов к наступлению, обеспечить проходы для танков. В своих воспоминаниях автор говорит о своих безуспешных попытках обратить внимание командования на необходимость укрепления обороны, на опасность немецкого наступления на южном фланге в районе 44-й армии (по данным аэрофотосъемки). А.Ф.Хренов с горечью пишет о том, что в конечном итоге 8–9 мая минные поля, установленные саперами, зачастую не выполнили своего значения, т.к. не имели прикрытия огнем со стороны отступающей армии [26, с. 227].

С похожей болью и грустью вспоминает о своей службе в Керчи Федор Иванович Галкин. Его ремонтные бригады в тяжелейших условиях восстанавливали автобронетанковую технику после трех неудачных наступлений Крымского фронта. Автор приводит множество историй с именами героев – простых ремонтников, которые проявляли изобретательность, смелость и находчивость, чтобы вывести хотя бы один танк из ничейной зоны [27, с. 41]. Здесь же он приводит и свидетельства о непродуманном использовании бронетанковой техники командованием в ходе наступлений, о стиле управления представителя Ставки Л.З.Мехлиса с его ежедневными ночными вызовами для личного доклада и указаниями на какую машину какой ставить агрегат [27, с. 47].

Отдельное место занимают женские воспоминания санинструктора Ирины Николаевны Левченко, которой на Керченском полуострове впервые доверили командовать танком. На страницах ее мемуаров оживают танкисты Крымского фронта, которые, несмотря на преступную халатность командования, каждый раз проявляли героизм и мужество в боях с противником. При этом они оставались добрыми и отзывчивыми, до конца выполняя наказ Родины: «Я видела, как богатырь, заряжающий танка «КВ», нежно разглаживал на ладони маленький листок из тетради в три косые линейки, на котором печатными крупными буквами было написано: «Дарагой дядя-красноармеец, кушай пожалуста пряники я их очень люблю и бей пожалуста фашистов побольше. Люба Краснова»» [28, с. 117].

К последней шестой группе мемуаров относятся дневники известных литераторов – военных корреспондентов, побывавших лично на Крымском фронте,

К.М.Симонова и И.Л.Сельвинского, а также редактора газеты «Красная звезда» Д.И.Ортенберга. Дневниковые записи Константина Михайловича Симонова достаточно часто цитируются в исследовательских работах и даже в более поздних мемуарах участников тех событий. Прогнозы писателя, данные им после увиденного в конце февраля на Крымском фронте, оказались совершенно точными и в полной мере сбылись в мае 1942 года. «Здесь, на Крымском фронте, тогда, в феврале, был в ходу лозунг: «Всех вперед, вперед и вперед!» Могло показаться, что доблесть заключается только в том, чтобы все толпились как можно ближе к фронту, к передовой, чтобы, не дай бог, какие-нибудь части не оказались в тылу, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не оказался вне пределов артиллерийского обстрела противника... Какая-то непонятная и страшная мания, с которой мне не приходилось сталкиваться ни до, ни после» [29, с. 325].

Сильный эмоциональный стресс прослеживается и в дневнике Ильи Львовича Сельвинского. Уже 12 мая, находясь в Краснодаре, поэт анализирует сложившуюся ситуацию на Крымском фронте в ее психологическом аспекте. Говорит о том, что наши генералы боятся Сталина больше, чем врага, и не желают рисковать; о том, что все можно было бы исправить, но «такая расторопность нам не к лицу»; о том, что «мы не только не спасем Крым, но не сумеем даже выручить те войска, которые там остались»; о том, что генералы уже чувствуют себя разбитыми, хотя фактически этого еще нет, «мы еще сильнее противника бойцами и, может быть, техникой!» [30, с. 46–47].

В рассказе-хронике 1942 года редактора «Красной звезды» Давида Иосифовича Ортенберга события на Крымском фронте упоминаются в связи с именами корреспондентов К.М.Симонова и И.Л.Сельвинского. Некоторые его истории отсутствуют в воспоминаниях литераторов. Так, Д.И.Ортенберг приводит рассказ И.Л.Сельвинского о том, как у него родилась «Баллада о ленинизме»: «Когда мы высадились в Керчи и ворвались в город, среди руин и развалин нас больно задело зрелище обнаженного цоколя, на котором до прихода немцев стоял бронзовый памятник Ленину. Жители города рассказывали мне, что на шесте, торчавшем из цоколя, фашисты в издевку повесили молодого политрука. Но политрук держал себя мужественно, и, когда на его шею набросили петлю, он вытянул правую руку, повторяя позу монумента, и крикнул: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот политрук потряс меня до глубины души. Имени его мне узнать не удалось. Политрук превратился в легенду...» [31, с. 72].

Поражения и неудачи Красной Армии в годы Великой Отечественной войны не являются популярной темой исторических исследований (в современной украинской историографии нет ни одной серьезной аналитической работы, посвященной Крымскому фронту). В тоже время нельзя не согласиться с В.В.Абрамовым в том, что «всякая трагедия заставляет задуматься, сделать анализ причин случившегося, понять их и тем самым подняться в умственном и духовном планах. Вообще понимание трагедии возвышает человека, делает его жизненно более крепким, мудрым, понимающим ценности бытия» [7, с. 7]. Военные мемуары восполняют определенные пробелы в исторических исследованиях и подтверждают те выводы и оценки, которые уже сделаны. В тоже время литературная обработка воспоминаний помога-

ет нам лучше почувствовать и понять сегодня один из самых трудных периодов в истории нашей страны.

Список литературы

1. Винниковский Л. И. Борьба за Крым в 1941–1942 годах / Л.И.Винниковский – М., 1943. – 52 с.
2. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. – Симферополь : Крымиздат, 1963. – 250 с.; Сирота Н. Так сражалась Керчь / Н.Сирота – Симферополь : Крымиздат, 1968. – 150 с.; Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 : сб. док. и мат-лов. – Симферополь : Таврия, 1973. – 340 с.
3. Акулов М.Р. Керчь – город-герой. – М. : Воениздат, 1980. – 170 с.
4. Крымфронт – Аджимушкai : Сб. ст. – Керчь : Изд. Музея истории обороны Аджимушкaiских каменоломен, 2003. – 150 с.; Керчь военная : сб. ст. / Керченский гос. ист.-культур. заповедник. – Керчь, 2004. – 400 с.
5. Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым (сентябрь 1941 – июль 1942) / И. Мощанский, А. Савин – М., 2002. – 140 с.
6. Мощанский И. 1942-й... : от трагедии Крыма до победы под Сталинградом / И. Мощанский – М. : Вече, 2008. – 250 с.
7. Абрамов В.В. Керченская катастрофа 1942 / В.В.Абрамов – М. : Яуза ; Эксмо, 2006. – 352 с.
8. Рожкова Н.Е. Военные мемуары как история и как литература / Н. Е. Рожкова // Новые российские гуманитарные исследования. – <http://www.nrgumis.ru>.
9. Василевский А. М. Дело всей жизни / А. М. Василевский. – М. : Политиздат, 1978. – 552 с.
10. Мухин Ю. И. Если бы не генералы! : проблемы военного сословия / Ю. И. Мухин. – М. : Яуза, 2007. – 736 с.
11. Скрипко Н. С. По целям ближним и дальним / Н. С.Скрипко. – М. : Воениздат, 1981. – 351 с.
12. Воронов Н. Н. На службе военной / Н.Н.Воронов – М. : Воениздат, 1963. – 433 с.
13. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны / С.М.Штеменко – М. : Воениздат, 1989. – 561 с.
14. Кулаков Н. М. Доверено флоту / Н.М.Кулаков. – М. : Воениздат, 1985. – 320 с.
15. Крылов Н. И. Не померкнет никогда / Н.И.Крылов. – М. : Воениздат, 1984. – 558 с.
16. Горшков С. Г. На южном приморском фланге (осень 1941 г. – весна 1944 г.) / С. Г. Горшков. – М. : Воениздат, 1989. – 286 с.
17. Монастырский Ф. В. Земля, омытая кровью / Ф. В. Монастырский. – М. : Воениздат, 1961. – 228 с.
18. Мартынов В. А. Пролив в огне / В. А. Мартынов, С. Ф.Спахов. – Киев : Политиздат Украины, 1984. – 192 с.
19. Каравацкий А. З. Маршрутами мужества / А. З.Каравацкий. – Минск : Беларусь, 1978. – 224 с.
20. Иванов А. Л. Скорость, маневр, огонь / А.Л.Иванов. – М. : ДОСААФ, 1974. – 304 с.
21. Раков В.И. Крылья над морем / В.И.Раков. – Л. : Лениздат, 1974. – 504 с.
22. Полуян П.М. Моя война : воспоминания / П.М.Полуян. – Иркутск, 1998. – 256 с.
23. Штыков Н.Г. Полк принимает бой / Н.Г.Штыков. – М. : Воениздат, 1979. – 159 с.
24. Иванов Л.Г. Правда о «СМЕРШ» / Л.Г.Иванов. – М. : Яуза ; Эксмо, 2009. – 320 с.
25. Галицкий И. П. Дорогу открывали саперы / И.П.Галицкий. – М. : Воениздат, 1983. – 288 с.
26. Хренов А.Ф. Мосты к победе / А.Ф.Хренов. – М. : Воениздат, 1982. – 349 с.
27. Галкин Ф. И. Танки возвращаются в бой / Ф.И.Галкин. – М. : Воениздат, 1964. – 288 с.
28. Левченко И. Н. Повесть о военных годах / И.Н.Левченко. – М. : Советская Россия, 1983. – 384 с.
29. Симонов К.М. Разные дни войны : дневник писателя / К.М.Симонов. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. 1. – 479 с.
30. Бабенко В.С. Война глазами поэта. Крымские страницы из дневников и писем И.Л.Сельвинского / В.С.Бабенко. – Симферополь, 1994. – 82 с.
31. Ортенберг Д. И. Год 1942 : рассказ-хроника / Д.И.Ортенберг. – М. : Политиздат, 1988. – 462 с.

Гогунська Т.О. Трагедія Кримського фронту 1942 року в мемуарах та щоденниках / Т. О. Гогунська // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 46–55.

У статті представлений огляд мемуарної літератури з історії Кримського фронту 1942 року. На основі спогадів учасників та очевидців подій весняної військової кампанії в Східному Криму показана як історична, так і психологічна сторона Керченської катастрофи.

Ключові слова: Велика Вітчизняна війна, Кримський фронт, 1942 рік, воєнні мемуари.

Gogunskaya T. The tragedy of the Crimean Front 1942 in the memoirs and diaries / T. Gogunskaya // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 46–55.

This article provides the memoirs overview on the history of the Crimean Front in 1942. Both historical and psychological sides of the Kerch disaster are shown on the basis of the memoirs of participants and witnesses of the events of spring military campaign in the Eastern Crimea.

Keywords: The Great Patriotic war, the Crimean Front, 1942, war memoirs.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

УДК 908:726.6+711.168 “1991 / 2003” (477.75)

ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО СОБОРА (1991–2003)

Ищенко Э.С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
E-mail: Face209@mail.ru*

На основе обзора периодической литературы за 1991–2003 годы, прослеживаются события, связанные с возрождением Симферопольского собора святого Александра Невского. Раскрыты точки зрения представителей различных общественных, политических и духовных организаций относительно восстановления святыни. Особое внимание уделено найденному компромиссу по воссозданию собора в рамках единого духовно-патриотического комплекса.

Ключевые понятия: Симферопольский Александро-Невский собор, духовно-патриотический комплекс, православие, возрождение.

Присоединение Крыма к России в 1783 году ознаменовало новый этап в истории православных культовых сооружений. На территории полуострова один за другим появляются храмы и монастыри, часовни и усыпальницы. С 1917 года начинается упадок в жизни святынь и духовенства, вызванный борьбой Советской власти с пережитками Царской России. С обретением Украиной независимости в 90-е годы XX века началось культурное и духовное возрождение. Стало понятно, что необходимо восстановить все то, что пришло в упадок или было утрачено. Истории православных святынь Крыма конца XVIII – начала XX века посвящено большое число публикаций, как досоветской эпохи, так и современности. Сведения по современному этапу многих крымских православных сооружений скудны, обрывочны. Отсутствуют какие-либо основательные исследования. В этой связи интерес вызывает изучение истории воссоздания симферопольского собора святого Александра Невского. Именно этот храм являлся кафедральным в городе Симферополе до 1930 года, а значит, был духовным и архитектурным «сердцем» города и Крыма. Восстановление такого сооружения является важным историческим событием для всего полуострова.

3 июня 1829 года, после завершения строительства храма, состоялось его освящение. Здесь читали проповеди известнейшие богословы, сюда приезжали российские императоры и великие князья, в соборе находились предметы, подаренные Екатериной II и Александром II, находилась кафедра епископа, что подтверждает статус главного храма города. Почти сто лет рос и развивался собор, пока в ночь с 26 на 27 сентября 1930 года это величественное архитектурное сооружение не было взорвано и полностью разрушено большевиками [1, с. 37]. В годы существования СССР о храме старались не вспоминать. После освобождения Крыма весной 1944 года, на его месте, в братской могиле, были похоронены советские воины, погибшие при освобождении Симферополя. Тогда же установили на постаменте танк Т-34.

Позже останки героев-освободителей перенесли на воинское кладбище, а постамент под танком реконструировали [2, с. 37–39].

Возрождение Александро-Невского собора – процесс длительный и противоречивый, на пути которого неоднократно, в разные годы, появлялись новые преграды. В 1993–1994 годах стали издаваться документы, касающиеся восстановления святынь. У истоков этого дела стоял тогдашний Президент Украины Леонид Данилович Кучма. Был составлен список утраченных святынь, как православных, так и других конфессий, в который попал и собор св. Александра Невского в Симферополе [3, с. 19]. Следуя указу Президента Украины «О мерах по воссозданию выдающихся памятников истории и культуры», Кабинет Министров Украины утвердил постановление от 23 апреля 1999 года № 700 «О программе воссоздания выдающихся памятников истории и культуры Украины», в том числе Собора св. Александра Невского в г. Симферополе. Была сформирована постоянно действующая комиссия по восстановлению святынь [4]. 25 марта 1995 года в Госкомитете по архитектуре и строительству состоялось совещание. На нем было решено согласиться с предложением митрополита Лазаря о необходимости восстановить собор св. Александра Невского. Была поставлена задача: одновременно воссоздать весь градостроительный ансамбль вокруг этой архитектурной и духовной доминанты, включающей часовню, малые архитектурные формы и зеленые насаждения. Все работы по возведению должны были соответствовать историческим документам и чертежам. Проектно-изыскательные работы поручили Крымской архитектурно-реставрационной мастерской. Горисполкому рекомендовалось рассмотреть вопрос о восстановлении кафедрального собора, а ранее принятое решение о строительстве часовни и планировке сквера Победы считать утратившим силу. Обратились к фонду «Искусство во имя Христа» для оказания всесторонней помощи в проведении научно-исследовательских и проектно-реставрационных работ. По инициативе и настоянию главы этого фонда, известного художника Г.К. Когоняшвили, в сквере был закрыт общественный туалет, находившийся на месте захоронения духовенства и воинов-танкистов. Однако стены туалета еще долго оставались рядом с памятником освободителям, и, как оказалось, стояли они на алтарной части бывшего храма [5, с. 3]. 23 декабря 1995 года на градостроительном совете Госкомитета по архитектуре и градостроительству Крыма состоялось обсуждение эскизного проекта восстанавливаемого храма [6, с. 3]. Он был выполнен силами Крымской комплексной архитектурно-строительной мастерской института УкрНИИпроектреставрация и архитектором Владимиром Александровичем Бабеевым (к сожалению, уже ушедшим из жизни) [7, с. 8].

Летом 1997 года состоялась Международная юбилейная конференция «Во всю землю изыде вестие их», посвященная наступавшему 2000-летию Рождества Христова. В ходе этой конференции Совет министров АРК принял постановление о восстановлении храма св. Александра Невского, а памятник–танк решено было перенести [8, с. 19] в Гагаринский парк к Вечному огню, чтобы устроить там Музей боевой славы подобно севастопольскому на Сапун-Горе [9, с. 6]. Это вызвало резкую отрицательную реакцию со стороны ветеранских организаций. 12 марта 1998 года на страницах газеты «Крымское время» была помещена статья «Будет ли храм воздвигнут там, где сейчас стоит танк?», в которой было опубликовано письмо, пере-

данное ветеранами через председателя Военно-научного общества при симферопольском доме офицеров Виктора Баженова. Оно содержало 9 пунктов, которые излагали доводы ветеранов, не согласных с переносом памятника, а также их предложение закрыть вопрос о строительстве храма, оставив его потомкам. Под письмом свои подписи поставили 5 Героев Советского Союза, председатели Республиканского совета крымских партизан, городского Совета ветеранов, совета ветеранов 51-й Армии [10, с. 6–7]. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лазарь так прокомментировал письмо ветеранов: «Не думаю, что наши ветераны высказываются против строительства храма. Такой мысли я не допускаю. Ведь храм святого Александра Невского станет памятником крымчанам, погибшим в период Великой Отечественной войны; их имена будут написаны на мемориальных досках, за них будут ежедневно возноситься молитвы» [11, с. 6].

Занимавшая в то время пост начальника Управления по охране культурного наследия Министерства архитектуры и строительной политики АРК Ольга Ильинична Сергеева видела несколько препятствий на пути воссоздания храма. Во-первых, большие габариты храма, который, по сути, должен занять все пространство центрального сквера. Во-вторых, через сквер проходят транзитные направления. В-третьих, напротив Долгоруковского обелиска находилась троллейбусная остановка, что перерезало бы путь к святыне со стороны Александро-Невской улицы. В-четвертых, невозможность восстановления храма в его первоначальном виде, поскольку окружающая застройка намного выше дореволюционной и собор не будет смотреться так величественно. В-пятых, и это самая большая преграда – вопрос о перемещении памятника освободителям – танка Т-34, с воинскими захоронениями под ним. Стояло две трудных задачи: получить разрешение Кабинета министров Украины на демонтаж и перенос памятника из алтарной части в связи с восстановлением собора и получить согласие ветеранских организаций на эту акцию. И последнее было самым сложным [12]. Ветераны, воспитанные в духе коммунистической морали, опасались того, что памятник демонтируют, но уже не смонтируют. Этот танк для них является не только символом победы над фашистской Германией, но и символом встреч, праздника Победы. На тот момент и Собор, и танк были важны, и никому не хотелось никого обижать. В прессе разгорелась жаркая полемика. Она усиливалась тем, что обе стороны упорно настаивали на своем, не желая примириться. Ветераны заявляли, что в случае переноса памятника они применяют силу, не допустят технику, будут сопротивляться вплоть до самосожжения. В то же время чиновничий аппарат просил протокол согласований с ветеранскими организациями [13, с. 19–20].

В составе Совета министров АРК сформировался очень серьезный правительственный орган – Министерство архитектуры и строительной политики АРК. Возглавил его академик архитектуры, заслуженный архитектор Украины, Владимир Григорьевич Кравченко. Вместе с ним Владыка Лазарь занимался возрождением и других крымских святынь. Таким образом, в 1997–1998 годах при министерстве на основании приказа формируется творческий коллектив по воссозданию Собора Александра Невского. Руководителем группы назначается Владимир Григорьевич Кравченко, заместителем – Владимир Иванович Приступа. Кроме того, к делу были привлечены 2 организации – «КрымНИИпроект» и Крымская комплексная архитек-

турно-реставрационная мастерская института «УкрНИИпроектреставрация». Привлечение сразу двух организаций неслучайно: одна подняла все архивные материалы, изучила их для восстановления прежней формы, а другая давала возможность использовать при строительстве новые современные технологии [14, с. 20]. В 1999 году председатель Верховного Совета Крыма Леонид Грач выступил с инициативой о создании духовно – патриотического комплекса, в котором будут органично объединены символы духовной и державной мощи Отечества: Долгоруковский обелиск (в память победы над турецкими захватчиками), памятник-танк – символ героизма народа в годы Великой Отечественной войны и храм во имя святого Александра Невского, великого русского князя [15, с. 3]. В январе 2000 года на страницах газеты «Крымское время» печатаются отклики симферопольцев, высказывающих свое видение проблемы восстановления. Появляются сторонники возрождения святыни и среди ветеранов [16, с. 12; 17, с. 12; 18, с. 12; 19, с. 12].

9 января 2000 года состоялось освящение первого камня и закладка капсулы в основание нового здания собора [20, с. 3]. Накануне этого важного события активисты движения «Экология и мир» посадили в яму, приготовленную для камня, саженец дерева. Так свою точку зрения отстаивало экологическое движение города. Утром

не печатать

апреле того же года премьер-министр АРК Сергей Куницын получил открытое письмо, подписанное председателем Совета симферопольского отделения Ассоциации «Экология и Крым» Петром Смоляниновым. Основными доводами противников восстановления храма на прежнем месте являлось то, что строительство уничтожит сквер, десятки деревьев, превратит центр города на многие годы в стройплощадку, будут потрачены миллионы гривен, которые следовало бы вложить в борьбу с беспризорничеством. Смолянинов также отметил: «...Одни получают деньги за проектирование, другие – объемы строительства, третьи – укрепление влияния России, Московского патриарха в Крыму, четвертые, украинофобы, уже сейчас мечтают на территории будущего, т.н. Духовно-патриотического комплекса на месте нынешнего сквера Победы принимать присягу на верность России». Эти же аргументы он озвучил на «круглом столе», проходившем в Министерстве архитектуры и строительной политики АРК. В письме было сделано официальное заявление о необходимости построить в сквере Победы часовню Скорби, а Собор на Петровских высотах. В поддержку этого предложения под ним подписались председатели Союза архитекторов Крыма, союза ветеранов войны, труда и солдатской службы, Военно-исторического общества, Крымского филиала Украинского студенческого союза и ассоциации «Экология и мир» (всего 2800 подписей) [23, с. 6; 24, с. 3].

Рис. 1. Проект – победитель духовно-патриотического комплекса в сквере Победы. Авторы: Александр Гуденко и Владислав Фуклев.

В июле 2000 года на сессии городского совета Симферополя депутаты все же одобрили майское решение горисполкома и предоставили епархии Крыма земельный участок площадью 1,4 гектара для реконструкции сквера Победы в духовно-патриотический комплекс. Обсуждение этого вопроса было бурным, поскольку представители ветеранских организаций, Союза архитекторов и ассоциации «Экология и мир» продолжали противостояние. Тем не менее, депутаты 30 голосами «за» при поименном голосовании одобрили решение. Теперь епархии предстояло сделать проект землеотвода, выполнить технико-экономическое обоснование строительства и внести изменения в генплан Симферополя. Также договориться с хозяевами двух кафе в сквере о том, чтобы перенести их с занимаемой земли. Церковники обязались произвести перезахоронение всех останков, обнаруженных при земляных работах, возместить поврежденные зеленые насаждения. По предварительному проекту главного архитектора Юрия Безуглого, храм должен был занимать только центр сквера, танк переносился всего на несколько метров, поэтому почти все деревья сохранялись. Однако все еще не было проекта реконструкции как такового. Собор предполагалось восстановить в первоначальном виде, то есть в точности таким, каким он был в 1829 году. Но лучший проект комплекса по закону необходимо было определить на основе конкурса. Отдельным пунктом в постановлении депутаты отметили, что финансирование из городского бюджета исключено [25, с. 6]. План реконструкции сквера Победы отсутствовал недолго. В конце 2000 года был объявлен открытый градостроительный конкурс на создание комплекса, а в 20-х числах января 2001 года подвели итоги. Конкурс проводили Крымская организация национального союза архитекторов Украины (КрымНСАУ), Министерство архитектуры и строительной политики АРК, горсовет и Крымская епархия (но представителей епархии в жюри не было). Всего в конкурсе участвовало 5 проектов. Среди них были и весьма экзотические. Так, студенты НАПКС предложили упрятать храм под землю, оставив на поверхности часовню. Первое место получил проект председателя Крымского НСАУ Александра Гуцаленко и архитектора Владислава Фуклева под названием «Благая весть». Он предусматривал восстановление Собора в том виде, в котором он был сдан в эксплуатацию в 1829 году, т.е. без более поздних пристроек – колокольни и алтарной части. Гуцаленко считал, что восстанавливать их нецелесообразно, поскольку перед зданием Верховного Совета слишком мало места. Танк, по мысли Александра Николаевича, надо перенести ближе к Долгоруковскому обелиску, а в сквере можно установить памятный знак в честь воинов 19 танкового корпуса и памятную доску. Комиссия сочла проект Гуцаленко наиболее соответствующим условиям конкурса. Решение не было принято единогласно и мнения разделились в отношении 6:3. Одним из главных условий конкурса, соответственно Постановлению Кабинета Министров Украины, указу Президента и решению Совета министров, являлось воссоздание Собора в том виде и физических размерах, как на момент уничтожения [26, с. 6]. Этого не было в проекте Гуцаленко, поэтому было высказано много недовольных мнений о результатах конкурса. Однако в тот момент в крымском Министерстве архитектуры и строительной политики уже был разработан эскизный проект храма, соответствующий правовой базе [27].

Позже конкурс признали нелегитимным, поскольку победителем стали его организаторы [28, с. 20]. В ноябре 2001 года разразился скандал, причина которого скрывалась в подведении итогов другого конкурса, организованного по всем правилам горисполкомом. Информация о нем распространялась в СМИ, обращались к чиновникам, организациям и даже московским властям. Но даже после продления сроков проведения, за полгода никто не подал ни одного проекта. Объяснялось это тем, что архитекторы не хотят влезать в политику, а также заниматься увязкой трех памятников, поскольку это не творческий, а технический вопрос. Обсуждение на собрании ничего не дало, а предложение поставить танк перед входом в собор сразу же вызвало шквал неодобрения. Поэтому руководство крымского парламента настояло, чтобы в кратчайший срок поработала сводная группа архитекторов. Общественность замерла – смогут ли договориться архитекторы, если между некоторыми из них установились неприязненные отношения друг с другом [29, с. 3]. Тем не менее, архитекторам удалось победить личную вражду, и в начале декабря 2001 года созданный ими проект был представлен Верховному Совету АРК и представителям ветеранских организаций. И, совершенно неожиданно, проект был хорошо воспринят ветеранами. Отличие от предыдущих заключалось в том, что архитекторы предложили поставить памятник-танк не слева от храма, а справа, ближе к зданию Верховного Совета. Перед танком образуется площадь на 2 тысячи человек. Кроме того, постамент для танка предполагалось понизить для удобства фотографирования (рис. 1) [30, с. 30].

Долгожданный компромисс был найден! В начале января 2002 года в честь Рождества Христова состоялся прием у правящего архиерея Лазаря, куда были приглашены известные в Крыму люди. Прием также вел сопредседатель попечительского совета, тогдашний председатель Верховного Совета Крыма, Леонид Грач. На приеме было заявлено, что начинается новый этап – наступила пора приступить к восстановлению [31, с. 1].

11 июля 2002 года вышло распоряжение Кабинета министров Украины № 390 «О предоставлении разрешения на перемещение исторической достопримечательности городского значения – памятника «Танк Т-34» в г. Симферополе», в котором говорилось: «В соответствии со статьей 22 Закона Украины «Об охране культурного наследия» дать Совету министров Автономной Республики Крым разрешение на перемещение исторической достопримечательности городского значения – памятника «Танк Т-34» (охранный номер 36) в пределах сквера Победы г. Симферополя». Распоряжение подписал премьер-министр Украины Анатолий Кинах [32, с. 4]. В газетах Крыма появляются заявления, что, наконец-то, был найден компромиссный вариант, и дело остается за малым. Многие граждане одобряли принятие решения о создании духовно-патриотического комплекса, в частности, учитель истории школы пос. Научный Бахчисарайского района, В.Я. Павленко прислал в редакцию «Русского мира» отзывы старшеклассников по проблеме Собора [33, с. 5]. В крымскую епархию приходят письма в поддержку воссоздания храма, собираются подписи. Так, всего за 3 дня, 13, 14 и 15 июля 2002 года было собрано 9726 подписей тех, кто поддерживал необходимость скорейшего восстановления святыни [34, с. 3]. Для сбора пожертвований был открыт специальный счет в Крымском региональном

управлении коммерческого банка «Приватбанк», отдельные усилия принимаются по сбору средств и в симферопольских храмах.

В начале декабря 2002 года глава крымского правительства Сергей Куницын и митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь обсудили детали переноса памятника-танка. Предполагалось перенести его со всеми почестями при участии и под контролем ветеранских организаций в конце декабря, а останки воинов перезахоронить в стенах Собора и по всем погибшим отслужить молебен [35, с. 1]. 15 января 2003 года на консультативной встрече постоянный представитель Президента Украины в Крыму, А. Диденко, беседовал о реконструкции в сквере Победы с руководителями республиканских, городских, районных ветеранских организаций. Ветераны высказали свое мнение об отсутствии полной подготовки для восстановления: не определены заказчик, подрядчик, финансирование предстоящей стройки. Также обговорили, что на стенах будущего Собора укрепят мемориальные доски с именами солдат и офицеров, павших за освобождение полуострова [36, с. 3]. Для включения в списки на мемориальные доски необходимо, чтобы участник Великой Отечественной войны являлся кавалером ордена Александра Невского. Родственникам и близким кавалера нужно собрать соответствующие материалы [37, с. 4]. В начале января 2003 года Верховный Совет Крыма, Совет министров и Симферопольский горисполком назначили даты, связанные с переносом памятника-танка. Техническую часть работ по установке памятника на новом постаменте назначили на 16–17 января 2003 года [38, с. 1]. 16 января 36-тонная машина была перенесена на новый постамент в 10-ти метрах от предыдущего. Памятник благополучно демонтировали и смонтировали [39, с. 4]. 19 января состоялся крестный ход, после которого митрополит Лазарь освятил место, на котором должны воздвигнуть храм. Был заложен первый камень, завершение строительства наметили на 2005 год [40, с. 1]. После состоялось освящение всего воинского пантеона славы, панихида по усопшим воинам Великой Отечественной войны и митинг. Возложили цветы к памятнику-танку, прогремели залпы воинской почести. Кроме митрополита Лазаря и председатель Совмина Сергея Куницына, на митинге всех поприветствовали постоянный представитель Президента Украины в Крыму Александр Диденко, председатель Республиканского комитета ветеранов войны и военной службы Павел Максимов, первый секретарь Симферопольского горкома Компартии Украины Валерий Кучеренко, председатель совета Военно-научного общества Симферополя Виктор Баженов. Закончился митинг шествием 32-го армейского корпуса [41, с. 1].

17 января состоялось учредительное заседание Общественного комитета в поддержку воссоздания Александро-Невского Собора. Комитет принял воззвание к православному, с просьбой объединиться ради восстановления храма и внести свой вклад в это благое дело. Воззвание подписали члены Общественного комитета в поддержку воссоздания, в числе которых митрополит Лазарь, заместитель председателя Совмина В. Казарин, декан Крымского факультета национальной юридической академии Украины им. Я. Мудрого О. Ковитиди, секретарь Симферопольского городского Совета В. Рыбалко, депутат Верховного Совета АРК О. Родивилов, ветеран Великой Отечественной войны В. Сычев, председатель Республиканского комитета партизан и подпольщиков Крыма А. Андреева, генеральный директор завода «Фиолент» А. Бата-

лин и другие [42, с. 4]. Общественный комитет был преобразован в организационный, и его сопредседателем вместе с владыкой Лазарем стал С. Куницын, что сразу же улучшило эффективность организации [43, с. 2]. То, чего все верующие так долго ждали, свершилось. Ко Дню Освобождения Симферополя, 13 апреля 2003 года в сквере Победы был торжественно открыт мемориал Победы – военно-патриотическая составляющая возводимого духовно-патриотического комплекса. Рядом с памятником-танком была воздвигнута ротонда, в которую вмонтированы стелы с названиями освобождавших Крым воинских частей [44, с. 5]. В 2003 году оргкомитет приступает к строительству святыни. Комитет осуществляет работу по привлечению благотворителей и добровольных помощников, следит за технически грамотным, качественным исполнением работ [45, с. 2]. И как бы медленно не шел процесс восстановления Александро-Невского Собора, дело не замерло на мертвой точке. Его координаторы, в лице митрополита Лазаря и Сергея Куницына, продвигают строительство, всячески ищут средства, а благодаря их рвению и заботам, труду многих участников, мы уже сейчас видим необычайной красоты творение искусства.

Список литературы

1. Белова С.Л. Симферополь : этюды истории, культуры, архитектуры / С.Л. Белова. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2001. – 184 с.
2. Там же.
3. Румбах О. Преодоление непреодолимого / О. Румбах // Таврида Православная. – 2010. – Апр. – С. 19.
4. Там же.
5. Милина Л. Скверу победы – первоизданный вид / Л. Милина // Крымская правда. – 1995. – 25 марта. – С. 3.
6. Обуховская Л. Божий промысел и глас народа / Л. Обуховская // Крымская правда. – 2002. – 31 июля. – С. 3.
7. Коновалова Л. Танк или Собор / Л. Коновалова // Крымская газета. – 1995. – 23 дек. – С. 8.
8. Румбах О. Указ. соч. – С. 19.
9. Маркелов О. Будет ли храм воздвигнут там, где сейчас стоит танк? / О. Маркелов // Крымское время. – 1998. – 12 марта. – С. 6.
10. Сагань Н. Блаженни милостивии / Н. Сагань // Таврида Православная. – 2002. – февр. – С. 6–7.
11. Маркелов О. Указ. соч. – С. 6.
12. Там же.
13. Румбах О. Указ. соч. – С. 19–20.
14. Там же. – С. 20.
15. Обуховская Л. Указ. соч. – С. 3.
16. Баскакова Г. Скорее всего, дело не в верованиях / Г. Баскакова // Крымское время. – 2000. – 28 янв. – С. 12.
17. Сергеева О. Если мы в прошлое бросим камень – будущее выстрелит в нас из пушки / О. Сергеева // Крымское время. – 2000. – 28 янв. – С. 12.
18. Крутенков П.Н. Время разрушения и разбрасывания камней ушло, как черная туча / П. Н. Крутенков // Крымское время. – 2000. – 28 янв. – С. 12.
19. Усык А. Собор в честь Победы звучит сильнее, чем танк / А. Усык // Крымское время. – 2000. – 28 янв. – С. 12.
20. Обуховская Л. Указ. соч. – С. 3.
21. Якимова Н. Храм должен «лететь» / Н. Якимова // Крымское время. – 2000. – 13 янв. – С. 3.
22. Там же.
23. Иванова К. Храм должен быть построен, решили симферопольские депутаты / К. Иванова // Крымское время. – 2000. – 25 июля. – С. 6.
24. Якимова Н. Указ. соч. – С. 3.

- 25.Иванова К. Указ. соч. – С. 6.
26.Маркелов О. Со своей колокольни / О. Маркелов // Крымское время. – 2001. – 30 янв. – С. 6.
27.Там же.
28.Румбах О. Указ. соч. – С. 20.
29.Неживой А. Строительство собора Александра Невского снова откладывается / А. Неживой // Крымское время. – 2001. – 1 нояб. – С. 3.
30.Неживой А. Архитекторам таки удалось «скрестить» храм с танком / А. Неживой // Крымское время. – 2001. – 5 дек. – С. 3.
31.Обуховская Л. Засияют купола главного собора Крыма / Л. Обуховская // Крымская правда. – 2002. – 15 янв. – С. 1.
32.Ангел под танком // Таврида Православная. – 2002. – Сент. – С. 4.
33.Гуркович В. Духовно-патриотическое противостояние / В. Гуркович // Крымская правда. – 2002. – 15 февр. – С. 5.
34.Обуховская Л. Указ. соч. – С. 3.
35.Винник С. Памятник-танк должен быть перенесен в декабре / С. Винник // Крымская правда. – 2002. – 7 дек. – С. 1.
36.Мохова Л. Все предложения – на учете / Л. Мохова // Крымская газета. – 2003. – 15 янв. – С. 3.
37.Строим Собор // Таврида Православная. – 2003. – Янв. – С. 4.
38.Винник С. Памятник-танк будет перенесен до 19 января / С. Винник // Крымская газета. – 2003. – 15 янв. – С. 1.
39.Якимова Н. Танк подвинули / Н. Якимова // Крымское время. – 2003. – 22 янв. – С. 4.
40.Котенева О. Танк переместили / Л. Котенева // Крымская газета. – 2003. – 17 янв. – С. 1.
41.Обуховская Л. Танк на новом месте / Л. Обуховская // Крымская правда. – 2003. – 18 янв. – С. 1.
42.Милина Л. Воззвание к православным / Л. Милина // Литературный Крым. – 2003. – 17 янв. – С. 4.
43.Ёнов Ю. Проблемы надо решать / Ю. Ёнов // Таврида Православная. – 2003. – Янв. – С. 2.
44.Строим Собор // Таврида Православная. – 2003. – Апр. – С. 5.
45.Сагань Н. Оргкомитет приступил к работе / Н. Сагань // Таврида Православная. – 2003. – Февр. – С. 2.

Іщенко Е. С. Проблеми відновлення Сімферопольського Олександрівського Собору (1991–2003) / Е.С. Іщенко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 56–65.

На основі огляда періодичної літератури за 1991–2003 роки просліджуються події, зв'язані з відродженням Сімферопольського Собору святого Олександра Невського. Наведені точки зору представників суспільних, політичних та духовних організацій щодо відновлення святині. Особова увага приділена знайденому компромісу з відтворення собору у рамках духовно-патриотичного комплексу.

Ключові слова: Сімферопольський Олександрівський Собор, духовно-патриотичний комплекс, православ'я, відродження.

Ischenko E. S. The problems of renewal of Simferopol Alexander-Nevsky cathedral (1991–2003) / E. S. Ischenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 56–65.

According to the periodic literature of 1991–2003 the article traces the events related to revival of Simferopol Alexander-Nevsky cathedral. Different social, political and religious organizations' points of view are exposed. Particular attention is paid to the founded compromise on a recreation of the cathedral in borders of religious-patriotic complex.

Keywords: Simferopol Alexander-Nevsky cathedral, religious-patriotic complex, orthodox, revival.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

904:72 : 910.4 «17/18» (477.75)

ДО ІСТОРІЇ ПАМ'ЯТКОЗНАВЧИХ РОЗВІДОК МАНДРІВНИКІВ У КРИМУ НАПРИКІНЦІ XVIII – В ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ XIX СТОЛІТТЯ

Каушлієв Г. С.

Проаналізовано роль у дослідженні культурної спадщини Кримського півострова представниками інтелектуальної еліти на рубежі XVIII – XIX ст. Здійснено аналіз публіцистичних та наукових творів англійських, французьких, швейцарських письменників і вчених, які відвідали Тавриду в цей період. Встановлено, що їхні студії заклали підґрунтя наукового вивчення пам'яток у Криму. Основними об'єктами уваги з боку західноєвропейських мандрівників були античні та середньовічні старожитності Керченського півострова, Судака, Феодосії, Херсонеса.

Ключові слова: Крим, пам'ятки, вивчення культурної спадщини, мандрівники.

З-поміж усіх регіонів нашої країни Кримський півострів завжди посідав одне з провідних місць за кількістю пам'яток архітектури та культури. Цей факт обумовлює постійну увагу місцевих науковців не тільки до проблем охорони старожитностей, а й стимулює їх інтерес до історії вивчення античних і середньовічних комплексів за дораянських часів. Вагомий внесок у процес накопичення відомостей про визначні пам'ятки Тавриди зробили західноєвропейські мандрівники, які відвідали край наприкінці XVIII – у першій половині XIX ст. Саме вони виступили першовідкривачами культурних скарбів Південного Причорномор'я для просвіченої європейської публіки, а також стали співзасновниками наукового вивчення регіону за доби Просвітництва. Записки іноземних вояжерів на сьогодні є невід'ємною складовою джерелознавчої бази у студіях з історії дослідження історико-культурної спадщини Криму.

Щодо історіографії питання. У монографії директора Санкт-Петербурзької філії Архіву Російської академії наук І. В. Тункіної «Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.)», частково реконструйовано історію вивчення пам'яток Південного Причорномор'я вітчизняними та зарубіжними антикознавцями [1]. Професор А. А. Непомнящий сформував окремий науковий історіографічний напрям досліджень кримських старожитностей [2–5]. Незважаючи на постійну увагу науковців до цієї проблеми, комплексний аналіз внеску західноєвропейський мандрівників у вивчення культурної спадщини півострова до сьогодні не було здійснено. Саме це зумовило мету нашого дослідження – виокремити та простежити роль іноземних подорожніх у процесі накопичення та ввести до наукового обігу відомості про стан історичних пам'яток у Криму після інкорпорації краю до складу Російської імперії.

Початок вивчення старожитностей античності й середньовіччя Тавриди сягає доби правління Катерини II. В цей період представниками російської та західноєвропейської інтелектуальної еліти були зібрані перші відомості про стан архітектурних споруд та археологічних комплексів. Інтерес до історико-культурної спадщини

Південного Причорномор'я наприкінці XVIII – у першій половині XIX ст. серед вітчизняних науковців і західноєвропейських інтелектуалів був зумовлений тим, що вони вперше отримали доступ до античних та середньовічних городищ, які неможливо було вивчати за часів Кримського ханства через недоброзичливе ставлення місцевих жителів до іноземців з Росії та країн Західної Європи. У той же час, ці пам'ятки протягом 80-х рр. XVIII ст. – перших десятиліть XIX ст. зазнавали інтенсивних руйнувань через недбале відношення до них з боку органів місцевої влади. Все це стимулювало просвічених росіян і європейців описувати старожитності, проводити археологічні розкопки, збирати й зберігати предмети старовини тощо.

Одним з перших західноєвропейських мандрівників, що звернувся до опису старожитностей Кримського півострова, став видатний французький вчений та громадський діяч Шарль-Жільбер Ромм (1750–1795). У 80-х рр. XVIII в. він супроводжував свого вихованця П. О. Строганова (1772–1817) у подорожах Російською імперією [6, с. 88]. Під час вояжу Південним Причорномор'ям француз вів подорожній щоденник, який в майбутньому став основою для твору «Подорож до Криму в 1786 р.». Пілігрими прибули на півострів, котрий нещодавно був спустошений Російсько-турецької війною, виселенням християнського населення та масовою еміграцією кримських татар, навесні 1786 р. Ш.-Ж. Ромм і його компаньйони були обурені фактами чисельних руйнувань пам'яток старовини. Місцеві чиновники не вагаючись використовували кримські старожитності для зведення адміністративних та господарських будівель. Так, башти Херсонесу було розібрано і відправлено на будівництво Севастополя. З аналогічною ситуацією мандрівники зіткнулися й в інших містах, де знаходились античні та середньовічні поселення. Про головну мечеть Феодосії пілігрим залишив наступну згадку: «Росіяни, умілі в руйнуванні, зруйнували й цю будівлю, вони скрізь насаджують шинки» [7, с. 48]. Оглядаючи залишки стародавніх споруд, вчений скрупульозно описав фрагменти архітектурних монументів, давньогрецьких виробів мистецтва, що лежали навкруги.

Під час відвідин Керчі мандрівники відвідали руїни античного Пантікапею. Досліджуючи поліс, француз зробив кілька копій давньогрецьких надписів, а також склав список предметів старовини, що були вивезені з Таманського півострова до Керчі [7, с. 51–53]. Оскільки темпи руйнації багатьох пам'яток були досить інтенсивними, «Подорож до Криму в 1786 р.» на сьогодні є одним з найцінніших джерел щодо стану античних і середньовічних старожитностей півострова у 80-х рр. XVIII ст.

1795 р. Крим відвідала Марія Гатрі (?–1797). Завдяки її подорожі у наукових колах Санкт-Петербурга та Великобританії було розширено уявлення про античні старожитності півострова. Біографічних відомостей про англійку виявлено мало. Відомо, що вона певний час займала посаду директриси Імператорської ради Інституту благородних дівич у столиці Росії. Її чоловік – Метью Гатрі, який виступив ініціатором подорожі, виконував обов'язки державного радника Олександра I, також був відомим поціновувачем старовини. На початку 90-х рр. XVIII в. він умовив свою дружини здійснити дослідницький вояж, метою якого був збір відомостей про давньогрецькі та давньоримські старожитності Південного Причорномор'я, які дов-

гий час залишалися недослідженими через агресивну зовнішню політику Османської імперії [8, р. VI].

Марія Гатрі залишила Санкт-Петербург на початку 1795 р. Після відвідин Одеси, Очакова та Херсону вона прибула до Криму. Протягом усього періоду поїздки вона надсилала чоловіку докладні листи, в яких змальовувала не лише античні пам'ятки, а й наводила відомості про соціально-економічний розвиток, етнодемографічні процеси, що відбувались у регіоні в цей час. Листи М. Гатрі, яка померла незабаром після повернення до Санкт-Петербургу, стали основою книги Метью Гатрі «*A tour performed in the years 1795–1796 through the Taurida, or Crimea*» («Подорож, здійснена у 1795–1796 рр. по Тавриді, або Криму») [8]. Цей епістолярний травелог, виданий у Лондоні 1802 р., на разі є одним з найбільш інформативних джерел з історії Криму кінця XVIII ст.

Подорожуючи Кримом, М. Гатрі відвідала близько десятка населених пунктів півострова: Балаклаву, Євпаторію, Карасубазар, Керч, Печерні міста, Сімферополь, Севастополь, Феодосію. Кожен її лист містить докладний нарис історії міста або античного поліса, який знаходився на цьому місті у минулому. Так, наприклад, під час відвідин Севастополя вояжера зазначила: «Ніщо так не може сприяти руйнуванню стародавнього міста, як будівництво нового поблизу, і це багато в чому стосується Херсонесу. Більшість руїн античних будівель, котрі бачили тут за останні двадцять років ті люди, з якими я розмовляла, були знищені, на превеликий жаль для допитливих мандрівників, з тих часів, коли росіяни заснували Севастополь» [8, р. 96]. Аналогічну картину подорожжя побачила й на Керченському півострові. Предмети давньогрецької старовини, що могли б прикрасити будь-яку музейну колекцію, використовувались для господарських потреб: «Стародавня мармурова статуя грецької роботи, котру також викопали в Керчі, разом із великою чашею з чудового мармуру наразі є своєрідним резервуаром, з якого поють коней» [8, р. 172]. Оповідь про Керч (листи L–LIV) містить у собі нарис з історії Боспорського царства з часів заснування грецької колонії і до захоплення Пантікапею римлянами. Цю розповідь М. Гатрі доповнила малюнками давньогрецьких монет і творів давньогрецького мистецтва. Під час відвідин Карасубазару мандрівниця, спираючись на відомості наведені у Птолемей і візантійського автора Маврона Кастрона, висловила гіпотезу, згідно з якою цей населений пункт розташувався на місці античного полісу Портакру. Монументальні споруди (давньогрецькі храми та лазні), що на той момент ще не були зруйновані, М. Гатрі пов'язала з готською та генуезькою присутністю на півострові [8, р. 202–203].

Матеріали, зібрані під час подорожі Марією Гатрі, викликали наукову полеміку навколо кримських старожитностей у Санкт-Петербурзі. Дискусія розгорнулася між Метью Гатрі та натуралістом Федіром Кіндратовичем Маршалом фон Біберштейном (1768–1826), який відвідав півострів у 1793–1794 рр., навколо надписів, що були знайдені на території Керченського й Таманського півострова. Після завершення своєю подорожі Ф. К. Маршал фон Біберштейн передав до Академії наук рукописи, в яких висловив свої міркування стосовно класифікації давньогрецьких споруд розташованих неподалік від Керчі, а також здійснив інтерпретацію зображень на надгробках епохи Боспорського царства [9, с. 596]. Метью Гатрі, спираючись на відомості

мості зібрані дружиною, перевидав малюнки вченого у книзі «A tour performed in the years 1795–1796 through the Taurida, or Crimea» із власними поясненнями, щодо сенсу цих зображень і характеру древньогрецького поховального обряду [8, р. 315, 317, 321–324].

Епістолярна спадщина Марії Гатрі видана її чоловіком, зіграла вагому роль у вивченні кримських старожитностей. У листах мандрівниці відобразились цінні відомості про півострів, що були почерпнуті з творів античних авторів, вчених кінця XVIII ст. (П. С. Палласа та ін.), а також власних спостережень. Розмаїття інформації та змістовне зображення пам'яток у творі англійки, робить його одним з найбільш вичерпних довідників з історії та етнографії Криму в західноєвропейській історіографії початку XIX ст. Після видання праці у Лондоні 1802 р., її також було опубліковано у Кракові у 1810–1811 pp. [10] На превеликий жаль, «A tour performed in the years 1795–1796 through the Taurida, or Crimea» так і не було перекладено ані російською. Цей твір містить багато цікавих фактів щодо начального періоду вивчення кримських старожитностей.

Кримський півострів відвідав 1800 р. відомий вчений, мандрівник і викладач Едвард Деніел Кларк (1769–1822). Отримавши освіту в Торнбриджі (графство Есекс), з 1792 р. він приймав участь у наукових експедиціях по всьому світу. Більш ніж десяток років вояжер провів на Близькому сході, у Західній Європі, Малій Азії, Північній Африці та Скандинавії [11, р. 61]. Підсумком цих подорожей стала серія травелогів, які були видані у вигляді одинадцятитомного видання «Travels in various countries of Europe, Asia and Africa» («Мандри до різних країни Європи, Азії та Африки») у Лондоні в перше десятиліття XIX ст. [12] Згодом твір вченого було перекладено та видано німецькою та французькою мовами [13; 14].

Е. Д. Кларк і декілька його супутників на початку 1800 р. прибули до Росії. У листах вченого збереглися враження від перебування у Москві, Криму, Кубані, Санкт-Петербурзі. На Кримській півострів мандрівник приїхав влітку 1800 р., переправившись через Керченську затоку. Під час подорожі Тавридою Е. Д. Кларк відвідав Бахчисарай, Євпаторію, Карасубазар, Керч, Південний берег Криму, Сімферополь, Севастополь, Феодосію. У цілому, враження науковця щодо стану пам'яток архітектури та культури співпали зі спостереженнями Ш.-Ж. Ромма. Ставлення місцевого населення і влади до античних та середньовічних старожитностей шокувало англійця. Під час відвідин Феодосії (Кафи) пілігрим записав: «Протягом нашого перебування (у Кафі) солдатам дозволили знищувати прекрасні мечеті або перетворювати їх на шинки, зносити мінарети, зривати фонтани, розбирати усі громадські акведуки» [12, р. 144]. Згідно з твором вояжера, подібна картина масових руйнувань культурної спадщини була характерна для всього Криму в перші роки російського панування [12, р. 179].

Стан видатного пам'ятника східної архітектури – Бахчисарайського палацу – також засмутив мандрівника. За словами Е. Д. Кларка, комплекс поступово втрачав східний колорит, оскільки реставраційними роботами на його території займались європейські майстри, що мали досить віддалене уявлення про традиції східного зодчества [12, р. 182].

Оглянувши Бахчисарай та Печерні міста, англієць та його компаньйони вирушили до Гераклейського півострова, бажаючи відвідати Херсонес. Під час цього етапу подорожі мандрівники зупинились неподалік від Інкерману, де розташовувалась середньовічна фортеця. На думку Е. Д. Кларка вона належала генуезцям, але була збудована ще за часів давньогрецького полководця Діюфанта. Науковець досить докладно описав зовнішній вигляд руїн оборонних і культових споруд, висловивши занепокоєння тим, що такий цікавий об'єкт наразі перебуває у повному запустінні й майже не досліджується [12, р. 205].

Наступного дня вчений і його супутники вирушили до Севастополя, де розраховували ознайомитися зі старожитностями Херсонесу. Описуючи стан античного полісу, Е. Д. Кларк знову наголошує на варварському ставленні до давньогрецьких споруд з боку місцевих жителів, які використовували його каміння для будівництва новозаснованого міста. Мандрівник оглянув також й околицю Херсонесу, звернувши увагу на гробниці, барельєфи, надписи та предмети старовини, що були знайдені незадовго до прибуття вояжерів [12, р. 207–209]. Одним із останніх старовинних об'єктів, досліджених вояжером, стала Балаклава, яка своїм плануванням та архітектурою нагадала йому давньоримські Помпеї. Після поїздки на південь Криму, англійський мандрівник зі своїми супровідниками вирушив до Миколаєва. На сьогодні твір пілігрима являє собою малодосліджене джерело, оскільки досить довгий час творчій спадок Е. Д. Кларка, який нещадно критикував політику Олександра I, зазнав остракізму у вітчизняній історіографії. Лише з кінця XX ст. вітчизняні науковці звернулися до вивчення його головного твору, в якому зберігається багато цінної інформації про стан античних і середньовічних пам'яток Кримського півострова на початку XIX ст. Важливість свідчень мандрівника доповнюється різноманітними картами, малюнками античних ваз і давньогрецьких надписів, які наводяться разом із текстом. Поряд із книгою М. Гатрі «Мандри до різних країн Європи, Азії та Африки» твір Е. Д. Кларка є однією з найбільш важливих пам'яткознавчих робіт в англійській історіографії першої половини XIX в., присвячених Тавриді.

Серед західноєвропейських дослідників, що внесли вагомий внесок у дослідження старожитностей Криму, ім'я швейцарського вченого Фредеріка Дюбуа де Монпере (1798–1850) займає особливе місце. Його змістовна праця «*Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abkhases, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*» («Подорож Кавказом, до черкесів і абхазів, у Грузію, Вірменію та Крим»), видана у шести томах, є найбільш значущою роботою західноєвропейської наукової думки з пам'яткознавства Причорномор'я в першій половині XIX ст. [15]. Фредерік Дюбуа де Монпере – відомий археолог і натураліст походив зі збіднілого дворянського роду з Невшателя (Швейцарія). Отримавши освіту в рідному місті, науковець відправився до Курляндії, де вивчав старожитності балтійських народів. Подальшу освіту швейцарець продовжив у Берліні, співпрацюючи з відомими дослідниками того часу: Олександром Гумбольтом, Леоном Бухом, Карлом Ріттером. На початку 30-х рр. XIX ст. за підтримки останнього вчений склав план подорожі до Південного Причорномор'я та Кавказу з метою загальнонаукового дослідження цих регіонів [16, с. 362].

Подорож Фредеріка Дюбуа де Монпере розпочалась 1831 р., охопивши південного-східне узбережжя Чорного моря – Вірменію, Грузію, Крим, Осетію та Південну Росію. За підсумками подорожі автор підготував свій найбільш відомий твір – «Подорож Кавказом, до черкесів і абхазів, у Грузію, Вірменію та Крим», написання якого тривало протягом чотирьох років. Безпосередньо Тавриді дослідник присвятив п'ятий та шостий томи свого видання. Під час підготовки до цієї наукової поїздки швейцарський натураліст ознайомився з російськими та західноєвропейськими кримознавчими роботами. У його творі зустрічаються посилання на книги його сучасників Р. Лайелла, Е. Д. Кларка, І. М. Муравйова-Апостола, П. С. Палласа, П. І. Кюппена та ін., що свідчить про широку обізнаність автором подорожньої літератури щодо Південного Причорномор'я. П'ятий том «Подорожі» повністю присвячено дослідженням Дюбуа де Монпере на території Керченського півострова. Найбільшу цікавість у мандрівника викликали старожитності античного Пантікалею, а також численні поховальні комплекси, розташовані на його околиці. Науковець не тільки склав план столиці Боспорського царства, а й описав надписи, фрагменти архітектурних споруд і витворів мистецтва, склав описи знахідок із погребальних споруд давньогрецького міста [17, с. 22–24].

Постать європейського поціновувача старовини привернула увагу місцевих дослідників. Так, керченський археолог Д. В. Карейша запропонував Фредеріку Дюбуа де Монпере прийняти участь у розкопках місцевих курганів. Під час роботи швейцарець підготував серію малюнків гробниць і предметів, що були знайдені в цих поховальних комплексах. Усі ці малюнки поміщено до «Подорожі» й на сьогодні вони є цінним історичним джерелом. На той момент вітчизняні археологи не здійснювали зарисовок здійснених робіт: досить часто розкопки зводились лише до пошуків дорогоцінностей. Предмети старовини (особливо керамічні витвори) нерідко губилися, розбивалися, дублювати викидалися, а найбільш дорогі речі продавалися колекціонерам або переплавлялися.

Шостий том «Подорожі Кавказом, до черкесів і абхазів, у Грузію, Вірменію та Крим» присвячено мандрівці вченого до Бахчисараю, Печерних міст Криму (Мангуп, Тепе-Кермен, Чуфут-Калє, Ескі-Кермен) та Севастополя. Швейцарський дослідник провів два місяці досліджуючи руїни античного Херсонесу. Результатом його студій стала порівняльна характеристика цього давньогрецького комплексу в описах мандрівників, що відвідали його у першій третині ХІХ ст., з картиною, яку побачив особисто Ф. Дюбуа де Монпере. Створюючи нарис, присвячений полісу, вчений не лише змалював базиліки й оборонні споруди, а й приділив значну увагу садибам, котрі розташовувалися на його периферії. Крім того, швейцарець зафіксував численні предмети старовини, що були знайдені на місці цих будівель [17, с. 202–207].

Публікація твору Фредеріка Дюбуа де Монпере викликала чималий резонанс у наукових колах Західної Європи, спричинивши нову хвилю інтересу до старожитностей Причорномор'я. Так, наприклад, принц Пруссії Фрідріх Генріх Альберт (1809–1842), ознайомившись з працею мандрівника, віддав наказ зробити копії планів і видів, які були зроблені натуралістом на Кавказі та в Криму. Французькі вчені-орієнталісти з цікавістю зайнялись розбором надписів, котрі зафіксував палігрим під час своєї подорожі [18, с. 471].

Ще до публікації праця стала об'єктом інтересу з боку науковців Російської імперії, оскільки вона містила у собі численні відомості, що безпосередньо стосувались територій, які нещодавно увійшли до її складу. 1836 р. російський археолог, географ та історик П. І. Кьоппен (1793–1864) на сторінках Журналу міністерства народної просвіти опублікував докладний переклад змісту твору Фредеріка Дюбуа де Монпере, додавши декілька власних ремарок стосовно пам'яток старовини Південного Причорномор'я [18, с. 472–482]. Крім того, між науковцями зав'язалось листування, в якому вони обговорювали проблеми дослідження античних і середньовічних пам'яток краю, його географії, економіки, етнографії [19].

Таким чином, західноєвропейські мандрівники наприкінці XVIII – у першій половині XIX вв. сприяли закладенню підґрунтя вивчення пам'яток історії та культури Криму. Ш.-Ж. Ромм, М. Гатрі, Е. Д. Кларк, Ф. Дюбуа де Монпере виступили першовідкривачами та дослідниками античних і середньовічних старожитностей Тавриди не тільки для просвіченої європейської публіки, а й для російської спільноти. Публікації їх творів, в яких наголошувалась необхідність припинити руйнування культових та оборонних споруд, що належали древнім грекам і римлянам, генуезцям, кримським татарам, змушували царський уряд розпочати пам'яткоохоронні заходи, заохочували мандрівників з Англії, Німеччини, Франції відвідати край, ознайомитися з його античною та середньовічною спадщиною. Як, наслідок, у 30–40-х рр. XIX ст. вивчення історико-культурного ландшафту Південного Причорномор'я значно прискорилося, що дало змогу зібрати великий масив цінної інформації ще до початку Східної війни, коли значного руйнування зазнали як кримські старожитності, так і місцеві музеї.

Праці зарубіжних вояжерів, наповнені цікавим ілюстративним матеріалом, стимулювали наукові дискусії навколо проблем історії півострова. Між представниками російської та західноєвропейської інтелектуальної еліти зав'язувались обговорення, які сприяли більш об'єктивному та різнобічному дослідженню кримських пам'яток, їх точній локалізації та класифікації. На сьогодні твори англійських, французьких, швейцарських мандрівників, що відвідали Крим на рубежі XVIII – XIX ст. є невід'ємною складовою джерельної бази в сучасних пам'яткознавчих дослідженнях для російських та українських науковців.

Примітки

1. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.) / И. В. Тункина. – СПб. : Наука, 2002. – 676 с., 156 ил.
2. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий ; Ин-т украинск. археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 211 с. – (Серия: «Научно-справочные издания по истории Украины»; вып. 46).
3. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения : в 2 т. / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2006. – Т. 1. – 324 с., ил. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 7).
4. Непомнящий А. А. З історії вивчення кримських пам'яток (кінець XVIII – початок XX століття) / А. А. Непомнящий // Перші Зарембівські читання : мат-ли Перших всеукр. наук. читань, присв. 60-річчю від дня народження українського історика та пам'яткознавця Сергія Захаровича Заремби (1947–2003). м. Київ, 23 січня 2007 р. / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК ; упор. О. М. Титова. – К., 2007. – С. 89–103.

5. Непомнящий А. А. Начало научного изучения Крыма / А. А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 168–195.
6. Чудинов А. В. «Русский принц» и француз-«цареубийца»: история необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе / А. В. Чудинов // Исторические этюды о Французской революции: памяти В. М. Далина: к 95-летию со дня рождения. – М., 1998. – С. 88–120.
7. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Ж. Ромм / пер. с рук., вступ. ст. и прим. К. И. Раткевич. – Л.: изд-во ЛГУ, 1941. – 79 с.
8. Guthrie M. A tour performed in the years 1795–1796 through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once powerful republic of Tauric Cherson and all the other countries on the North shore of the Euxin, ceded to Russia by the peace of Koinargi and Jassi / M. Guthrie. – London.: T. Cadell Jun. and W. Davis, 1802. – XXIV, 448 p.
9. Тункина И. В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в.: по неизданным архивным документам / И. В. Тункина // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М.: Гриф и КО., 2010. – С. 588–610.
10. Guthrie M. Listy Pani Goutrie wyjezie zley podrozy do Tauryki czyli Krymu oraz do krajow lezacych na polnoc od Czarego morza / M. Guthrie // Historia odleglych pod panowaniem rossyiskem bedacych narodow, mianowicie: Tauryki czyli Krymu, Kalmykow, Kozakow i innnych na polnoc Morza Czarego, tuziez w polnocnosciodnich Syberyi krajach zamieszalych. – Kraków, 1810. – T. 1. – S. 27–60.
11. Otter W. The life and remains of Edward Daniel Clarke: professor of mineralogy in the University of Cambridge / W. Otter. – New York, 1827. – 528 p.
12. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia, Africa: in 11 vol. / E. D. Clarke. – Vol. 2. – London, 1816. – 546 p.
13. Clarke E. D. Reise durch Russland, und die Tartarie in den Jahren 1800–1801 / E. D. Clarke. – Weimar, 1817. – VIII, 683 s.
14. Clarke E. D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie: in 2 vol. / E. D. Clarke. – Paris, 1812.
15. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les Abkhases, en Géorgie, en Arménie et en Crimée / F. Dubois de Montpéroux. – Paris, 1843. – 461 p.
16. Дюбуа де Монпере // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1893. – Т. 11. – С. 362.
17. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. / Ф. Дюбуа де Монпере. – Париж, 1843. Т. 5–6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
18. Кёппен П. И. О Черном море и Кавказе / П. И. Кёппен // Журнал Министерства народного просвещения. – 1836. – № 11. – С. 465–484.
19. Письмо г-на Дюбуа к П. И. Кёппену // Журнал Министерства внутренних дел. – 1835. – № 5. – С. 286–301.
20. Dubois de Montpéroux F. Reise um den Caucasus und Krym: in 5 vol. / F. Dubois de Montpéroux. – Darmstadt, 1842–1843.

Каушлиев Г. С. Памятниковедческие штудии западноевропейских путешественников в Крыму (конец XVIII – первая половина XIX ст.) / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2: спецвыпуск «История Украины». – С. 66–74.

Восстановлена исследований культурного наследия Крымского полуострова представителями западноевропейской интеллектуальной элиты на рубеже XVIII – XIX ст. Осуществлен анализ публицистических произведений и научных работ отечественных писателей и ученых (Ш.-Ж. Ромма, М. Гатри, Е. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монпере), которые посетили Тавриду в этот период. Установлено, что их штудии заложили основы научного памятниковедения в Крыму. Основными объектами интереса со стороны европейских пилигримов были античные и средневековые древности Керченского полуострова, Судака, Феодосии, Херсонеса.

Ключевые слова: Крым, памятники, путешественники, изучение культурного наследия, Западная Европа.

Kaushliev G. S. Studies of Western European voyagers in case of study of cultural heritage in the Crimea in the end of 18th – beginning of 19th century / G. S. Kaushliev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 66–74.

History of studies in case of study of cultural heritage in the Crimea by members of European intellectual elite has been reconstructed. Analysis of travelers' and scientists' notes and scientific publications (Sh.-G. Romme, M. Guthrie, E. D. Clarke, F. Dubois de Montpéreux) which visited Taurida during this period has been accomplished. It was proved that their studies had laid foundation in the case of learning and safeguarding cultural legacy in the Crimea. It was proved that monuments of Kerch peninsula, Sudak, Feodosia, Chersonesos Taurica were the main objects of studies for European pilgrims.

Key words: the Crimea, monuments, voyagers, studies of cultural heritage, Western Europe.

Поступила в редакцию 01.11.2011 г.

УДК 069.5(477.75)

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОНДОВОЙ РАБОТЫ МУЗЕЕВ ДРЕВНОСТЕЙ КРЫМА

Малышев Д. А.¹, Близняков Р. А.²

¹*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина*

²*РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма», Симферополь, Украина
E-mail: darkmalyshev@mail.ru*

Рассказывается об условиях хранения фондов музеев древностей Крыма в досоветский период. Освещается данное направление в деятельности музеев Феодосии, Керчи, Симферополя и Севастополя. Подробно говорится о проблемах фондовой работы. При написании статьи были использованы архивные материалы и документы из музейных фондов.

Ключевые слова: археология Крыма, материальная культура Крыма, музеи древностей Крыма, музейные фонды.

Фондовая работа – одно из ведущих направлений в деятельности музеев, которое включает в себя комплектование, учёт, хранение и изучение объектов историко-культурного наследия.

Хранение музейных фондов – направление фондовой работы по обеспечению физической сохранности музейных предметов путём оптимально выбранных режима и системы хранения. Основные положения по организации хранения, зафиксированные в государственных нормативных документах, обязательны для всех музеев, специфика зависит от состава, структуры и объёма фондов, характеристик музейного здания.

Для сохранности музейных фондов важнейшим фактором является режим хранения, складывающийся из различных составляющих (температурно-влажностный и световой режим, борьба с загрязнением воздуха и др.). Система хранения фондов может быть отдельной (размещение в одном помещении предметов из разных материалов) или комплексной (совмещенное хранение предметов из разных материалов).

Музеи древностей Крыма досоветского периода, по мере сил, пытались выполнять поставленную перед ними задачу. Однако различные обстоятельства, как внешние, так и внутренние, не всегда способствовали исполнению этой цели.

Феодосийский музей древностей (ФМД), помещавшийся со времени своего основания в 1811 г. в старой турецкой мечети, разумеется, не мог обусловить полноценного хранения имевшихся в нем экспонатов, им просто велся учет. Первая опись ФМД была составлена в 1816 г. [7]. Следующую опись составил академик Петербургской академии наук, известный русский учёный П. И. Кёппен в 1827 г. Она мало чем отличалась от предыдущей, лишь зафиксировала несколько новых экспонатов. Третья опись была составлена только в 1850 г. Е. Ф. де Вильнёвым, директором ФМД. Опись вызвала полное одобрение членами Одесского общества истории и

древностей (ООИД). Через 8 лет была составлена новая опись, зарегистрировавшая более полутора сотен предметов из камня, глины, несколько десятков — из металла, а также 331 монету [13, с. 23].

Научная обработка фондов ФМД началась только после передачи его в ведение ООИД в 1850 г. Посетивший в 1864 г. Феодосию ученый и историк Н. Н. Мурзакевич писал о том, какие меры нужно предпринять для лучшей сохранности фондов: «...во дворе расставить такие древности, которые без вреда могут находиться под открытым небом, <...> внутри музея по всем стенам сделать каменные скамьи вышиною в 1 аршин, шириной $\frac{3}{4}$ аршина, на них расставить надписи, другие вделать в стены, если это возможно, посреди музея установить мраморную колонну, что с греческою надписью, кругом ее расположить круглый стол,... завести два ящика под стёклами и с перегородками для хранения монет по принятой системе» [3].

В 1871 г. ФМД переехал в новое здание. Зная, что необходимо будет переносить музейные экспонаты и размещать их должным образом, известный художник и меценат И. К. Айвазовский, главный виновник переезда, писал письма к своему знакомому с просьбой прибыть в Феодосию и руководить расстановкой экспонатов [15]. С этого времени научный учёт и обработка фондов не прекращались до самой революции.

Группировка предметов на основании принятых в музее классификаций, является систематизацией предметов, на основе которой создается система каталогов музейных фондов. Результаты атрибуции, классификации и систематизации позволяют дать интерпретацию музейных предметов как источников знаний и установить их подлинность, достоверность, репрезентативность и другие свойства, присущие музейному предмету. Феодосийский музей древностей также проводил работу по каталогизации своих фондовых коллекций.

В 1873 г. был подготовлен первый «Указатель» ФМД, дополненный новыми приобретениями. Через полгода приступили к печатанию «Указателя» вторым изданием.

В связи с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. директор ФМД уведомил ООИД, что «по случаю военного времени главные предметы музея уложены в ящики и сложены в безопасном месте впредь до возможности, при которой вещи из города вывезутся в колонию Цюрихтайль» (ныне Золотое поле) [15].

Таким образом, во второй половине XIX в. отношение к фондам и их хранению явно изменилось. Позже издаётся ещё несколько «Указателей» в 1880, 1891, 1912 гг. [16]. С 1874 г. «Указатели» имели важное новшество: все имевшиеся в музее памятники были разделены на группы по хронологии их происхождения, либо этнографической принадлежности: эллинские, греко-византийские, генуэзские, армянские, восточные надписи, еврейские. Отдельную группу составляли «разные предметы».

«Указатель» 1880 г. сообщает, что число коллекций ФМД возросло до 10: эллинские памятники, греко-византийские, генуэзские, армяно-григорианские, восточные, еврейские надгробия, разные предметы, среди которых оружие (от железного клинка из кургана до турецких ядер, сброшенных на Феодосию, и ружей), окаменелости, образцы пород земель; исторические портреты; карты, планы, виды, чертежи; библиотека (69 томов).

Исследователь Х. И. Кучук-Иоаннесов, посетивший музей в 1897 г., отмечал личную роль директора О. Ф. Ретовского в поддержании научного уровня его экспозиции. Блестящий знаток нумизматики, автор многих работ, Ретовский исследовал генуэзские надписи, найденные в 1890-х гг. в Феодосии, сделал на эту тему несколько публикаций [14]. Однако, судя по всему, Кучук-Иоаннесов несколько приукрасил ситуацию, так как следующий за Ретовским директор ФМД писал: «наш музей, при моем вступлении в заведование им, находился в большом беспорядке (все отделы были перемешаны, по каталогу трудно было разобраться и т.п.), мне пришлось немало поработать для его реорганизации. Трудился я целый год» [17].

Л. П. Колли, последний директор ФМД досоветского периода, также интересовался генуэзским периодом в истории Феодосии [6], видел в музее заведение «строго научное и специальное..., хотя и просветительное» [18]. Из этих слов можно сделать вывод, что он, как и Ретовский, стремился подходить к изучению и хранению фондов только с научной точки зрения.

В начале октября 1914 г. коллекция ФМД была перевезена в Симферополь, т. к. Феодосии угрожал удар турок: уже несколько месяцев шла Первая мировая война. Вскоре город действительно подвергся бомбардировке. Музей возвратился в Феодосию только в июле 1918 г.

Таким образом, в целом оценивая положительно работу ФМД в деле хранения фондов, и, делая скидку на время, в которое он начинал и продолжал свою работу, все же следует сказать, что, несмотря на определенную систематизацию памятников, она была не полной. Большинство памятников оставались не определенными хронологически, а только размещены по рубрикам: «эллинские памятники», «византийские» и т.д. Условия хранения также оставляли желать лучшего.

Одним из самых главных направлений в работе любого музея является научное комплектование, которое осуществляется на основе научной концепции комплектования, в которой изложены задачи, принципы, формы и методы комплектования. На её основе подготавливается перспективный план комплектования. Каким образом было поставлено комплектование в Керченском музее древностей (КМД) видно из нижеприведённых фактов и сведений.

Основной обязанностью КМД был поиск оригинальных и драгоценных находок для Эрмитажа, а сбор и хранение памятников в собственном музее отодвигалось на второй план. Н. Н. Мурзакевич сообщает, что во время раскопок, производимых так называемыми археологами А. Б. Ашиком и Д. В. Корейшей вещи, найденные ими «мастерами золотых дел растоплялись в плавильном мешке. Множество глиняных предметов разбивалось на местах находок» [11, с. 197].

Подобное варварство не может не вызывать неприятия, однако, как и в западноевропейской культуре конца XVIII – первой половины XIX в., классическая археология в России должна была пройти путь от первоначального, в духе «антиквариаризма» екатерининских времён, собирательства «антиков», получаемых более или менее бессистемно, но главным образом – из грабительских «кладоискательских» раскопок, к всё более осмысленному и планомерному их поиску, систематизации, научному изучению, формированию коллекций и фондов музеев, постепенно складывающихся в стабильную сеть, а затем и созданию первых обобщений. [8].

Положение в Керчи и округе несколько улучшилось с приходом на должность заведующего КМД А. Е. Люценко в 1853 г. Он спас ценности музея во время Крымской войны, переправив их в семи ящиках в Бердянск, а оттуда – в немецкую колонию Брунау. Люценко ко всему в своей работе, в том числе и к хранению фондов, пытался подойти с научной точки зрения, однако в положении, когда музей оказался без помещения и кочевал с квартиры на квартиру, ни о какой систематике и правильном хранении фондов не могло быть и речи. Часть экспонатов находилась в квартире Люценко, часть – в его доме под лестницей.

Такая ситуация, что удивительно, не мешала Люценко заниматься реставрацией фондов, которую проводил его брат Е. Е. Люценко. Известно, что он «вечно был занят чисткой монет, склейкой ваз...» [11, с. 125]. Сравним данный факт с действующим положением, закреплённым в статье 24 Закона Украины о музеях и музейном деле: «Консервацию и реставрацию памятников Музейного фонда Украины могут выполнять лишь специализированные учреждения Министерства культуры и искусств Украины, реставрационные отделы музеев, специализированные предприятия, организации и отдельные реставраторы, имеющие соответствующее разрешение Министерства культуры и искусств Украины» [2]. Как говорится, комментарии излишни.

Долгое время КМД обходился без печатного каталога экспонатов. Известный деятель науки и культуры Феодосии и Керчи, директор музея С. И. Веребрюсов [9;10] в рапорте Императорской археологической комиссии (ИАК) от 15 июля 1882 г. сообщал: «В настоящее время при Керченском музее имеется лишь рукописный фундаментальный каталог, заключающий в себе краткое описание всех вещей, сохраняющихся при музее с подразделениями на особые отделы» [11, с. 133]. Итогом работы Веребрюсова стал «Каталог древностей Керченского музея», предоставленный в 1882 г. в Петербург. Но председатель ИАК запретил его издавать. Причиной послужил тот факт, что в перечне указывался ряд вещей, которые должны были находиться в Эрмитаже. И вскоре КМД расстался с ними навсегда.

Определённую систематизацию в фонды КМД пытались внести и позднее, однако окончательно эта задача до установления советской власти так и не была выполнена.

Хранение фондов в Симферопольском музее также находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. Возможно, им уделялось больше внимания, так как члены Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК), которой был подчинен музей, были грамотными и образованными людьми. Безусловно, они сумели бы обеспечить должное хранение экспозиций, но этому мешало крайне тесное помещение, в котором находился музей, что привело к тому, что вещи и памятники были свалены в кучу в углу двора.

Известно, что помещения, предназначенные для экспонирования произведений искусства и научных экспонатов, должны соответствовать следующим требованиям:

- 1) предохранять экспонаты от разрушения и кражи, защищать от воздействия огня, сырости, чрезмерной сухости, солнечных лучей, пыли;
- 2) обеспечивать наилучшие условия их обозрения.

Симферопольский музей не мог соответствовать этим требованиям. С 1896 г., когда музей был открыт для посетителей, положение изменилось в лучшую сторону, по-прежнему оставаясь далеким от идеала. Но, несмотря на это, благодаря А. Х. Стевену, музей все же имел один отдел – древности Симферополя (Неаполиса) [12].

Фонды Севастопольского музея (СВМД) с самого его открытия находились в беспорядке, были нагромождены друг на друга от потолка до пола, объяснительные надписи в большинстве случаев отсутствовали, хотя определенная классификация и была проведена. Имелось 2 зала: античного и византийского Херсонеса.

Не секрет, что экспозиция должна обеспечивать удобное обозрение всех экспонатов и не утомлять посетителей. Это требует ограничения числа экспонатов, достаточно свободного их размещения и разнообразия. Залы, расположенные в последовательности, соответствующей тематике экспонатов, должны иметь форму, отвечающую их характеру.

В севастопольском музее часть вещей была просто сложена под навесом, а мраморные и каменные памятники лежали под открытым небом во дворе [5, с. 177]. Из древних мраморов были созданы целые ограды. В условиях, в которых был вынужден существовать музей в Севастополе, трудно было требовать от него большего. Начальников из ИАК интересовали лишь драгоценные вещи, которые можно было бы экспроприировать, а то, что оставалось на местах, фактически предавалось ими забвению. В то же время на местах люди зачастую не решались быть активнее, умнее и дальновиднее вышестоящих инстанций. Отсюда столь плачевное положение. Кроме того, монахи монастыря св. Владимира, извечные соперники музея, направо и налево продавали расхищенные ими ценности из раскопок, которые музей не всегда мог охранить.

В 1902 г. в СВМД еще не было руководящего каталога, не было принятых в заграничных музеях печатанных или писанных кратких комментариев, которые бы в главных чертах знакомили бы со всеми предметами выставки [1]. 22 сентября 1904 г. профессор Н. И. Веселовский, проверявший музей по заданию ИАК, в своем рапорте отмечал: «Предметы не зарегистрированы, не имеют нумерации, вообще лишены ярлыков, по которым можно было бы узнать происхождение той или иной вещи и подробности, сопровождавшие находку» [11, с. 224].

На время Первой мировой войны музейные экспонаты музея были вывезены в Харьков.

Однако, несмотря на все трудности, работникам музея удавалось вести и реставрационную работу. Е. Э. Иванов утверждает, что любая вещь, найденная в ходе раскопок, тщательно очищалась и склеивалась, всему велась подробная опись, на которой составлялись самые точные иллюстрированные отчеты [5, с. 175–176]. Судя по всему, он приукрасил то, что происходило на самом деле. Однако определенные подвижки в первое десятилетие XX в., несомненно, наблюдались.

После увеличения размеров финансирования СВМД соорудил рядом со зданием музея большие навесы и хранил там менее ценные, но громоздкие вещи: пифосы, жернова, кувшины, водопроводные трубы и т.д. Ценные же вещи (золото, монеты, украшения, стекло, чернолаковая посуда и т.п.) находились в витринах и шкафах; надписи, ценные мраморы, камни прочее в несколько рядов, закрывая друг друга,

громоздились на полу у стены. Все, насколько было возможно, было рассортировано по эпохам и содержанию.

Необходимо добавить несколько строк о деятельности Императорской Академии Художеств, которая своими действиями подавала пример, в том числе и музеям, в каком русле и как именно должна протекать их работа.

Письмом от 18 октября 1886 г. Академия художеств уведомила Таврического губернатора, что уже несколько лет предпринимает все зависящие от нее меры, к воспроизведению точных рисунков со всех русских памятников древнего зодчества и других памятников отечественного древнего искусства, и озабочиваясь собранием требуемых... сведений» просит прислать ей ответы на ряд вопросов следующего содержания: «Нет ли в пределах губернии хорошо сохранившихся курганов, городков и городищ? Как построены эти памятники, какой величины и где они находятся? Сколько в губернии православных церквей и монастырей?» и т. д.

Лучше всего подобные сведения могли дать именно музеи древностей, хорошо знающие местную округу, находящиеся там остатки сооружений прошлого и их состояние. Ответом, по всей видимости, служила информация различных учреждений, в том числе и музеев. Известно, что в Академию Художеств были отправлены сведения из очерка завсегдатая ФМД историка В. К. Виноградова «Феодосия» [4].

Музей – сложный организм, который функционирует как система взаимодействия и взаимообусловленности различных сфер. Качественная и эффективная работа музея зависит от успешного развития всех направлений деятельности музея.

В статье 21 Закона Украины о музеях и музейном деле говорится: «С целью обеспечения надежного хранения памятников Музейного фонда Украины собственники или уполномоченные ими органы должны создать надлежащие условия, установить специальный научно обоснованный режим хранения памятников, проводить их консервацию и реставрацию. Уничтожение памятников Музейного фонда Украины не допускается» [2]. Если бы данный пункт действовал в позапрошлом веке, то необходимо было бы признать, что ни один музей Крыма не являлся законопослушным. Необходимо также отметить, что отсутствовало законодательство, которое бы непосредственно регулировало фондовую работу музеев местного уровня, какими и являлись музеи древностей Крыма.

Проанализировав имеющиеся данные, можно заключить, что хранение фондов во всех музеях древностей находилось в неудовлетворительном состоянии. Подобное положение дел зависело, отчасти, от заведующих музеями, а, отчасти, из-за нежелания различных органов власти улучшить условия деятельности музея. Не всегда и не во всех музеях велся научный учет экспонатов, их реставрация, классификация, изучение. Первенствующую роль в деле сбережения остатков древности можно отдать музею Феодосии, отметив, что и там оно было далеко от совершенства. Из всех музеев только ФМД со второй половины XIX в. и до конца императорского периода в истории России регулярно издавал «Указатели» музея с перечислением находимых в нем вещей. Хранение фондов было напрямую связано с другими проблемами музеев древностей Крыма – финансированием, размещением, и без их решения в целом, разрешение какой-либо одной было невозможно. Этим объясня-

ется та трагическая ситуация, которая характеризовала условия содержания фондовых коллекций.

Список литературы

1. Бояджиев Г. Прогулка в древний Херсонес / Г. Бояджиев // Салгир. – 1902. – 28 февр.
2. Закон Украины о музеях и музейном деле // Ведомости Верховного Совета Украины. – 1995. – № 25. – С. 191.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. 27, оп. 1, д. 7410, л. 16–17.
4. ГААРК, ф. 27, оп. 13, д. 1757, л. 9–11.
5. Иванов Е. Э. Херсонес Таврический : историко-археологический очерк / Е. Э. Иванов // ИТУАК. – Симферополь, 1912. – № 46. – 276 с.
6. Колли Л. П. Каффа в период владения ею банком Св. Георгия / Л. П. Колли // ИТУАК. – 1912. – № 47. – С. 75–107; Колли Л. П. Падение Каффы / Л. П. Колли // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 129–171; № 55. – С. 147–174.
7. Латышев В. В. К истории археологических исследований в южной России / В. В. Латышев // ЗООИД. – Одесса, 1889. – Т. 15, отд. 1. – С. 110–115.
8. Лебедев С. Г. История отечественной археологии, 1700–1917 гг. / С. Г. Лебедев. – СПб. : изд-во СПбГУ, 1992. – С. 75.
9. Непомнящий А. А. Веребрюсов Степан Иванович / А. А. Непомнящий // Сотрудники Феодосийского музея древностей – деятели науки и культуры : биобиблиографический словарь / Феодосийский музей древностей; отв. ред. Е. И. Жарков. – К. : Болеро, 2011. – С. 41–43.
10. Непомнящий А. А. Кримські сторінки біографії С. І. Веребрюсова: За новими документами архівів Москви та Санкт-Петербургу / А. А. Непомнящий // Історія і культура Придніпров'я : невідомі та маловідомі сторінки : науковий щорічник. – Дніпропетровськ, 2004. – Вип. 1. – С. 23–28.
11. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Биобиблиографическое исследование / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 360 с.
12. Отчет о деятельности ТУАК за 1894 г. // ИТУАК. – Симферополь, 1895. – № 22. – С. 128.
13. Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей : античные памятники и их собиратели / Э. Б. Петрова // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1994. – С. 20–34.
14. Ретовский О. Ф. Генуэзские надписи, найденные в г. Феодосии в 1894 г. / О. Ф. Ретовский // ЗООИД. – Одесса, 1896. – Т. 19, отд. 1. – С. 14–26; Ретовский О. Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы / О. Ф. Ретовский // ИТУАК. – 1897. – № 27. – С. 49–104.
15. Стрельникова С. Музей древностей / С. Стрельникова // Победа. – 1990. – 13 нояб.
16. Указатель феодосийского музея древностей. – Одесса, 1880. – 23 с.; Указатель феодосийского музея древностей. – Феодосия, 1891. – 24 с.; Указатель феодосийского музея древностей. – Феодосия, 1912. – 32 с.
17. Феодосийский краеведческий музей (ФКМ), кп. 53113. В-5035. – С. 28.
18. ФКМ, кп. 24312, на. № 18, л. 92.

Малишев Д. А. Деякі напрямки фондової роботи музеїв давностей Криму: музезнавчий аспект / Д. А. Малишев, Р. О. Блізняков // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 75–82.

Розповідається про умови зберігання фондів музеїв давнини Криму у дореволюційний період. Висвітлюється даний напрямок у діяльності музеїв Феодосії, Керчі, Сімферополя та Севастополя. Докладно говориться про проблеми фондової роботи. При написанні статті були використані архівні матеріали та документи з музейних фондів.

Ключові слова: археологія Криму, матеріальна культура Криму, музеї давностей Криму, музейні фонди.

Malyshev D. A. Some fund work of museums of antiquities of Crimea assignments: specialist in museum management aspect / D. A. Malyshev, R. A. Bliznyakov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 75–82.

In the article it is told about of conditions keeping funds collection museums of antiquity of the Crimea in pre-revolutionary period. To illuminate that direction in activity work museums of Feodosia, Kerch, Simferopol and Sevastopol. In detail talking about problem of funds working. In article was use archive and documents from museums funds.

Keywords: archeology of the Crimea, material culture of the Crimea, museum of antiquity of the Crimea, museums fund.

Поступила в редакцию 01.11.2011 г.

УДК [001:930] (477.75)–057.4

К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГЕОГРАФИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. Л. ЭРНСТА В КРЫМУ

Непомнящий А. А.

На основе документов рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и следственного дела краеведа предпринята попытка воссоздать историю археологических раскопок и разведок Н. Л. Эрнста в Крыму.

Ключевые слова: Н. Л. Эрнст, археологические раскопки и разведки, крымоведение.

При воссоздании научной биографии крупнейшего деятеля крымоведения 30-х годов XX века Николая Львовича Эрнста интересным было восстановление перечня археологических объектов, которые им исследовались. Опираясь на документы рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН и собственноручно составленный Н. Л. Эрнстом «Список археологических раскопок, разведок и обследований Эрнста н. л. в Крыму, 1921–1937» мы постарались воссоздать географию археологических разведок и раскопок краеведа.

Уже в 1921 году совместно с Г. А. Бонч-Осмоловским Н. Л. Эрнст проводил археологические исследования поселения раннего железного века у пещеры Кизил-Коба Симферопольского района. Обнаруженный здесь археологический материал впоследствии был выделен как Кизил-Кобинская археологическая культура, соотносимая в современных исследованиях с этнической историей тавров.

В 1923 году Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Забнин, Н. Л. Эрнст и Ф. А. Филельструп [1] начали раскопки в районе деревни Тав-Кипчак Симферопольского района [2]. С 5 по 11 июня того же года Николай Львович находился в деревне Лимены под Алупкой, где обследовал самовольные раскопки, произведенные местными жителями с целью поиска драгоценностей [3]. Сохранился составленный им отчет о командировке (машинопись с собственноручной подписью) [4].

С 1923 года Г. А. Бонч-Осмоловский совместно с Н. Л. Эрнстом на базе практики студентов географического факультета Ленинградского государственного университета при финансировании Русского музея и Главнауки Наркомпроса РСФСР начали систематические исследования доисторических культур Крымского полуострова. С 1923 по 1926 год ученые осмотрели свыше 80 пещер и открытых стоянок. «Благоприятные результаты были получены в 8-ми пунктах» [5]. По мнению археологов, наиболее древними следами человека не только в Крыму, но и в СССР оказались культура пещеры Киик-Коба, расположенная около села Кипчак в предгорной части Крыма (долина реки Зуя, в 25 верстах на восток от Симферополя).

Газета «Красный Крым» в августе 1924 года подробно освещала ход раскопок Н. Л. Эрнста близ деревни Бахчи-Эли, где было обнаружено скифское погребение [6].

О своих археологических «подвигах» Николай Львович постоянно информировал родных. 23 октября 1924 года он сообщал в Киев брату Федору Львовичу: «КрымСовнарком потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым [7]. Раскапывали древнее татарское кладбище около станции. Выкапывали старые ушедшие в землю надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го – началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересный по строительной конструкции» [8].

Информацию о других раскопках Н. Л. Эрнста содержит письмо к академику И. Ю. Крачковскому от 24 октября 1924 года профессора Крымского университета В. И. Филоненко. Там подробно рассказывается о результатах археологических открытий этого года, которые Николай Львович сделал совместно с московскими историками и археологами Алексеем Степановичем Башкировым и Ильей Николаевичем Бороздиным в Старом Крыму (древнем Солхате) [9]. Об этих же раскопках И. Ю. Крачковскому подробно писал Арсений Иванович Маркевич [10]. Речь идет о научной экспедиции Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, которая проводилась совместно с Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения. Работы финансировались Совнаркомом Крымской АССР.

В археологический сезон 1924 года Н. Л. Эрнст также изучал городище у деревни Ягмурча у Симферополя [11]. Сохранился его неопубликованный доклад «Городище у дер. Ягмурча у Симферополя» (автограф) [12]. Летом Николай Львович во главе собственной экспедиции, организованной Центральным музеем Тавриды при содействии КрымОХРИСа, копал курганы в окрестностях крымской столицы [13]. Удалось выявить написанный Н. Л. Эрнстом карандашом «Дневник раскопок курганов у Симферополя летом 1924 г.» с фотографиями находок и участников исследования [14], машинописный отчет о работах с подписью Н. Л. Эрнста [15] и «Опись коллекции древностей из раскопок Центрального музея Тавриды, г. Симферополь летом 1924 г.» [16].

В сезон 1924 года Николай Львович также традиционно не преминул поучаствовать в исследованиях своего ленинградского друга Г. А. Бонч-Осмоловского, который изучал древности пещер Кизил-Коба и Кош-Коба [17]. Согласно плану исследований КрымОХРИСа по изучению культуры крымских татар были также проведены раскопки кладбища XIV – XV века в Бахчисарае [18].

Согласно «Плану раскопок Симферопольского Центрального музея крымовеждения» на 1925 год [19] Николай Львович продолжал исследования курганов в окрестностях Симферополя. В газете «Красный Крым» он поместил информацию об этих раскопках, проведенных экспедицией Центрального музея Тавриды под его руководством, в частности – в районе Бахчи-Эли – Красная горка [20]. Сохранились «Дневник раскопки кургана у Симферополя в 1925 г.» (автограф) [21] и отчет о произведенных работах [22]. Кроме запланированных раскопок ученый занялся в 1925 году обследованием остатков укрепления Кыз-Кермен. О них в Центральный

музей Тавриды сообщил краевед Е. Вавилов, который «набрел на это место» и настоятельно рекомендовал музейщикам провести там охранные мероприятия [23].

В 1925 году в Крым приехали московские профессора по кафедре антропологии МГУ Виктор Валерианович Бунак (1891–1979) (одновременно – директор Антропологического института) [24] и Борис Сергеевич Жуков (1892–1933) [25] – специалисты по первобытной археологии, с которыми Н. Л. Эрнст был к этому времени уже знаком. В качестве членов комиссии Главнауки Наркомпроса РСФСР они должны были ознакомиться с раскопками в пещере у Тав-Кипчака близ села Зуя, которыми руководил Г. А. Бонч-Осмоловский и участвовал Н. Л. Эрнст. С того времени между учеными завязалось тесное сотрудничество. В том же году Николай Львович приезжал к Б. С. Жукову в Москву в Антропологический музей МГУ, с отчетами о находках в Крыму. Б. С. Жуков неоднократно после этого бывал в Крыму, проводил здесь раскопки: летом 1927 года (совместно с О. Н. Бадером) [26], летом 1928 года на Яйле [27], в заливе Ласпи и на Ай-Тодоре [28], летом 1929 года в рамках Черноморской палеоэтнологической экспедиции [29]. В этих же исследованиях постоянно участвовал Н. Л. Эрнст [30].

Благодаря В. В. Бунаку Н. Л. Эрнст познакомился с Вильгельмом Вильгельмовичем Лоренцом, переехавшем в 1923 году из Москвы в Крым на постоянное место жительства с рекомендательным письмом от В. В. Бунака [31]. С 1923 по 1926 год В. В. Лоренц был неизменным спутником Н. Л. Эрнста во время раскопок древних захоронений.

Совместные раскопки 1926 года, проведенные Г. А. Бонч-Осмоловским и Н. Л. Эрнстом в Биюк-Сюрени Бахчисарайского района, широко освещались в научной периодике тех лет [32]. Собранные там памятники эпохи палеолита были переданы в московские и ленинградские музеи. В этом же году Н. Л. Эрнст провел исследования византийских склепов у деревни Скеля в Байдарской долине и городища Неаполис [33], которые принесли комплекс ценных находок, переданных в Центральный музей Тавриды [34]. Археологу удалось проследить на Неаполе участок южной оборонительной стены с воротами, остатками каменных построек и полуземлянок, хозяйственные ямы. Для материальной культуры Неаполя, по его мнению, была характерно смесь как местных (скифских и таврских), так и греческих, и римских элементов. Основным результатом работ стала первая стратификация культурных отложений городища и формирование понятия «неапольская культура» [35].

Согласно «Плану археологических раскопок и разведок Центрального музея Тавриды на 1927 год» [36] 22–23 апреля были проведены археологические разведки у деревни Топчи-кой [37]. 13–15 июня Н. Л. Эрнст занимался обследованием случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у колонии Нейзац [38]. Уже осенью – 2–6 октября – были продолжены археологические разведки погребальных склепов на Неаполе [39].

В конце 20-х – 30-е годы археологические исследования, как и историческая наука в целом, были полностью подчинены обслуживанию правящей идеологии. Под это были ориентированы не только музейные экспозиции, но и полевые исследования. Все несогласные и даже просто недовольные безжалостно уничтожались

[40]. В архивном фонде «Центральный музей Тавриды», который отложился в Государственном архиве в Автономной Республике Крым, сохранились планы и отчеты Археологического отдела музея, составленные Николаем Львовичем. Они проливают свет на ежедневную кропотливую работу крымского ученого. Так, в 1926–1927 бюджетном году проводилась инвентаризация коллекций, поступления 1926 года, проверка инвентаря 1921 года. Создавался иллюстративный материал в виде карт, чертежей, рисунков и фотографий: общая археологическая карта Крыма, карта связей Крыма с мировыми торговыми путями, карта средневекового Крыма, планы и разрезы палеолитических пещер, планы и схемы античных городов, средневековых укреплений, рисунки ледниковой фауны, скифского быта, быта античных колоний. Одновременно шла монтировка коллекций – перешивка экспонатов фонда на новые картоны и пополнение ими витрин. Под неустойчивые экспонаты изготавливались подставки. Коллекция перегруппировывалась, Средневековый отдел был перемещен в помещение, освобожденное Этнографическим отделом. Фонд Археологического отдела активно пополнялся поступлениями из Херсонесского и Ялтинского краеведческого музеев. Коллекция Средневекового отдела пополнилась поступлениями из Керчи, Феодосии и Херсонеса. Одновременно в музей привозились так называемые «беспризорные» памятники из различных мест Крыма (каменные бабы из Алупки, Перекопа, Симферопольского района и Херсонеса; мраморы из Партенита и Кара-Сана; греческие надписи из различных мест горного Крыма). Одновременно Доисторический отдел пополнялся коллекциями, частично передаваемыми из Русского музея, благодаря постоянным раскопкам Г. А. Бонч-Осмоловского, Т. Ф. Геллаха и Н. И. Репникова. Так же были переданы вывезенные ранее древности из раскопок Неаполя Одесским археологическим музеем, Государственным Историческим музеем в Москве и Эрмитажем. Проводились обмеры и зарисовки, фотографирование Перекопского вала и укреплений, археологические исследования Неаполя, Аталык-Эми, обследование укреплений Юстиниана в горном Крыму (съемка планов, обмеры, фотографирование), обследование «пещерных» городов (Эски-Кермен, Качи-Кальен) и средневековых укреплений горного Крыма (Сюреньская башня и укрепление у деревни Коккозы) [41]. Сотрудники музея пытались проводить и охранные мероприятия через рассылку соответствующих разъяснений в сельсоветы и проведение разъяснительных бесед с населением.

В эти годы Центральный музей Тавриды предполагал активно проводить «разведывательную работу по раскопкам палеолита в пещерах Симферопольского района», стоянок на Яйле, древних поселений около Симферополя по Феодосийской трассе и курганов в окрестностях Симферополя. Музей собирался развернуть работы по археологическому изучению Тепе-Кермена и Эски-Кермена, начать раскопки городища Чуфут-Кале и татарских древностей в Старом Крыму. Так же планировались исследования и более мелких «пещерных» поселений – Мармара и Шулдан, развернуть раскопки на Мангупе (намечалось на 1929 год), раскопки татарских древностей в Старом Крыму в 1929 году предполагалось распространить и на Кара-субазар. Эти же работы Н. Л. Эрнст и его коллеги планировали продолжить в 1930 году [42].

В археологический сезон 1927 года Н. Л. Эрнст принял участие в руководимой Г. А. Бонч-Осмоловским Крымской экспедиции Зоологического музея АН СССР. Основным занятием ученых было окончить исследования стоянки Кукрек вблизи села Кипчак и скалистого навеса Сюрень I у реки Бельбек, раскопки которого начаты были в 1926 году [43]. По указанию Н. Л. Эрнста проводилась и разведка окрестностей. Под его руководством студентами С. Н. Бибиковым, Е. К. Борисевичем и Е. В. Жировым вблизи Сюреньской башни был открыт новый пещерный монастырь, до того времени неизвестный. Николай Львович занимался его исследованием [44].

Согласно «Плану археологических исследований Центрального музея Тавриды в 1928 г.» [45], Н. Л. Эрнст намеревался продолжить разведки на территории Бахчисарайского, Джанкойского и Карасубазарского районов и раскопки на Неаполе, для чего просил выдать открытый лист [46].

1928 год ознаменовался крупной научной экспедицией по изучению археологических памятников крымскотатарской культуры, инициатором проведения которой стал Совнарком Крымской АССР. В течение второй половины лета Николай Львович совместно с О.-Н. А. Акчокраклы и У. А. Боданинским работал по программе Государственного музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Н. Л. Эрнст руководил работами по расчистке медресе около мечети Узбека в Старом Крыму. В исследовании также приняли участие архитектор П. И. Голландский, стажер Меметов, а также «молодые краеведы» Н. Мяксютенко и Б. Маринович. Работы проводились трудами десяти сотрудников Союза «Рабземлес», «приобретших определенную квалификацию на раскопках предыдущих городов» [47]. В ходе работ был выяснен в полной мере план здания, собраны значительные коллекции монет, обломков гончарной фаянсовой посуды, архитектурных, скульптурных и эпиграфических фрагментов XIII – XIV в. Экспедиция финансировалась по линии Наркомата просвещения Крымской АССР. Расходы составили 1500 рублей [48].

В августе 1928 года Н. Л. Эрнстом совместно с О.-Н. А. Акчокраклы и У. А. Боданинским была продолжена работа по фиксации, изучению и реставрации памятников крымскотатарской старины в районах Карасубазара и Солхата. Сохранились акты «Об осмотре исторических памятников города Кара-Су-Базара» от 8 августа и Старого Крыма – от 10 августа 1928 года. Согласно первому документу «обнаружено, что древние памятники этого города брошены на произвол судьбы, смотритель памятников города сокращен с марта месяца и в городе происходят невиданные вандализмы:

Особая комиссия по Госфондам в лице своего карасубазарского уполномоченного гр[ажданина] Судакевича совместно с начальником райгормилиции гр[ажданином] Ибраимовым успели за это время разобрать в городе минареты старинных мечетей: а) Курман-Али, б) Кара-Халиль и в) Шах-Мурат. Притом, разбор происходит без ведома инспектуры по делам музеев, без всякой предварительной фиксации, без обмеров, без описания. Минареты эти никому не мешали, стояли очень крепко, являя собою известное техническое достижение в области антисейсмического строительства, которое нам необходимо изучать и методы старого строительства применять в области нашего крымского современного строительства. Система постройки минаретов в настоящее время служит весьма интересной и не изу-

ченной проблемой: большинство минаретов имеют или круглый, или многогранный план, строятся на дубовых сваях, каждое кольцо кладки укрепляется рядом железных скоб, отверстия между ними и каменными блоками заливались свинцом. В центре минарета проходит каменная винтовая лестница со стержнем, который от самого низа до площадки укреплялся железными штырями по вертикали. Таким образом, весь массив минарета представляет собою монолит, покоящийся на упругом основании в виде свай. Минареты в Крыму пережили десятки сильных землетрясений и стоят все как ясные доказательства преимуществ определенных методов антисейсмического строительства. Разбирать же без толку и без пользы для государства такие памятники, по решению совершенно не компетентных представителей местных властей, является актом вредным для государства в смысле культурном, техническом и даже экономическом потому, что никаких материальных выгод это дело не несет, а теряем мы гораздо больше.

Кроме того замечено нами интенсивное разрушение «Каравансарая и <нрзб>-Таш-Хач», малого «Таш-Хач» и минарета Тор-Джами, где покрытие было сорвано ветром» [49].

Члены экспедиции, к которым в Старом Крыму присоединился П. И. Голландский, отметили, что «при осмотре территории раскопок руин древнего медресе рядом с мечетью Узбека с целью фиксации состояния памятника перед продолжением работ по расчистке его, начатых в 1925 и 1926 гг., нами на территории памятника усмотрена следующая картина:

1. Раскопаны до фундамента вдоль восточной стены здания следующие участки-квадраты (по разбивке генерального плана): 7N, 8N, 9N, 10N, 11N, 12N, комната на участке 7.0 и смежных, участках 8.0, 9.0, 10.0, 11.0, 12.0, 8P, 10P, 11P, 12P, 8Q, 9Q, 10Q, 11Q, 12Q, а также узкая траншея вдоль всей восточной внешней стены здания.

2. Вдоль Западной стены здания раскопаны следующие участки: комната на уч[астке] 6С и смежных раскопана ниже уровня пола до разных глубин в разных местах, большая комната-ниша западной стены на уч[астках] 9С, 9Д, и 9Е и смежных раскопана до пола комната на уч[астке] 12С и смежных раскопана до перекрытия склепа, а также раскопан самый склеп, раскопаны узкие траншеи вдоль внутренних стен западного комплекса здания на уч[астках] 11Е, 5Е, 6Е, 7Е, а также узкая траншея вдоль всей западной наружной стены здания.

3. В Северо-западном углу здания узкими траншейками нащупаны стены коридора и двух комнат.

4. Раскопана траншея по участкам 12Е, 12F, 12G, 12Н, 12J, 12K, 12L, 12M и траншея по уч[асткам] 13L, 14L, 15L, в северной нише двора, обе до каменной вымостки двора и ниши.

Откопанные массивы здания с архитектурными профилями в верхней части по швам промазаны жирной глиной с примесью резаной соломы, чем предохранены успешно от разрушения. Дурбе-мавзолей в С-3. Угол территории перекрыт деревянным сооружением с двухскатной крышей для предохранения этой части здания от вод. Края всех траншей сильно осыпались, так что верхние обрезы отступили от нижних на 0,51–1,00 м. Расчищенные части, как например, плиточный пол, покрыты

землей, мусором, сорной травой и бурьяном, также как и поверхность нерасчищенной части памятника. Вдоль всей расчищенной части восточной стены на небольшом расстоянии от нее вне здания навалена целая гора мусора из раскопок около 2,00 м. высотой. Вся территория раскопок ограждена колючей проволокой с калиткой в восточной части, но калитка не запирается. В Ю-3 углу линия ограждения расстроена. На остатках стен и сводов свежих разрушений нами не усмотрено.

Для фиксации общего состояния памятника сняты 7 фотографий 13 x 18 см.

Для начала раскопочных работ постановили:

1. Восстановить разбивку территории на двухметровые участки согласно имеющемуся в распоряжении экспедиции плану.

2. Для работ использовать сохранившиеся у смотрителя древностей Э. Я. Бэра старое оборудование экспедиции 1926 г.

3. Изготовить отсутствующие необходимые предметы, как-то колки, сита, грохота и пр.

4. Вести раскопку по квадратам с разделением на слои или горизонты с отдельной регистрацией всех находок по квадратам и слоям.

5. Все вертикальные промеры вести инструментально (при помощи нивелира) от условной нулевой горизонтали, намеченной обмерами проф. П. И. Голландского в 1926 г.

На работу взято через профсоюз Рабземлед 10 человек. Кроме того, приглашены практиканты: Меметов Абдулла, чл. ВЛКСМ, слушатель Техникума Кустпрома ВСНХ в Бахчисарае и молодой местный краевед Николай Максютенко. Все указанные рабочие и практиканты принимали уже участие в раскопках 1925–1926 гг. в Старом Крыму и имеют некоторый опыт в производстве этих работ.

Коллективная командировка членов Экспедиции была зарегистрирована в Старо-Крымском местном совете.

К работам приступали имея на руках телеграфное разрешение начальника Главнауки РСФСР, полученное 5/VIII с.г. на основании сделанной Бахчисарайским музеем заявки» [50].

О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинский, Э. Я. Бэр, П. И. Голландский и Н. Л. Эрнст, подытоживая работы, произведенные в течение 10–24 августа 1928 года в Старом Крыму, отмечали в отдельном акте от 30 августа 1928 года:

«1) Расчищены до каменного плиточного пола дворика медресе участки по ряду 13-му генерального плана: М, К, I, Н, G, F, и E, а также части соседнего ряда 14-го I, Н, G, F и E до стены Сев[еро]-Зап[адного] корпуса здания.

2) Расчищено все пространство северной комнаты ниши здания, т.е. участки 14K, 15K, 16K, 14M, 15M, 16M до пола ниши.

3) Расчищены до пола внутренние пространства двух комнат С.-Зап. корпуса здания на уч[астке] 15Н и смежных 15Е и смежных, т.е. первой и третьей от ниши.

4) Расчищен коридор в С[еверо]-Зап[адном] углу здания вплоть до границы рядов В и С.

5) Расчищены участки 2 до 11 по рядам К, L и M, а также участки 5N и 6N.

По границе нераскопанной территории между рядом I и K оставлен срез, обрешенный вертикально, высотой до 1.00 м., также, как в обоих коридорах С[еверо]-Западном и Ю[го]-Восточном.

Немногие обнаженные при раскопках горизонтальные поверхности стен здания смотрителю Э. Я. Бэру вменено в обязанность обмазать жирной глиной с примесью соломы для предохранения от порчи.

Профилеванные камни восточного пилон южной ниши здания на уч[астке] 5N, обнаруженные лежащими на сыпучем мусоре, ему же вменено в обязанность подпереть дубовыми подпорками, а лежащую рядом в мусоре в коридоре капитель колонны вынести и положить рядом с базой ее на уч[астке] 6N.

В течение раскопочных работ все обнаруживаемые детали здания обмерялись и фотографировались. Сделано 34 фото-снимка раскопок 13x18 и 10x15 см. и 27 чертежей. Все вертикальные обмеры производились с помощью нивелира.

Вся раскопочная работа велась послойно – квадратным методом разделением всей наносной почвы здания на 4 горизонта. Все находки и наблюдения регистрировались по слоям и квадратам. Мусор из раскопок вывозился тачками на расстояние 25–30 м. от раскапываемого здания.

Все материалы из раскопок, чертежные, фотографические, дневниковые и найденные предметы (кроме громоздких лапидарных) передаются Бахчисарайскому музею» [51].

Исследования Н. Л. Эрнстом памятников в районе Карасубазара подтолкнуло краеведа к подготовке очерка об этом районе. Он был опубликован в книге для самостоятельной работы учащихся крымских школ [52].

В 1928 и 1929 годах Н. Л. Эрнст трудился в качестве «действительного члена» в Крымском научно-исследовательском институте, который функционировал при местном пединституте. На средства Главнауки, выделенных этому учреждению, П. А. Двойченко и Н. Л. Эрнст занимались раскопками реликтовых гротов и останков ископаемых слонов в Крыму [53].

Письмо Н. Л. Эрнста в Главнауку с просьбой о выдаче открытого листа на раскопки в 1929 году датировано 25 февраля этого года [54]. Этот археологический период был для ученого не менее интенсивным [55].

А вот на сезон 1930 года Николай Львович получил открытый лист не сразу. 30 мая 1930 года он вынужден был вторично высылать чиновникам отчет о своих работах в 1929 году с разъяснениями о предполагаемых исследованиях [56].

В 1931 году «заведующий Археологическим отделом Центрального музея Тавриды, заместитель председателя Крымского областного бюро краеведения и председатель Секции истории, археологии и этнографии Крыма» Н. Л. Эрнст обратился в Комиссию по раскопкам с просьбой о выдаче открытого листа на исследования Чокурчинской стоянки близ Симферополя и курганов в Джанкойском районе [57]. К письму прилагался составленный археологом «Отчет о раскопках палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя в 1930 г.» [58]. Благожелательное заключение по этому поводу [59] для Комиссии по раскопкам подготовил П. П. Ефименко [60], благодаря чему исследования были продолжены и в сезон 1931 года [61].

Оказавшись в 1938 году в следственном изоляторе НКВД Н. Л. Эрнст, по требованию чекистов, подытожил результаты своих археологических исследований: «В течение совей деятельности в Крыму при Соввласти, т. е. на протяжении почти 20 лет я произвел в Крыму много разных археологических раскопок, поисков и обследований. (Полный список своих раскопок я при сем прилагаю). При анализе их со стороны выбора объектов, тематики древних народов, от которых они остались, выявляются следующие основные группы памятников, над которыми я производил исследования, раскопки, поиски, обследования. 1) Стоянки первобытных древнейших людей древнего каменного века, ледникового периода, в пещерах горного Крыма. 2) Древности первобытных людей бронзового века в виде стоянок, каменных гробниц, курганов, т. е. древности тавров и киммерийцев в горном и степном Крыму. 3) Скифские древности в виде городищ, могильников, курганов, укреплений и пр[очее] в предгорном и степном Крыму. 4) Средневековые греческие памятники в виде пещерных городов, укреплений и могильников. 5) Средневековые древности крымских татар золотоордынского времени в виде развалин городов, зданий, погребений. Итак, каменный век, тавры, скифы, средневековые греки и татары – вот основные темы моей археологической полевой исследовательской работы в течение стольких лет, а потому они же и темы печатных научных моих трудов. Это темы, конечно, существенные и давшие при этих моих исследованиях существенных результатов, особенно по каменному веку и скифам, однако темы как бы «чисто познавательного» характера. Они нисколько не касаются ни острых социальных проблем, выдвигавшихся советской исследовательской марксистской наукой за эти годы ни более острых политических вопросов, выдвигавшихся современным международным положением. Таким образом, это тематика научной работы беззубая, аполитичная. Занимаясь с большим рвением этими объектами изучения, я тем самым отмахивался от вопросов жгучих, злободневных. Я окопался, таким образом, за своим каменным веком, таврами, скифами, прятался за них, чтобы не изучать и не проявлять себя и высказываться в вопросах наименее актуальных. Получались беззубые аполитичные исследования и беззубое аполитичное отражение их в печатных научных работах и в музейной экспозиции. Делал это я таким образом для того, чтобы не ставить в проблемах более острых и актуальных вопрос ребром, чтобы не быть принужденным высказываться по ним четко, вразумительным, членораздельным и исчерпывающим образом и выявлять внятно свою позицию за и против» [62]. Вынужденные, выбитые слова крупного ученого...

Список литературы

1. Фиельструп Федор (Теодор) Артурович (1889–1933) – этнограф, тюрколог. Родился в Санкт-Петербурге в семье инженера, выходца из Дании. После окончания историко-филологического факультета Петроградского университета (1916 г.) – сотрудник Музея антропологии и этнографии АН. После большевистского переворота покинул столицу. С 1918 года занимался составлением карты этнического состава Приуралья и Томской области, преподавал в Томском университете. В годы Гражданской войны служил переводчиком в армии А. В. Колчака. С 1921 года – научный сотрудник Русского музея и Комиссии по изучению племенного состава населения СССР при АН СССР. В 1923 году по заданию и на средства Русского музея занимался в Крыму приобретением предметов быта крымских татар для экспозиции музея (см. перечень привезенных вещей: Крымские татары: Каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР ; сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова. – Ленинград,

1989. – С. 6+табл.; документы об экспедиции см.: РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 106, л. 11–19 об. Открытый лист Ф. А. Фиельструп на проведение палеоэтнологических исследований в Крыму см.: РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 106, л. 3. Документ о совместных раскопках Г. А. Бонч-осмоловского, Ф. А. Фиельструпа и Н. Л. Эрнста в 1923 году см.: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1923 г.), д. 94, л. 1–16.). Впоследствии Ф. А. Фиельструп занимался изучением народов Средней Азии и Кавказа. Ученого арестовали 26 ноября 1933 года по «делу Русской национальной партии» («Дело славистов») за якобы «принадлежность контрреволюционной фашистской организации». Скончался во время следствия 7 декабря 1933 года, когда во время допроса ему влили в рот крутой кипяток. См. о нем: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Востоковеды в деле «Российская национальная партия» // Восток=Oriens. – Москва, 1994. – № 5. – С. 228–229; Карамышева Б. Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: Жизненный путь Ф. А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. Д. Д. Тумаркин. – 2-е изд. – Москва: Восточная литература, 2002. – С. 152–163; Люди и судьбы: библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в Советский период (1917–1991) / сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 388–389.

2. В археологическом обществе // Красный Крым. – Симферополь, 1923. – № 290 (915). – 25 декабря. – С. 6; Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930). – Симферополь, 1931. – С. 14.

3. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1923 г.), д. 88, л. 2.

4. Там же, л. 2–3 об.

5. Бонч-Осмоловский Г. А. Остатки древне-палеолитического человека в Крыму // Природа. – Ленинград, 1926. – № 5/6. – Стб. 59–66, 1 рис.+2 фото в тексте; Эрнст Н. [Л.] Археологическое открытие в Крыму // Красный Крым. – Симферополь, 1923. – № 257. – 16 ноября. – С. 2.

6. Археологические раскопки у Симферополя // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 183 (1101). – 12 авг. – С. 5; Археологические раскопки // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 188 (1104). – 17 авгу. – С. 5; № 192 (1110). – 22 августа. – С. 5; -й. Скифское погребение у Бахчи-Эли // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 188 (1104). – 17 авг. – С. 5.

7. Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) – историк-крымовед, доктор исторических наук, профессор. После окончания Санкт-Петербургского университета и столичного Археологического института работал в Русском археологическом институте в Константинополе, позже – Петроградском университете. В дальнейшем ученый преподавал в Московском, Самарском университетах, Калининском, Московском имени В. П. Потемкина, Ярославском имени К. Д. Ушинского педагогических институтах. В последнем он заведовал кафедрой всеобщей истории. С 1924 по 1933 год являлся сотрудником Государственного Исторического музея. С 1924 по 1934 годы – действительный сотрудник Института археологии и искусствознания и Института народов Востока РАН. См. о нем: Пяташева Н. А. С. Башкиров // Советская археология. – Москва, 1963. – № 3. – С. 316–317; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – Москва: Знак, 2004. – С. 205–206, 227–244. См. собственноручно заполненные им анкеты: ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12. Личное дело А. С. Башкирова см.: ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 64.

8. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 13–13 об.

9. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 106–106 об.

10. Там же, д. 592, л. 4 об. –5.

11. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 110, л. 1

12. Там же, л. 1–3.

13. Там же, д. 109, л. 8.

14. Там же, л. 8–34.

15. Там же, л. 4–7.

16. Там же, л. 41–42.

17. Эрнст Н. [Л.] Раскопки древнейших культур Крыма // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 232 (1150). – 8 октября. – С. 3.

18. Эрнст Н. [Л.] Раскопки татарских древностей в Бахчисарае: Кладбище XIV – XV веков // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 245 (11163). – 23 окт. – С. 4.

19. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 116, л. 2–2 об.

20. Эрнст Н. [Л.] Археологические раскопки у дер. Красная Горка // Красный Крым. – Симферополь, 1925. – № 243 (1461). – 22 окт. – С. 3.

21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 116, л. 11–25.

22. Там же, л. 9–10.

23. Эрнст Н. [Л.] Кыз-Кермен, девичья крепость // Красный Крым. – Симферополь, 1925. – № 276 (1494). – 2 декабря. – С. 2.

24. В. В. Бунак в 1912 году окончил естественное отделение Московского университета с дипломом I степени. Ученик академика Д. Н. Анучина. В 1922 году усилиями Д. Н. Анучина и В. В. Бунака, на основе открытой в 1919 году кафедры антропологии Московского университета, был создан Научно-исследовательский институт антропологии при Московском университете. После смерти Д. Н. Анучина в 1923 году В. В. Бунак занял должность директора Института антропологии и заведующего кафедрой антропологии Московского университета. См. о В. В. Бунаке: Бадер О. Н., Воеводский М. В. Краткий очерк археологических исследований Института, кафедры и Музея антропологии МГУ // Ученые записки Московского гос. ун-та. Сер.: Биология (Юбилейная серия). – Москва, 1940. – Вып. 14. – С. 243–247; Илларионов В. Т. Опыт историографии палеолита СССР. II: Обзор исследований палеолитического периода научными учреждениями и обществами СССР. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1947. – С. 36.

25. Борис Сергеевич Жуков (1892–1934) родился и получил первоначальное образование в Нижнем Новгороде. В 1918 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Научным руководителем его стал Д. Н. Анучин, который оставил подававшего надежды выпускника при кафедре антропологии для подготовки к профессорскому званию. Затем преподавал в МГУ. Занимался изучением каменного века в Прибалтике. В Государственном центральном музее народоведения заведовал отделом Индонезии, Австралии, Океании и Африки. Основные археологические коллекции, добытые Б. С. Жуковым в экспедициях, были сконцентрированы в созданном им новом Музее Центрально-черноземной промышленной области. В 1926 году Б. С. Жуков сменил В. А. Городцова на посту заведующего археологическим подотделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. Значительные археологические исследования в Крыму ученый лично провел в 1927–1929 годах, когда изучал стоянки с микролитическим инвентарем на Ай-Петринской яйле: Ат-баш, Балин-Кош и Юсуповский бассейн, раскапывал раковинные кучи у Ласпи. Эти стоянки он считал мезолитическими, тарденсуазскими. В 1931 году ученый был арестован по надуманному обвинению и скончался в заключении. Причиной его уничтожения была, скорее всего, не длительная поездка по европейским столицам в 1929 году (Берлин – Париж – Дания – Скандинавия – Финляндия) с целью изучения уникальных мезолитических коллекций и условий их хранения. Б. С. Жуков как крупный музейный деятель не устраивал власть своим противодействием негласной кампании по разгрому русских музеев и разрушению памятников старины, практиковавшихся в эти годы в СССР, в частности – массовой продаже ценностей за границу. Внедрявшиеся в эти годы в науку, в музейное дело выдвиженцы, проводившие линию партии в противовес подвижнической деятельности интеллигенции, безусловно, не могли не столкнуться с такой глыбой как Б. С. Жуков, которого просто убрали с дороги... См. о Б. С. Жукове: Бадер О. Н., Бунак В. В. Памяти Б. С. Жукова // Вопросы антропологии. – Москва, 1963. – Вып. 15. – С. 146–148; Бадер О. Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // Советская археология. – Москва, 1968. – № 4. – С. 234–237; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – Москва: Знак, 2004. – С. 203; Формозов А. А. Статьи разных лет / Курский гос. мед. ун-т. – Курск, 2008. – С. 71–84.

26. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 113, л. 1–141; д. 115, л. 1–31. Отто Николаевич Бадер (1903–1980) – крупный советский археолог, историк первобытного общества, доктор исторических наук (1964 г.). Окончил Московский университет (1926 г.) с 1924 года заведовал Археологическим отделом Музея Центрально-промышленной области в Москве, затем – научный сотрудник, а с 1931 года – ученый секретарь Института антропологии МГУ. Одновременно в 1927–1930 годах сотрудничал в Музейном отделе Главнауки Наркомата просвещения РСФСР в качестве специалиста по археологии. С 1933 года – старший научный сотрудник Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (с 1939 г. – ученый секретарь). В 1937 году без защиты диссертации О. Н. Бадеру присвоена ученая степень кандидата исторических наук «по совокупности работ». См. о нем: Кольцов Л. В. Памяти Отто Николаевича Бадера // Советская археология. – Москва, 1980. – № 2. – С. 286–287; Равдоникас В. И. О научной деятельности О. Н. Бадера. – ПФАРАН, ф. 1049, оп. 1, д. 150, л. 1; Титова О. М., Кепин Д. В. Внесок О. М. Бадера у розвиток музейної справи // Праці Центру

- пам'яткознавства / НАН України; УТОПІК. – Київ, 2007. – Вип. 12. – С.171–180. Документи о раскопках О. Н. Бадера на Южном берегу Крыма см.: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 180, л. 1–17.
27. Анциферов Н. П. Особенности краеведческого движения в Крыму // Краеведение. – Ленинград, 1928. – Т. 5, № 4. – С. 210. См. также: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 153, л. 1–29.
28. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 153, л. 1.
29. Там же, оп. 1 (1929 г.), д. 188, л. 1–11.
30. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 146 об.
31. Там же, Т. 3, л. 32.
32. Археологические раскопки в Крыму // Известия ЦИК СССР. – Москва, 1926. – № 159 (2790). – 14 июля. – С. 4; Археологические раскопки в 1926 г. в СССР // Краеведение. – Ленинград, 1927. – № 2. – С. 219–236.
33. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 149, л. 5–8.
34. [Забнин С. И.] Раскопки в Неаполисе // Красный Крым. – Симферополь, 1926. – № 116 (1633). – 23 мая. – С. 3. – Изд. под псевд.: З-н С.
35. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 198, л. 1–3. См. также: Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии: Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в до н. э. – VII н. э.) / Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины. – Симферополь: Сонат, 2004. – С. 49–50.
36. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 146, л. 6–7.
37. Там же, л. 2–2 об.
38. Там же, л. 9–10, л. 11 план. Рукопись опубликована. См.: Исследование могильника Нейзац: Сборник научных статей / Под ред, предисл. И. Н. Храпунова, Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Доля, 2011. – 274 с.
39. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 146, л. 13–13 об.
40. См. подробнее: Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / 07.00.06 – археология; Ин-т истории материальной культуры РАН. – Санкт-Петербург, 2008. – 51 с.
41. ГААРК, ф. Р-2865, оп. 2, д. 4, л. 2–2 об.
42. Там же, л. 3.
43. К возобновлению раскопок в Сюреньской пещере // Красный Крым. – Симферополь, 1927. – № 147 (1967). – 30 июня. – С. 2.
44. Бонч-Осмоловский Г. А. Предварительные данные о раскопках Крымской экспедиции Зоологического музея Академии наук СССР в 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: По случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; Под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. – Севастополь, 1927. – С. 42. См. также о значении археологических исследований Г. А. Бонч-Осмоловского и Н. Л. Эрнста в Крыму: Илларионов В. Т. Опыт историографии палеолита СССР. II: Обзор исследований палеолитического периода научными учреждениями и обществами СССР. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1947. – С. 195, 144–1445, 154, 158, 168–169, 180; Илларионов В. Т. Введение в историографию древней истории. – Горький: Изд-во Горьковского ин-та, 1960. – С. 205, 221, 230, 235. Документальные материалы о раскопках Н. Л. Эрнста в 1927 году см.: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 146.
45. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 134, л. 4–4 об.
46. Там же, л. 3.
47. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 164, л. 4 об.
48. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского / Под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: СГТ, 2007. – 240 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведа»; Вып. 9).
49. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Симферополь, 2008. – (Серия: «Биобиблиография крымоведа»; Вып. 11). – С. 129–130. Этот же документ воспроизведен и в названной выше монографии У. К. Мусаевой (стр. 157–159).
50. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 164, л. 20–20 об.
51. Мусаева У. К. Указ. соч. – С. 160, 162.

52. Эрнст [Н. Л.] Карасубазар в прошлом и настоящем // Крым: Книга для работы в школе I ступени / Н. А. Иванова, О. З. Лычагина, В. И. Хваленский, З. Г. Ямпольская и др. ; под ред. Г. П. Вейсберга и др. – 2-е изд. – Симферополь: Крымгосиздат, 1928. – С. 111–113.
53. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 220, л. 2.
54. Там же, оп. 1 (1928 г.), д. 134, л. 5.
55. См. служебную переписку и краткий отчет Н. Л. Эрнста за этот период: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 150, л. 1–4.
56. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1930 г.), д. 143, л. 2, 3–3 об.
57. Там же, оп. 1 (1931 г.), д. 792, л. 1.
58. Там же, л. 3–14.
59. Там же, л. 15.
60. Петр Петрович Ефименко (1884–1969) – археолог, исследователь палеолита, доктор археологии (1934 г.), профессор, академик АН УССР (1945 г.). В то время – научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии АН СССР. В 1945–1954 годах – директор Института Археологии АН УССР.
61. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1931 г.), д. 792, л. 20–21.
62. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 162 об. –163.

Непомнящий А. А. До відновлення географії археологічних досліджень М. Л. Ернста в Криму / А. А. Непомнящий // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 83–95.

На підставі документальних джерел рукописного відділу Наукового архіву Інституту історії матеріальної культури Російської академії наук і слідчої справи краєзнавця відновлено історію археологічних розкопок та розвідок М. Л. Ернста на кримських теренах.

Ключові слова: М. Л. Ернст, археологічні розкопки та розвідки, кримиознавство.

Nepomnyaschiy A. To restoration of geography of N. L. Ernst's archeological researches / A. Nepomnyaschiy // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 83–95.

On the basis of documents from the manuscript department of the Scientific Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and scientist's investigation case an attempt of reconstruction of the history of N. L. Ernst's archaeological excavations and explorations in the Crimea has been made.

Keywords: N. L. Ernst, archaeological excavations and explorations, Crimean studies.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

УДК 325.54+314(477.75)"19"1944–1970

**ПРОГРАММА ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОГО ОБУСТРОЙСТВА
КОЛХОЗНИКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ
В 60-Х ГОДАХ XX ВЕКА**

Сеитова Э. И.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: elvina_seitova@mail.ru*

В 60-х годах переселение в Крымскую область продолжалось. Главным фактором, который обеспечивал эффективность данного процесса было, как можно лучшее, хозяйственно-бытовое устройство переселенцев. С данной задачей государство в этот период справлялось, так как была развернута обширная строительная программа, к тому же переселенцы располагали, специально отведенными для них, льготами и кредитами.

Ключевые слова: переселение, хозяйственно-бытовое обустройство, льготы, кредиты.

В целях ликвидации диспропорции между медленным ростом численности населения и высокими темпами развития народного хозяйства Крыма и особенно одной из ведущих его отраслей – сельскохозяйственного производства, по решению правительства, увеличение трудовых ресурсов в значительном объеме проводилось за счет организованного переселения в колхозы и совхозы области.

К 1967 году на полуостров было переселено около 117 тысяч семей. Самым острым вопросом для властей оставалось бытовое обустройство заселяемого населения, в частности строительство жилья для каждой вновь прибывшей семьи. Так, начиная с 1959 года, за счет кредитов Госбанка было построено более 49 тысяч домов. Но, в тоже время, допускались и просчеты. Из-за несвоевременного ввода в эксплуатацию жилых домов годовые планы приема населения порой выполнялись менее чем наполовину [1].

Программа переселенческого строительства в Крымской области осуществлялась путем сооружения стандартных жилых комплексов. Речь идет о доме ТИП М-2-К, который состоял из двух комнат, прихожей, изолированной кухни, кладовой и веранды. Данная постройка шла в комплекте с надворными сооружениями, а именно сараем и уборной. Что собой представляла вышеприведенная типовая жилая конструкция, увидим из таблицы 1.

Типовой проект М-2-К был разработан Главсельстройпроектом и рекомендован Госстроем СССР для применения в индивидуальном жилищном строительстве, в частности – для семей переселенцев в колхозах и совхозах Крыма и других южных областях УССР [3].

Для сооружения жилья данного типа в стране было организовано изготовление всех необходимых стандартных деревянных деталей. Подготовка проекта дома,

ограничивалось размером кредита, выдаваемого Госбанком колхозам и совхозам на переселенческие мероприятия. С сентября 1964 года кредиты стали выдаваться до 3500 рублей на один дом вместе с надворными постройками. Данная сумма не должна была превышать сметную стоимость дома, строящегося по типовому проекту, утвержденному Госстроем СССР (постановление Совета Министров СССР от 15 сентября 1964 года № 772).

Таблица 1

По какому проекту построен дом	Одинарный ТИП М-2-К
Размер полезной площади	42 кв.м
Размер жилой площади	32,2 кв.м
Вид веранды	остекленная
Вид отмосток	глинощелевая
На каком растворе заложен фундамент	глинопесочный
Вид внутренней отделки стен, потолков	штукатурка
Вид наружной отделки стен	штукатурка
Чем произведено покрытие крыши дома	шифер
Произведена ли электрификация дома	дом электрифицирован
Размер сарая	3 x 4
Чем произведено покрытие крыши сарая	черепицей
Вид уборной	деревянная
Стоимость дома без надворных построек	2553-40
Стоимость сарая	317
Стоимость уборной	27-60
Стоимость дома, совместно с надворными постройками	2898
Как осуществляется строительство	хозспособом

[2].

Однако строительство жилых помещений именно такого типа удовлетворяло не всех. Так в газете «Правда Украины» № 272 от 2 декабря 1966 года была опубликована статья Д. Герасимова «Не на день и не на год». Автор подверг жесткой критике, широко применяемый на то время, типовой проект жилого дома М-2-К, подчеркнув, что его «все ругают за убожество». При этом автор рекомендовал руководителям хозяйств и строителям при возведении домов для переселенцев не руководствоваться проектом, а допускать производственные отступления, в соответствии с мнением переселенцев, вплоть до изменения внутренней планировки зданий и увеличения объемов их технико-экономических показателей. Отдел организованного набора рабочих и переселения Облисполкома, в связи с публикацией материала данного характера, высказался в следующем духе. «Учитывая вполне удовлетворительные технико-экономические показатели жилого дома тип М-2-К и его бесспорные преимущества перед ранее применявшимися в перспективном строительстве типовыми проектами, а так же принимая во внимание размер выдачи кредита на строительство домов, вся общественность области одобрила указанный проект дома и изъявила согласие применить его в перспективном строительстве» [4]. В связи с этим, Крымский облисполком поручил Крымскому филиалу «Укрниигипросельхоз» (Украинский научно-исследовательский институт по проектированию сельского и

колхозного строительства Госстроя УССР) разработать смету к рабочим чертежам дома тип М-2-К. 23 декабря 1964 года эта смета была утверждена Крымским облисполкомом. Таким образом, строительство домов для переселенцев в 1965–1966 годах осуществлялось по соответствующему проекту.

Отделом было подчеркнуто, что указанный тип дома в своей основе удовлетворял запросы подавляющей части переселенцев и соответствовал их экономическим возможностям, так как каждая семья была обязана принять дом в личную собственность. При этом переселенцы должны были выплачивать свою долю кредита в течение 10 лет, начиная с третьего года проживания в области. Большинство семей новоселов в своем составе имели 3–4 человека. Следовательно, в доме типа М-2-К они имели вполне нормальные жилищно-бытовые условия.

По поводу допущения отступлений от утвержденных типовых проектов председатель Отдела Н. Максименко подчеркнул, что подобное «явно противоречит современной практике строительства, базирующейся на массовом внедрении в производство типовых, экономически обоснованных проектов». К тому же, еще 24 августа 1965 года Облисполком и Главное управление организованного набора рабочих и переселения дали заказ на разработку типового проекта жилого дома для больших семей. В связи с этим, был разработан, а Госстроем СССР рекомендован для применения в строительстве в колхозах и совхозах полуострова типовой проект трехкомнатного дома ТИП М-3-К с полезной площадью 51, 7 кв. м и жилой площадью в 37,5 кв. м. Новый тип строительных конструкций, параллельно с существованием предыдущей модели, был утвержден для применения в рамках программы хозяйственно-бытового устройства переселяемого населения в селах Крымской области. По сообщению Главного управления в 1967 году в Крымскую область уже поступило 1100 домокомплектов типа М-3-К [5].

Жилищно-бытовые условия организованно прибывшего населения были весьма благополучными. Во всех поселках дома были электрифицированы, радиофицированы, был проведен водопровод, построены типовые детские дошкольные учреждения, бани, магазины, столовые, клубы [6].

В связи с тем, что в условиях Крыма разрешение проблемы увеличения трудовых ресурсов во многих колхозах и совхозах осуществлялось, главным образом, за счет плановых мероприятий по переселению, областной Отдел в своей практической деятельности уделял значительное внимание организации контроля над приемом, хозяйственным устройством семей переселенцев и строительством для них домов [7].

На 1 января 1968 года из подлежащих передаче переселенцам (без учета свободных) 7192 домов, было передано по актам 5151, продано рабочим и служащим совхозов 40 домов, за 816 домов используемых не по назначению, были досрочно взысканы кредиты Госбанка. В конце года оставались не переданными новоселам 812 домов, в которых они уже проживали. Кроме того 373 домов занимались не переселенцами. В связи с выявлением фактов нарушения порядка хозяйственно-бытового обустройства переселенцев, Отдел, совместно с областной конторой Госбанка, в соответствии с распоряжением Облисполкома №1207-р от 6 декабря организовал проведение сплошной инвентаризации использования переселенческих до-

мов. А так же были приняты санкции по взысканию кредитов Госбанка за дома используемые не по назначению [8].

Одной из особенностей организации контроля над процессом обустройства переселенцев в 1967 году являлось, то, что Отдел стал принципиальнее и предметнее предъявлять требования к строителям и руководителям хозяйств по поводу соблюдения ими установленных проектно-сметных норм и технико-экономических показателей в переселенческом строительстве. Так, результаты проверки состояния подготовки жилья оформлялись соответствующими документами, которые впоследствии вносились на рассмотрение заинтересованных организаций. Данные меры предпринимались для устранения выявленных недостатков и наказания виновных. Проведение работ по завершению строительства жилых комплексов в счет плана 1968 года дало возможность полностью освоить в 1967 году выделенные Госбанком кредиты. Из 16500 рублей было фактически освоено 16443 рублей. На 1 января 1968 года в области значилось 1308 свободных домов, которые подлежали заселению плановыми переселенцами в 1968 году [9].

В соответствии с действующими льготами, за пользование кредитом новоселы, сразу же после официального оформления дома, оплачивали 2% годовых от суммы задолженности. В случае отказа от приема предоставленной жилплощади по акту они оплачивали колхозам или совхозам квартплату. Для закрепления переселенцев и во избежание осложнений в кредитовании дальнейшего строительства, необходимо было обеспечить передачу домов по актам всем переселенцам. В случае ухода новосела из колхоза или совхоза в течение двух лет с момента вселения, он должен был погасить задолженность по уплате процентов за пользование кредита, а также квартплату за этот период. Или в случае, если ему дом не был передан по акту – лишь задолженность по квартире [10].

Переселенческое строительство в совхозах из года в год увеличивалось: в 1960 году было построено 1791 домов; в 1961 – 1297; 1962 – 1651; в 1963 – 2677; в 1964 – 3885. Предусматривалось на 1965 год построить 2965 домов. Проектом плана на 1966–1970 годы предполагалось построить 16000 домов. В связи с тем, что многие переселенцы отказывались принимать дома в личную собственность, совхозы вынуждены были принимать их на баланс и возмещать кредит Госбанку самостоятельно [11].

В связи с тем, что совхозам области в период с 1965 года по 1970 годы требовалось принять до 50 тысяч рабочих, необходимо было активно вести жилищное строительство. Принимая во внимание данный факт, было вынесено предложение – пересмотреть вопрос о дальнейшем строительстве в совхозах. А именно вместо переселенческой программы обустройства вести строительство многоэтажных, многоквартирных домов.

В связи с заселением области в совхозах заново создавались улицы, поселки и увеличивалось население, но значительно отставало культурно-бытовое строительство – многие совхозы не имели детских учреждений (садов и ясель) школ, бань, клубов. Колхозы имели возможность строить культурно-бытовые учреждения, в том числе за счет кредитов Госбанка. Но совхозы оказались лишенными такой возможности из-за отсутствия ассигнований на эти цели [12].

Из утвержденного Советом Министров УССР на 1966 год плана приема переселенцев в 6000 семей, колхозами и совхозами области была принята 5721 семья (21126 человек, 11965 трудоспособных), или 95,3% от общего плана. Из числа принятых, 1424 семьи были оформлены по внутриобластному переселению, при первоначальном плане 1000 семей [13].

При осуществлении контроля над выполнением мероприятий по переселению, аппарат Отдела и районные уполномоченные добивались, чтобы в каждом хозяйстве вселения всем прибывшим представлялись заранее подготовленные дома, своевременно были разрешены вопросы по рациональному трудоустройству населения, а также по хозяйственному устройству и культурно-бытовому обслуживанию новоселов.

Для того чтобы переселенцы, как можно лучше и быстрее, обустроились на новом месте, в каждом хозяйстве вселения всем нуждающимся оказывалась необходимая материальная помощь. Например, в колхозе им. Ленина Сакского района 32 семьям было выдано, за счет льготного фонда, по 100 кг картофеля, по 70 кг муки, по 1 тонне угля, нужное количество дров, оказывалась помощь в выделении семян овощных культур, по льготным ценам было продано по 1 поросенку и по 5 кур. В населенных пунктах, где были размещены семьи переселенцев, многими хозяйствами области была проведена большая работа по строительству учреждений культурно-бытового обслуживания [14].

Организованно проводилась электрификация и водоснабжение вновь заселенных поселков. В 1966 году было электрифицировано более 5000 домов, проложено 85 км водопроводной сети, что дало возможность подвести воду к 4000 домам, было построено 26 школ, 60 дошкольных учреждений, 45 бань, 58 магазинов, 28 клубов и 20 медучреждений. Расходы, связанные с улучшением хозяйственного устройства семей новоселов в большей мере производились за счет средств льготного фонда. На балансе которого насчитывалось 701 тысяча рублей. Помимо удовлетворения непосредственных социально-экономических и бытовых нужд переселенцев, Отдел разрешал переводы из одних хозяйств в другие. Естественно, осуществление подобных мер в значительной степени способствовало закреплению прибывшего населения в пределах области [15].

На 1 января 1967 года, из подлежащих передаче переселенцам 7336 домов, было передано по актам 5463, продано рабочим и служащим совхозов 65 домов, с 746 домов, используемых не по назначению, были досрочно взысканы кредиты. На конец года остались не переданными новоселам (без учета свободных) 640 домов [16].

На 1966 год колхозам и совхозам области первоначально был установлен государственный план строительства для переселенцев в 6500 домов. Затем по ходатайству облисполкома, в июне Совет Министров УССР увеличил план на 800 домов. В итоге годовой план строительства составлял 7300 домов. 5610 домов необходимо было построить хозяйственным методом, а 1960 домов подрядным способом. За истекший год было сдано в эксплуатацию 6500 домов, то есть обеспечено выполнение первоначального плана и заложено 721 дом в счет дополнительного плана, из них 503 дома имели готовность свыше 50%. Недовыполнение плана объяснялось, прежде всего, тем, что ответственные ведомства не приняли необходимых мер, для его

выполнения. Помимо этого, переселенческому строительству противопоставляли другие виды работ. То есть во время должного активного сооружения жилплощади для вновь прибывшего населения, рабочие попросту перенаправлялись на другие объекты. С другой стороны, темпы строительства в отдельных районах сдерживало неравномерное поступление в потребительскую кооперацию области домокомплектов или комплектующих материалов.

Из выделенных области на 1966 год кредитов в сумме 23050 рублей было фактически истрачено 17847 рублей. Освоить большие суммы не представилось возможным, ввиду ограниченного наличия домокомплектов, которые остались в области сверх потребности на 1966 год [17].

Из практики работы областного Отдела, прежде всего, заслуживает внимания его участие в формировании планов переселения и строительства. Так, Отдел вместе с Облпланом и заинтересованными организациями в конце 3 или начале 4 квартала вносили на рассмотрение Облисполкома проекты планов заселения региона и строительства домов для новоселов на предстоящий год. Подготовке планов обычно предшествовала большая работа. Например, для составления плана на 1968 год, еще 5 мая 1967 года по предложению Отдела и Облплана, Облисполкомом было направлено райисполкомам и другим заинтересованным организациям письмо, в котором предлагалось не позднее 1 июля 1967 года представить обоснованные предложения по переселению и строительству на предстоящий год. Данный документ необходимо было представить в разрезе районов и ведомств. Когда утверждался народнохозяйственный план на будущий год, областной Отдел и Облплан приступали к разработке квартальных планов в разрезе районов, ведомств и начинали обдумывать детальные мероприятия по обеспечению их выполнения. В них предусматривались объемы работ, сроки исполнения и ответственные за это организации, лица [18].

Когда Исполкомом были утверждены планы и мероприятия, Отдел добивался от Областного управления сельского хозяйства, трестов, транспортных и других организаций, издания соответствующих приказов, обеспечивающих выполнение установленных для них заданий в срок. Отдел получал эти приказы и следил за их исполнением. После того, как были решены основные организационные вопросы, был утвержден план, мероприятия, изданы приказы, работа Отдела по контролю его уполномоченных в районах сосредотачивалась, главным образом, в колхозах, совхозах, районных организациях. Формы расчета потребности рабочей силы, представляемые хозяйствами, рассматривались Райпланом, производственным управлением и уполномоченными, а затем уже проект плана с предложениями представлялся на утверждение Райисполкома, который впоследствии направлял его Облисполкому. Последний, в свою очередь, дорабатывал контрольные цифры, а позже окончательные планы, мероприятия по переселению и строительству. Лишь затем, Райпланом, а также уполномоченными, вместе с производственным управлением, разрабатывались и представлялись Райисполкому проекты планов строительства, переселения по хозяйствам и мероприятия по обеспечению этих планов материалами, рабочей силой и др. После утверждения они доводились до хозяйств [19]. Эффективной формой оперативного решения вопросов являлись совещания, проводимые в начале месяца заместителем председателя Облисполкома [20]

После получения из государственного комитета Совета Министров УССР по использованию трудовых ресурсов выписку из графиков об отправке эшелонов с областей выхода, с помощью уполномоченных и общественного актива Областным Отделом организовывались проверки готовности колхозов и совхозов к приему новоселов. Если в ходе проверок были вскрыты какие-либо недостатки, то принимались оперативные меры к их устранению.

Решение задачи по закреплению вновь прибывшего населения во многом зависело от личного общения, вернее от знакомства новоселов с руководителями хозяйств районов и старожилами, переселенцами прошлых лет вселения. Поэтому прием организовывался следующим образом: на станцию разгрузки, как правило, прибывали сами руководители хозяйств. Присутствовали также работники райкомов и райисполкомов. Сразу проводились короткие групповые беседы, в процессе которых люди предварительно знакомились с хозяйствами вселения. После прибытия на новое место жительства руководители хозяйств собирали население, знакомили их с хозяйством, с условиями труда и быта. Работники Отдела периодически выезжали в районы и на месте оказывали помощь переселенцам [21].

Работниками Отдела периодически осуществлялись беседы с семьями, которые закрепились в области и активно участвовали в производственной деятельности. Абсолютное большинство опрошенных выражали полную удовлетворенность жилищными, производственными и культурно-бытовыми условиями [22].

За 1968 год областью было принято 6046 семей при плане 6000. В общей сложности переехало 12 тысяч человек трудоспособных. Во всех хозяйствах вселения для каждой семьи выдавалось бесплатно 0,5 тонны угля, по 0,5 м³ дров. В совхозах продавалось по себестоимости необходимое количество продуктов питания, а в первое время нуждающимся семьям продукты предоставлялись в рассрочку. В большинстве случаев новоселам оказывалась помощь в приобретении крупного рогатого скота, поросят, птицы, а также саженцев фруктовых и декоративных деревьев [23]. В общем, вся организаторская работа исходила от областного Отдела, проводилась она заблаговременно и осуществлялась в несколько этапов.

По данным переписи населения на 15 января 1970 года по Крымской области числилось занятых в домашнем и личном подсобном сельском хозяйстве 29743 человека в трудоспособном возрасте, в т. ч. 15035 человек нуждались в трудоустройстве. Из числа нуждающихся в работе 2372 человека изъявили желание работать на любой работе без всяких условий. Однако уже на 1 октября 1970 года из 15035 человек, не работающих и нуждающихся в трудоустройстве, уже были трудоустроены 4063 человека. Было установлено также, что за период с 15 января 1970 года по 1 октября 1970 года из 15035 нуждающихся в трудоустройстве 1814 человек выбыли за пределы области (призваны в советскую армию, выехали в другие области, в связи с переменой места жительства, выехали на учебу и т. д.); из них 269 человек из категории лиц, нуждающихся в трудоустройстве без всяких условий. 3268 человек (подавляющее большинство женщины) заявили, что в трудоустройстве не нуждаются [24].

Об использовании сметы операционных расходов на 1 января 1971 года свидетельствует таблица 2.

Таблица 2

Внутриобластное переселение	
План	2000 семей
Фактически переселено	1955 семей (7149 человек)
Получили пособие	1317 семьи (5414 человек)
Внутриреспубликанское переселение	
План	3600 семей
Фактически переселено	3789 семей (13431 человек)
Из УзбССР фактически переселено	45 семей (277 человек)

[25].

В соответствии с постановлением Совета Министров УССР от 9 января 1970 года № 10 «О плане Госбанка СССР по долгосрочному кредитованию на 1970 год по УССР», исполком областного совета депутатов трудящихся решил: утвердить на 1970 год распределение долгосрочных кредитов Госбанка СССР для областных колхозов, межколхозных строительных организаций, переселенцев, сельского населения на индивидуальное жилищное строительство, колхозников, рабочих и служащих на приобретение коров и телок на общую сумму 32525 тысяч рублей [26].

Таким образом, на протяжении 60-х годов XX века организованное переселение в Крымскую область, начатое в 1944 году, продолжалось. Основным фактором, обеспечивающим эффективность закрепления новоселов на полуострове, по-прежнему, являлось качественное хозяйственно-бытовое устройство колхозников-переселенцев. Результативность, предпринятых мер, по данной части, безусловно, была, так как по сравнению с предыдущими десятилетиями, процент закрепившегося в области населения был самым высоким именно в 60-х годах.

Список литературы

1. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-3508, оп. 1, д. 181, л. 1.
2. Там же, д. 108, л. 9.
3. Там же, д. 183, л. 23.
4. Там же, л. 24.
5. Там же, л. 25–26.
6. Там же, д. 212, л. 11–12.
7. Там же, л. 16.
8. Там же, л. 27–28.
9. Там же, л. 31–32.
10. Там же, д. 180, л. 18.
11. Там же, д. 182, л. 24.
12. Там же, л. 25.
13. Там же, д. 185, л. 2.
14. Там же, л. 3.
15. Там же, л. 4.
16. Там же, л. 6.
17. Там же, л. 9–10.
18. Там же, д. 218, л. 26.
19. Там же, л. 27.
20. Там же, л. 29.
21. Там же, д. 235, л. 44.
22. Там же, л. 16.
23. Там же, л. 45.

24. Там же, д. 264, л. 25.

25. Там же, д. 282, л. 5.

26. Там же, д. 265, л. 1.

Сеїтова Е. І. Програма господарсько-побутового влаштування колгоспників-переселенців в Кримській області протягом 60-х років XX сторіччя / Е. І. Сеїтова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 96–104.

В 60-тих роках XX сторіччя переселення до Кримської області продовжувалось. Головним фактором, за допомогою якого забезпечувалась ефективність цього процесу, було якомога краще господарсько-побутове влаштування переселенців. З цією задачею держава в цей період справлялась, так як була розгорнута масштабна будівельна програма. До того ж, переселенці мали змогу розпоряджатись, спеціально відведеними для них, пільгами та кредитами.

Ключові слова: переселення, господарсько-побутове влаштування, пільги, кредити.

Seitova E. I. The program of economical and social development of the resettled people in Crimea / E. I. Seitova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 96–104.

During the 1960s, the resettlement process in Crimea was in progress. The main factor, which assured the effectiveness of this process was, as best as possible, the economical and social development of the resettled people. During this period the government managed this task, because a vast building program was unfolding. And the resettled people were arranging with special privileges and loans being given to them.

Key words: resettlement, economical and social development, privileges, loans.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

УДК: 947.7 (477.75)

УЧЕБНИКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА И. ГАСПРИНСКОГО ДЛЯ ПРЕПОДАВАНИЯ СВЕТСКИХ ДИСЦИПЛИН В МУСУЛЬМАНСКИХ ШКОЛАХ

Сеитмететова С. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: Selvina11@rambler.ru*

Представлен краткий анализ учебной печатной продукции издаваемой типографией газеты «Терджиман». Рассмотрены основные учебные пособия, рекомендованные И. Гаспринским для преподавания светских дисциплин в мусульманских школах.

Ключевые слова: «Терджиман», И. Гаспринский, крымские татары.

В марте 2011 г. в Крыму отмечался 160-летний юбилей со дня рождения Исмаила Гаспринского выдающегося общественного деятеля, публициста, реформатора старометодной религиозной школы, просветителя, получившего известность и признание среди всего мусульманского мира. С 1883г. И.Гаспринский стал издавать и редактировать первую национальную газету на крымскотатарском и русском языках под названием «Переводчик-Терджиман». Свою типографию, располагающуюся в Бахчисарае, где ныне находится Дом музеев, просветитель развивал в достаточно сложных условиях, пытаясь следить за новинками полиграфического дела. Конечно же, здесь издавались газеты, литературные произведения, справочники по медицине, экономике, философии, книги религиозной тематики. Чего стоит, издаваемый в различных форматах Коран, который неоднократно выигрывал в конкурентной борьбе с мощными полиграфическими предприятиями Великобритании на Восточном рынке, значительная часть тиражей которого отправлялась в Египет, Индию и другие страны для продажи. Однако самым важным направлением для издательства И. Гаспринского стала учебная печатная продукция, которая непосредственно содействовала распространению просвещения среди крымских татар.

Целью данной работы является выявление и анализ учебной печатной продукции издаваемой типографией газеты «Терджиман», рекомендованной И. Гаспринским для изучения светских дисциплин в мусульманских школах. Отдельные аспекты этой проблемы были рассмотрены в работах Ганкевича В.Ю., Абибуллаевой Э.Э., Аблаева Э.А. и Богдановича И.А.

Светские дисциплины внедрились в систему образования крымских мектебов лишь благодаря реформам, вызванным общественно-педагогическим движением - джадидизмом, где И. Гаспринский был общепризнанным лидером, самым известным пропагандистом звукового метода. Джадидизм в Крыму обладал рядом специфических особенностей, совсем не характерных для развития этого движения в других регионах империи. Вся борьба за создание и развитие сети новометодных школ обычно шла путем законности, и дискуссия велась лишь в существующих правовых

рамках, лишь изредка сходя с них. В последних случаях деятели национального просвещения все же пытались войти в легальную сферу, стремясь изменить законодательство путем убеждения чиновников и демонстрацией прогрессивных моментов в крымскотатарском образовании. Со своей стороны мусульманское духовенство достаточно быстро перешло на позиции джадидизма, поддерживая и развивая его основополагающие принципы в педагогике.

Для успешного распространения новых методов понадобилась принципиально новая учебная и методическая литература. К концу XIX века национальная школа столкнулась с острейшей проблемой нехватки учебной литературы. Недостаток в этих пособиях частично заполняли книги, изданные в Казани, однако и их не хватало и приходилось обращаться к иностранным, прежде всего турецким книгам. К литературе изданной за рубежом российское и губернское учебное начальство относилось очень настороженно. Именно по этому 10 июля 1892 года по соглашению МВД министр народного просвещения признал нужным принять правило, чтобы в подведомственных Министерству народного просвещения мусульманских школах употреблялись лишь печатные книги, одобренные русской цензурой. Проблема учебной литературы уделялось достаточное внимание и в «Правилах 1906 года». В национально-конфессиональных училищах могли применяться лишь книги русского издания [1, с. 79].

Для новометодных школ Крыма И. Гаспринским были написаны и изданы популярные учебные пособия. Среди них на особом месте стоят 4 выпуска знаменитого «Ходжа-и субьян» («Учитель детей»), ставшего первым светским учебником для крымскотатарских мектебе. «Ходжа-и субьян» был издан в 1884 г. На его обложке были написаны такие слова: «В невежестве детей ответственны их родители» [2, с. 56].

Более детально стоит обратиться именно к «Учителю детей», так как до 1910г. первая часть учебника переиздавалась 26 раз, а вторая – 12. Передовые педагогические идеи, которые заложены в учебнике, долгие годы оказывали влияние на сознание тюркских учителей России. Этот учебник послужил основой при составлении подобных учебников в Казани, Ташкенте, на Кавказе (учебники Чернявского, Эфендиева и Великбекова) [3, с. 107].

«Ходжа-и субьян» представлял собой классическое учебное пособие для учащихся начального звена образования. Именно по этому учебнику крымскотатарские дети занимались на протяжении 30 лет, изучая азбуку по звуковому методу. Кроме того, что «Ходжа-и субьян» был учебником для начальных новометодных школ, он так же был одобрен как учебник для земских министерских начальных школ и конфессиональных мектебов. Взяв за образец учебные книги К. Д. Ушинского, И. Гаспринский ввел в издание произведения классической литературы, фольклора, а так же собственные литературные миниатюры и сказки. По смыслу учебник был близок к русским учебникам, однако все же был составлен с учетом национальной специфики. Содержание букваря охватывает рассказы религиозного характера, отрывки из жизнеописания пророков, примеры сур из Корана и т.д. Вместе с этим в учебнике было представлено большое количество разнообразных упражнений, направленных на пояснение предметов чувственного мира, который мы можем ви-

деть (обувь, лампа, очки, часы, швейная машинка и т.д.). Одним из составных успеха учебника являлся религиозно-духовное и прогрессивно-демократическое направление его содержания. Эти качества обеспечили букварю теоретическую и практическую актуальность для педагогической науки [4, с. 62].

Букварь реализует общепедагогическую концепцию И. Гаспринского, состоящую из идеи народности воспитания и обучения детей родным языком, так как чтобы народность стала самостоятельной, нужно два условия – родной язык и национальное просвещение. Особое место в учебнике занимает тема любви к Отечеству. На понятном для детей материале подаются эпизоды по отечественной истории, географии, биологии, фольклора и т.д. Учебник пронизан стремлением воспитать в детях такие качества, как правдивость и честность, дисциплинированность и организованность, любовь и уважение к родителям, старшим и окружающим, культура в поведении, стремление к науке и знаниям, инициативность, активность. На эти темы и направлены материалы всех четырех частей учебника.

И. Гаспринский на страницах «Терджимана» определял, что «составленное и проверенное нами на практике начальное пособие под названием «Детский Учитель» - «Ходжа-и субъян» - содержит (для учителей) основание школьной дисциплины и порядка, начала педагогики и приемы обучения, и последовательные уроки для детей (с указаниями для преподавателя) по татарской и арабской грамоте, диктовке, арифметики и мусульманскому закону. Учебник приурочен для пользования людей, не имеющих педагогической подготовки, и, думаем, что книжка наша послужит не только для годжи и мектебдара, но и всякой грамотной матери для обучения своего ребенка» [3, с. 79].

Одним из передовых принципов обучения является осознанность и активность в обучении. Ярким примером этому служит использование Гаспринским звукового метода обучения грамоте. Он рекомендует аналитико-синтетический метод письма и чтения, введенное К. Д. Ушинским. Последовательность чтения была таковой: звуковой разбор слова, письмо; чтение написанного; чтение слов и цитат в азбуке; чтение и переписывание новых слов из азбуки; поиск знакомых букв и словосочетаний в тексте; составление слов из букв печатной азбуки, наклеенных на картон.

«Ходжа-и субъян» является лучшим примером крымскотатарского учебника, составленного по принципу наглядности. Оценивая значение наглядности в начальном обучении, И. Гаспринский писал: «Мы отвели значительное место рисункам...» [5, с. 4.]. Впрочем, эти иллюстрации не противоречили шариату. Далее пояснял, что третья часть учебника содержит 18 рисунков, а четвертая – 31. Упражнения, рассказы, истории написаны простым, доступным языком, что бы книгу «могли легко понять в татарской семье». В первой части предоставлялось изучение всех букв алфавита. После усвоения всех букв дети должны были перейти к чтению маленьких рассказов («Сад», «Огород», «Мать и сын», «Падишах и старик», «Русское государство» и т.д.). Затем изучался арабский язык. На обложке второй части учебника указывалось: «Специальный учебник по изучению тюркского языка». Третью часть учебника составляло «Обучение чтению и полезные сообщения». Учебник был издан на двух языках – крымскотатарском (арабская графика) и русским (кириллица) [4, с. 66].

В 1894г. был издан учебник «Къырает тюркий» («Турецкая хрестоматия») – хрестоматия для «детского чтения», являющаяся неким продолжением учебника «Ходжа-и субъян». Хрестоматия включает в себя материалы по арифметике, чтению, письменным упражнениям, географии и истории, которые все время перемежаются [6, с. 144]. Литературные произведения, помещенные в хрестоматии в основном небольшие рассказы познавательного характера, а так же нравственно-воспитательного содержания – о добре и зле, справедливости и обидах, о человеческой преданности и пр. Таким же образом дается наставление по географии, сначала в общем плане, потом к каждому уроку. В процессе знаний по географии учащиеся получают элементарные знания о воде и суше, о земле, о странах света, о людях их населяющих, о морях, океанах, экономике и хозяйстве [6, с. 146]. По своему содержанию «Къырает тюркий» дополняет «Ходжа-и субъян» поучительными рассказами по некоторым общеобразовательным предметам: арифметике, географии, истории, естествознанию, ботанике, зоологии. В условиях, когда в крымскотатарской школе не было ни одного официального учебника ни по одному предмету, «Къырает тюркий» представлял собой не просто хрестоматию, но своеобразный синтетический учебник для начальной школы на родном языке [6, с. 153].

Для обучения правильному и красивому почерку И. Гаспринский предлагал наборы дешевых каллиграфических тетрадей-прописей, которые широко использовались в начальных новометодных школах. Они помогали научиться правильно писать арабской вязью «способом наведения». Для обучения крупному письму рекомендовались тетради «Слюс», а для мелкого «Рик-а». Совершенствовать свое умение в написании персидских текстов помогала тетрадь «Талик» [1, с. 120].

После приобретения типографии И. Гаспринский, еще до появления «Терджи-мана» издал отдельные брошюры. В 1882 г. были изданы: «Мираат джедид» («Новое зеркало»), «Сальнаме-и-тюркий» («Краткая тюркская грамматика»). В 1885 г. было издано пособие «Русие джогъграфиясы» («География России»). В 1897 г. – вышла целая серия учебников по грамматике. Среди них: «Персидская грамматика», «Арабская грамматика», «Турецкая грамматика» [7, с. 81].

Особое внимание следует уделить пособию «Сарф тюркий» («Турецкая грамматика») 1897года. Это учебное пособие включает в себя сведения по фонетике, графике и грамматике тюркских языков. Теоретические положения сопровождаются иллюстрациями и материалом для практических работ, даны грамматические правила, охватывающие отдельные явления морфологии тюркских языков. «Сарф-и тюркий» состоит из двух небольших по объему частей. В первой части, названной «Харф» («Буква»), рассматриваются вопросы графики, излагаются правила письма арабскими буквами. Вторая часть посвящена частям речи, их грамматическим категориям и словообразованию. В данном учебном пособии, как и в других грамматиках этого времени, использовалась заимствованная из арабского языка терминология. Однако еще в начале XX века автор «Грамматики» делает попытку отойти от традиционной арабской терминологии и использовать в качестве терминов обще-тюркские слова.

Среди методических пособий стоит выделить «Рехбер муаллимин яки муаллимлер елдаши» («Руководство учителю или спутник учителей»), который знако-

мил с основными принципами джадидизма. На страницах труда были освящены проблемы обучения в мектебах «усул-и кадим». В первую очередь, он давал ценные советы по организации научной работы учителя и вообще школы.

В 1889 году И. Гаспринский издает книгу под названием «Джиан наме» («Страноведение»), в которой дает общее понятие о географии, о географической карте, о странах мира, народах живущих в различных частях света, традициях и обычаях. Книга практически становится пособием по географии, знакомя школьников с политической, экономической, физической картой мира [6, с. 189].

В 1892 г. в типо-литографии газеты «Терджиман-Переводчик» был издан «Беден-и инсан» («Анатомия»), в 1894 г. – «Нумюне-и хаттат ве ресим» («Правила правописания»), в 1897 г. – «Мухтасир ильм-и эсап» («Научная математика»), в 1901 г. – «Атласлы джография».

В книге «Насихат-и тыббие» («Врачебные наставления»), изданной 1901 году, И. Гаспринский делает краткий обзор несчастных случаев в жизни человека и рассказывает, как следует оказывать первую помощь в домашних условиях, какие меры предосторожности следует соблюдать при обращении с больными и ранеными [6, с. 190].

В 1910 году вышел целый комплект учебников и учебных пособий, куда кроме «Ходжа и субъяна» входили Коран, «Течвид» – учебник для обучения правильному произношению сур Корана, «Ильми-хал» – учебник по богословию для мусульман-сунитов, где раскрывались основные вероучения, богослужения, морали, основные религиозные обряды, «Тарих ислям» – учебник, посвященный священной истории в освещении исламской догматики, «Сарф» – краткая грамматика родного языка, «Талик фарси» – краткий учебник персидского языка.

Благодаря успешной деятельности И. Гаспринского на ниве просвещения, фонды крымскотатарской педагогики пополнились десятком учебников, брошюр, многочисленной и разнообразной периодики и иной книжной продукции, учебного, научно-популярного, общеобразовательного, художественного направления и среди них учебники для преподавания светских дисциплин, таких как: анатомия, география, математика занимали одно из центральных мест. Учебные пособия, написанные И. Гаспринским, внесли в жизнь новометодных школ новые дидактические принципы, подняли значение урока как основной формы организации учебного процесса, став первыми светскими пособиями для мусульманских школ Крыма.

Список литературы

1. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования. Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX веков / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь : Таврия, 1998. – 164 с.
2. Гафаров С. Исмаил Гаспринский – великий просветитель / сост. Зиядинов Ф. – Симферополь : Тарпан, 2001. – 258 с.
3. Османов Ю. Из плена лжи : научные статьи о творчестве и деятельности Исмаила Гаспринского / Ю. Османов. – Симферополь : Доля, 2001. – 256 с.
4. Абибуллаева Э.Э. Педагогічні основи «Ходжа-и субіян» / Э.Э. Абибуллаева // Эстафета поколений : мат-лы науч.-практ. конф. посвященной 130-летию со дня открытия Симферопольской татарской учительской школы (21–22 ноября 2002 г.) – Симферополь : Доля, 2003. – С. 62–68
5. Ганкевич В.Ю. Гаспринский – педагог / В.Ю. Ганкевич // Авдет. – 1994. – 7 апр.

6. Аблаев Э. А. Прогрессивные педагогические идеи крымских татар второй половины XIX – начала XX века.: на материале педагогического наследия И. Гаспринского : дисс. ... д-ра. пед. наук: 13.00.01. – Ташкент, 1991. – 266 с.

7. Богдановіч І. О., Ганкевич В. Ю. До джерел кримськотатарської журналістики : навчальний посібник / І. О. Богдановіч., В. Ю. Ганкевич. – Сімферополь, 2004. – 356 с.

Сейтмететова С. А. Підручники видавництва І. Гаспринського для викладання світських дисциплін у мусульманських школах / С. А. Сейтмететова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 105–110.

У статті наданий короткий аналіз навчальної друкованої продукції надрукованої видавництвом газети «Терджиман». Розглянуто основні навчальні посібники, рекомендовані І. Гаспринським для викладання світських дисциплін у мусульманських школах.

Ключові слова: «Терджиман», І. Гаспринський, кримські татари.

Seitmemetova S. A. Books by I. Gasprinsky' edition for teaching secular disciplines in Muslim schools / S. A. Seitmemetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 105–110.

In the article is a short analysis of educational printed production published by the publishing house "Terdzhiman." Here are considered the main educational publications which are recommended by I. Gasprinsky for teaching secular subjects in Muslim schools

Keywords: «Terdzhiman», I. Gasprinskiy, Crimean Tatars.

Поступила в редакцию 01.11.2011 г.

УДК 930.2 (083+058):(477.75)''18''

ЗАВЕДЕНИЯ ТРАКТИРНОГО ПРОМЫСЛА КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Серова Е.Д.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: ke-rina_history@mail.ru*

Статья посвящена вопросам функционирования трактирного промысла в Крыму во второй половине XIX века, как одному из видов коммерческой деятельности населения, отражающего особенности организации локальных городских рынков полуострова. Автор рассматривает динамику изменения количества трактирных заведений на полуострове, регламент и особенности их работы.

Ключевые слова: Крым, торговля, внутренний рынок, заведения трактирного промысла.

Культура потребления населения Крыма во второй половине XIX века представляет собой почти нераскрытый, малоизученный на сегодняшний день, но от этого не менее яркий пласт исторической действительности. Исследование заведений, относящихся к трактирному промыслу, способно ответить на некоторые вопросы функционирования внутреннего рынка Крыма, дополнить краеведческие студии отдельных городов по заявленной проблематике, обогатить знания о повседневной культуре потребления населения полуострова во второй половине XIX века.

Объектом исследования выступает совокупность заведений трактирного промысла в Крыму, как один из важных элементов структуры внутреннего рынка.

Цель доклада – детализировать отдельные аспекты функционирования трактирных заведений полуострова во второй половине XIX века. Основные задачи: проследить динамику изменения численности, обозначить особенности функционирования трактирных заведений Крыма.

Источники по заданной тематике достаточно разнообразны – это и отчеты губернатора и градоначальников, путеводители и памятные книги, новороссийские календари, а также литература путешественников и исследователей полуострова второй половины XIX века. Начало исследования трактирного промысла можно отнести к XIX веку [1]. Советские исследователи изучали трактирный промысел лишь в совокупности иных форм организации стационарной торговли [2]. В современной науке некоторые аспекты деятельности трактирных заведений затрагиваются в контексте изучения внутренней торговли [3], досуга населения [4], а также в качестве одного из элементов наполнения городского бюджета [5]. В последнее время в связи с актуализацией изучения микроистории в различных регионах бывшей Российской империи изучается развитие и функционирование местного трактирного промысла [6].

Необходимо отметить возникающие трудности при анализе статистических данных о трактирных заведениях. В источниках одного периода сведения о количестве заведений могут разниться. Это связано с тем, что только в 1893 г. был разрабо-

тан точный список торговых объектов, которые попадают в категорию «заведений трактирного промысла». До этого периода на часть заведений не распространялось определение «трактирных», поэтому данные источников сложны для анализа и интерпретации. Так, в переписке земских управ с Таврическим губернатором по вопросу об изменении трактирного положения можно встретить такие сведения о Евпатории 70-х гг. XIX столетия: «трактирный промысел самый незначительный ...» [7], однако в разделе «Города и значительнейшие местечки Новороссийского края и Бессарабии» Новороссийского календаря за 1872, количество торговых объектов, к которым применительно определение «трактирные» достигает 60, что при населении 8294 (1870 г.) в среднем составляет 138 человек на одно заведение [8.]. Ввиду указанной выше сложности, важно подчеркнуть, что в данной статье для стандартизации и унификации понятий к трактирным заведениям отнесены объекты, перечисленные в «Положении о трактирном промысле» 1893 г. [9].

«Нам трактир дороже всего!» [10] – эти слова, вложенные в уста Аркадия Счастливецца из комедии Александра Островского «Лес» как нельзя лучше отражают то место, которое занимал трактир в повседневной жизни простых обывателей городов и населенных пунктов в девятнадцатом веке. Трактир – место встречи, деловых переговоров, дозволенных развлечений. Развитие трактирного промысла в Крыму было крайне неоднородно и зависело от множества факторов – статуса населенного пункта и его расположения, количества жителей, посещаемости приезжими.

Шестидесятые годы XIX века – переломный этап для функционирования разных отраслей империи, в том числе и торговли. В 1861 г. был издан «Питейный устав» с новой для общества и государства акцизной системой, в том же году появилось единое для империи «Положение о трактирных заведениях». Земская, судебная, городская и другие реформы также сказались на механизме открытия и функционировании торговых заведений, в том числе и трактирных.

В 1861г. было составлено новое «Положение о трактирных заведениях», по причине того, что «действующее ныне о трактирных заведениях правила, основанные на постановлениях, в разное время изданных, представляют в исполнении своём многие неудобства» [11], приведено в исполнение с 1 января 1863 года. Согласно положению трактирными заведениями считались: гостиницы, подворья, меблированные квартиры (в столицах), отдаваемые со столом, если у одного хозяина отдается более шести комнат, трактиры, рестораны, кофейные дома, кафе-рестораны и кухмистерские столы для проходящих, харчевни, буфеты при театрах, балаганах, пароходах, пароходных пристанях, станциях железных дорог, в клубах и публичных собраниях разного рода, овощные и фруктовые лавки, где в особых покоех предлагаются на месте закуски и завтраки разными съестными припасами; открываемые на все летнее время, палатки на гуляниях [12].

Заведения трактирного промысла могли содержаться купцами всех трех гильдий, цеховыми мещанами и крестьянами. Среди содержателей трактирных заведений в Керчь-Еникале было 30% керченских мещан, 26,3 % мещан других городов империи, 23,6 % иностранных подданных, купцы содержали 10,5 % от числа всех трактирных заведений города, по 5,2 % содержателей приходилось на крестьян и отставных военных [13]. В Ялте 31% трактирных заведений принадлежал иностран-

ным подданным, 23 % купцам, 19% мещанам различных городов империи, 15% – мещанам Ялты, 8% крестьянам и поселянам и 3,8% заведений содержали отставные военные чины [14]. Порядок открытия трактирного заведения в городе был следующим: желающий содержать трактирное заведение подавал в Городскую думу аттестат, в котором указывалось, что проситель «в штрафах не состоял, и по суду наказываем не был, и все казенные и общественные повинности ежегодно отправлял бездоимочно» [15]. Аттестат выдавался по принадлежности к классу: купцы и мещане получали его от городского головы и городских старост, цеховые – от ремесленного головы или старшин, крестьяне – от непосредственного сельского начальства. Аттестат, а также прошение об открытии заведения с указанием точного места для устройства заведения, рассматривались в течении трех дней, по истечению которых дума выдавала свидетельство на открытие трактирного заведения. Свидетельства возобновлялись ежегодно, о чем извещались полицейские чины. За право содержания трактирных заведений органами местного управления с утверждением губернского начальства определялся средний годовой акциз с заведения для платежа в городскую казну. Величина акциза «созмеряется, как с состоянием трактирного промысла в городском поселении, так и с потребностями городской казны, для удовлетворения общественных расходов» [16]. Средний акциз устанавливался городской думой, а его раскладкой на все заведения населенного пункта, занимающиеся трактирным промыслом, были заняты владельцы заведений, из среды которых выбиралась раскладочная комиссия. Если трактирных заведений и их содержателей было менее десяти в городе, то все владельцы принимали участие в раскладке налога. Средний акциз умножался на количество трактирных заведений, что составляло общую сумму акциза, которую должны были внести в городской бюджет. Размер взноса в общую сумму акциза для каждого заведения разнился в зависимости от «обширности и выгодности положения в городском поселении каждого заведения» [17]. В случае, если содержатель заведения находил обложение несправедливым, «сравнительно с другими содержателями, имеющими одинаково обширный и выгодный промысел» [18], мог обратиться в городскую думу с прошением о пересмотре акциза в строго отведенные для этого сроки.

Сумма акциза была соразмерна доходам конкретного заведения. Наибольшие акцизы платили содержатели гостиниц от 60 до 150 р. в Симферополе [19] и от 90 до 1950 р. в Ялте [20], содержатели харчевен, постоянных дворов платили от 7 до 30 р. [21], трактиров – от 30 до 300 р. [22], кофеен – от 4 до 50 р [23]. В виду малой развитости трактирного промысла в отдельных городах Крыма содержатели заведений подавали прошения об освобождении от платы акциза. Так бахчисарайский городской голова 31 марта 1864 представил в Таврическое губернское правление приговор составленный 4 декабря 1863 г. содержателями кофейных домов и постоянных дворов «об освобождении их от патентного в пользу казны сбора, по бедности их» [24]. Однако такие ходатайства не удовлетворялись. Подобные прошения чаще подавались либо после введения нового положения в силу 1863 г., либо после очередного повышения акциза на занятие трактирным промыслом. Так, в 1874 г Керчь-Еникальская городская дума увеличила акциз для постоянных дворов с 5 до 25 рублей, «соображаясь с состоянием в настоящее время трактирного промысла в Керчи

(к каковому промыслу принадлежат и постоянные дворы), а также и с потребностями городской казне, для удовлетворения общественных расходов, и имея в виду данные, по которым акциз с постоянных дворов в некоторых городах определен от 50 до 75 р. в год...» [25], что вызвало шквал недовольства и прошений не повышать налог на содержание трактирных заведений в городе.

Трактирный налог был одной из статей наполнения городского бюджета и составлял для доходов разных городов Крыма следующие суммы. Наименьшим акциз с трактирных заведений во второй половине XIX века наблюдался в г. Перекопе и составлял 120 р. в 1886 г [26]. К середине 90-х гг. XIX века сумма акциза возросла до 936 р. [27], что составляло 4 % от бюджета города. В Старом Крыму и Бахчисарае сбор с трактирных заведений составлял мене 1% от городского дохода. Трактиры приносили 7% в бюджет города Балаклавы, в которой было лишь 4 трактирных заведения (2 гостиницы и 2 ресторана) [28]. Наиболее динамичным изменение величины акциза с трактирных заведений наблюдалось в городах Симферополе, Севастополе и Феодосии. Так, если в 1879 г. трактирные заведения Симферополя приносили в городской бюджет 2896р. 34 ½ к., то к 1886 г. сумма достигла 6511 р. 25 к. [29], что составляло 5 % от суммы общего дохода города. В Феодосии в 70-х гг. XIX века сумма трактирного сбора достигала 988 р. [30], что составляло 1%, в 1895 г. заведения трактирного промысла приносили 6745 р. [31] или 2,9% дохода. Наибольшая сумма налога с трактирных заведений в конце XIX века была в городах Севастополе (7300 р.) [32] и Ялте (8200р.) [33], что приносило в городской бюджет 1,9% и 9,2 % соответственно. Важно подчеркнуть, что в трактирных заведениях была разрешена продажа крепких спиртных напитков и табака, что также приносило доход в казну каждого города. Таким образом, акциз с трактирных заведений в городах Крыма на протяжении второй половины XIX века составлял от 1 до 10 % городских доходов.

Механизм открытия трактирных заведений вне города имел свои особенности. Лицо намеренное открыть заведение должно было получить письменное согласие того ведомства, селения или местечка, на земле которого предполагалось учреждение заведения. Разрешение на открытие заведения вне города, а также сумму налога устанавливала казенная палата соразмерно с классом местности в коем располагалось заведение.

В 1893 г. было введено «Положение о трактирном промысле», уточнившее и дополнившее статьи предыдущего. К перечню трактирных заведений были добавлены: столовые, кондитерские, пирожные, съестные и закусочные лавки; ренсковые погреба, пивные лавки, со специальными покоем для продажи напитков и закусок. Расширен список заведений, не считающихся трактирными, введены ограничения во времени работы трактирных заведений: с 5 утра до 11 вечера в городах, и с 5 утра до 10 вечера вне городских поселений [34], городским думах совместно с полицией поручено составить ряд постановлений регламентирующих работу трактирных заведений в каждом городе отдельно. Несколько изменен механизм работы раскладочной комиссии и сбор акциза (трактирного налога) с заведений. Введено обязательное освидетельствование помещения для производства трактирного промысла чинами полиции и акцизного надзора, а также лицами, назначенными из городского

управления. Появилась градация трактирных заведений, в зависимости от наличия комнат для приезжих и продажи крепких напитков.

Все трактирные заведения условно можно разделить на «высокие» и «низкие» – по характеру публики, которая их посещала. Так, гостиницы, рестораны, буфеты, трактиры – служили местом отдыха «высокой публики». Харчевни, кофейни, кухмистерские, съестные лавочки и постоялые дворы «служили приютом, предоставляя дешевое продовольствие для простого народа ... принадлежащего обыкновенно к самому бедному классу как местного населения так и приезжего» [35]. В положении 1861 г. из трактирных заведений особо были выделены съестные лавочки и постоялые дворы, так как они «учреждаются в городских поселениях для доставления дешевого приюта и продовольствия простому народу, к потребностям и привычкам коего эти заведения и должны быть приурочены» [36]. Особенное устройство постоялых дворов с местами для «приюта и продовольствия приезжающих простолюдинов и лошадей их» [37] создали возможность обходить некоторые правила производства торговли в городах полуострова. Приезжающие в базарные дни мажары и возы с продуктами останавливались в постоялых дворах, где происходила несанкционированная перекупка привезенных для продажи на базарах города товаров. Поэтому, при составлении правил о внутреннем распорядке на торговых площадях, думы отдельных городов были вынуждены включать статьи о том, что: «содержатели постоялых дворов обязаны отнюдь, не позволять никому производить в постоялых дворах оптовую или розничную продажу разных сельских произведений, жизненных припасов и продуктов с возов, маджар, фургонов, или иных перевозочных средств, а на случай усмотренной ... содержаниями постоялых дворов, продажи привозителями кулашникам, барышникам ... обязаны ... тот час же направлять привозителей на торговые и базарные площади, на которых будет установлено производство торговыми сельскими произведениями» [38].

Наиболее распространенными заведениями трактирного промысла в Крыму во второй половине XIX века были кофейни. Колоритное описание кофейен можно найти на страницах местных изданий. «Крымская кофейня – это клуб, только клуб в азиатском вкусе. Там играют в карты, пьют чай и кофе и рассуждают о политике, причем совсем не читают газет. Единственное без чего не обходится в настоящих клубах. Не читают ... Но это еще полбеда, пусть себе играли бы в карты и кости, пили бы чай и кофе, но не сидели бы в такой грязи, какою отличаются наши кофейни, не дышали бы тем воздухом, пропитанным вонью и табачным дымом, без которого нельзя себе представить «азиатского клуба». Крымская кофейня, повторяю – это клуб коммерческих людей мелкого пошиба. Там вершатся дела, происходит купля-продажа и играют в карты; пьют мажарыч и играют в карты; приезжают татары из соседних деревень, продают зерно и играют в карты. Словом, греки, армяне, караимы, евреи, татары и турки без кофейни жить не могут...» [39].

Говоря о развитии трактирного промысла в Крыму, следует обозначить и некоторые слабые стороны, на которые обращали внимание современники и путешественники тех лет. Пьянство и алкоголизм – одна из основных социальных проблем Российской империи, непосредственно связанная с производством трактирного промысла. Отличительной чертой трактирных заведений была возможность распивать креп-

кие напитки (водку, вино) на месте. Жители населенных пунктов Крыма были против такой политики, ведь приходится «за порцией (спиртного) отправляться в трактир и кроме потери времени может последовать вред нравственный, именно потому, что там столкнувшись с народом где вместо одной порции выпьешь лишнего и может произойти буйство и драки ...» [40]. В отдельных городах Крыма наблюдалось вопиющее отступление от норм содержания трактирных заведений. В Севастополе в помещениях, на окраинах города «идет безшабашное и самое циничное пьянство среди подростков и «безусых мальцев» [41]. Кроме того в самом городе до сих пор не воспрещено трактирщикам самого низшего ранга держать подносчиков «брикаловки» таких, которым вряд ли исполнилось 9–12 лет. Все они исхудалые, бледные, желтые и видно, что удушливая, дымом и сивушным маслом налитая, атмосфера отравляет этих детей» [42]. Нередко случалось, что «в базарных трактирах и кабаках полиция часто находит склады ворованных и пропитых вещей» [43].

Одной из наболевших проблем трактирных заведений было их санитарное состояние. Губернский врачебный инспектор указывал, что «Устав Медицинской полиции Т. XIII ст. 845 предписывает между прочим, чтобы на дворах не было нечистоты ... между тем в городе (Симферополе) есть много заезжих дворов совершенно заваленных навозом и другими нечистотами» [44]. Немаловажной деталью для трактирных заведений является уровень обслуживания покупателей. Распространенным недостатком была грубость и невежество служителей. Так, посетивший во второй половине XIX века гостиницу «Еврейская» в Алуште К. Жуков писал: «красивая еврейская девушка так кричала на нас, что мы подумали о приезде в дом сумасшедших» [45]. Красноречиво и описание служителя одной из гостиниц Алупки: «лакей блузник¹ не переродился и привычки его: брать стакан, опустив в него мерзкие свои пальцы, и вынимать мух из сливок тою же пятернею, остались при этом невежде» [47]. И если такие нарекания вызывало обслуживание в отдельных гостинцах, то стоит ли говорить о культуре обслуживания публики в харчевнях, кофейнях и других трактирных заведениях, предназначенных для менее богатых людей?

В трактирных заведениях были запрещены «всякого рода увеселения, игры, шум, беспорядки, а равно допущение входа в заведение малолетних, распутных женщин, лиц, одержимых запоем или значительно охмелевших...» [48]. Вместе с тем, трактирные заведения были не только местом потребления, но и местом отдыха как местных жителей, так и приезжих. Основным элементом узнаваемости заведения была музыка: «посетители трактиров в особенности склонны к увеселениям, и преимущественно посещают трактирные заведения для слушания музыки» [49]. Наличие музыкальной программы влияло и на доходность трактира: «с запретом музыки торговля в них может дойти до упадка и приведет содержателей трактиров до разорения» [50]. Поэтому, учитывая многочисленные прошения содержателей и арендаторов трактирных заведений Крыма, в 70-х гг. XIX века музыка в трактирах была разрешена, «с одним только условием, что этим занятием будут заняты исключительно мужчины» [51].

¹ Человек, носящий блузу, как-то: мастеровой, носильщик, уличный мальчишка и проч. (разговорный пренебрежительный устаревший) [46].

Географическое расположение трактирных заведений в Крыму было довольно обширным. Сосредоточием трактирных заведений были центральные части крупных городов. Наибольшее количество заведений располагалось в Симферополе по улицам Салгирной, Севастопольской, Мало-Базарной, в Керчи на Предтеченской и Магистратской площадях и улицах, прилегающих к пяти торговым площадям. Содержателю трактирного заведения, помимо обязательств производить промысел исключительно с необходимыми разрешениями и свидетельствами «вменялось в неперемнную обязанность»: держать в услужении людей благонадежных, учредить внутренний присмотр за недопущением беспорядков и воровства, сохранять денежные суммы или ценные вещи посетителей по обоюдному с ними согласию, продавать кушанья из свежих припасов, а напитки «без вредной подмеси», не позволять «упиваться до безпамятства посетителям» и многое другое. За соблюдением всех перечисленных норм должна была наблюдать полиция, поэтому расположение трактиров в городе было привязано к полицейским участкам. Трактирные заведения, в которых продавались крепкие напитки, не могли открываться «в зданиях, занимаемых учебными и богоугодными заведениями, казармами и тюрьмами» [52]; ближе 40 саженей (85 метров) к церквям, монастырям, кладбищам, на городских улицах, пересекаемых железной дорогой, на окраинах города; в центре селения, где располагаются помещения для волостных сходо́в, возле владений царской семьи. Городские думы составляли специальные расписания местностей, в которых не разрешалось вовсе открывать заведения трактирного промысла. В губернской столице трактирные заведения не могли открываться возле солдатской слободки, тюремного замка, железнодорожного вокзала и больницы, а также между выгонной городской землей и улицами Мало-Фонтанной, Кладбищенской, Татаро-Кладбищенской, Мало-Госпитальной, Ново-Садовой [53]. В Ялте трактирные заведения, с продажей крепких напитков, за исключением гостиниц, «не допускаются на улицах: Бульварной, Кладбищенской, Почтовой, Церковной и по Воронцовскому переулку» [54]. Таким образом, трактирные заведения располагались в центре города на улицах, примыкающих к базарным площадям.

Наиболее развитым трактирный промысел был в крупных городах – Симферополе, Севастополе, Керчи и курортных – Евпатории и Ялте. Так, в 70-х гг. XIX века в Симферополе было около 90 трактирных заведений (17 гостиниц, 20 ресторанов, 2 кондитерских, 2 азиатских кофейни, 7 буфетов, 2 трактира, 23 постоянных двора, 15 съестных лавочек) [55]. В Севастополе в 1874 г. насчитывалось более 90 трактирных заведений [56]. К концу XIX века количество трактирных заведений значительно увеличилось. Так, в 90-х XIX века в Симферополе и Севастополе насчитывалось более 200 трактирных заведений, в Ялте более 120, в Керчи – свыше 100.

Иначе обстояло дело с развитием трактирного промысла в более мелких городах Крыма. В 60-х гг. XIX века «в г. Перекопе и Армянском Базаре, по незначительности его населения, существуют под наименованием трактирных заведений, только несколько простых харчевен и татарских кофейных домов. По малочисленности этих заведений и крайней ограниченности их торговых оборотов ... все эти заведения существуют по свидетельствам на мелочный торг, так как акциз городской взимаемый с сих заведений не превышает с самого значительного из них 10 р. Продажа

крепких напитков ни в одном из сих заведений ныне не производится» [57]. Вне городских поселений трактирные заведения в 60–70 гг. XIX века можно было найти крайне редко. В.Х. Кондраки писал об одной из деревень южного берега, в которой он к удивлению нашел подобные заведения: «Куреиз самая оживленная на южном берегу деревенька и единственная имением нескольких лавок и трактира [58].

К концу XIX века с экономическим развитием уездов и увеличением в них численности населения, количество трактирных заведений также возросло. В 80-х гг. в Перекопском уезде насчитывалось 15 трактирных заведений, большая часть которых располагалась в Григорьевской волости [59]. В Евпаторийском уезде функционировало 5 трактирных заведений [60]. В Симферопольском уезде работало 29 заведений в основном постоянные дворы, трактиры и кофейни. Наибольшее количество трактирных заведений располагалось в Зуйской (12 трактиров и постоянных дворов) и Дерекоевской (13 кофейен) волостях. Больше всего трактирных заведений в Крыму было в Феодосийском и Ялтинском уездах – 47 и 54 заведения соответственно. Основная часть заведений располагалась во Владиславовской и Шеих-Монахской волостях Феодосийского уезда, и Алуштинской волости Ялтинского уезда. Таким образом, трактирный промысел вне городских пунктов был наиболее развит в самых густонаселенных уездах Крыма – Ялтинском и Феодосийском [61], что связано с численным превосходством (Феодосийский уезд), культурными и этническими особенностями местного населения (Ялтинский уезд).

Таким образом, во второй половине XIX века совершенствовалась законодательная система, регламентирующая функционирование трактирных заведений полуострова, увеличивалась численность населения, а также уровень культуры потребления и досуга местных жителей и гостей полуострова, что влияло на повышение числа трактирных заведений в Крыму. Наиболее развитым трактирный промысел был в крупных городах – Симферополе, Севастополе, Керчи и курортных – Евпатории и Ялте. Ялтинский и Феодосийский уезды лидировали по количеству заведений трактирного промысла. Исследование трактирного промысла Крыма способно дополнить картину краеведческих студий, детализировать особенности культуры потребления и досуга во второй половине XIX в., ответить на отдельные вопросы организации и функционирования локальных рынков Крыма.

Динамика развития трактирных заведений Крыма во второй половине XIX века

Таблица 1.

Города	Количество населения				Число трактирных заведений			
	1860	1870	1880	1890	1860	1870	1880	1890
Симферополь	17795	19892	36899	49078	129	До 200	до 2000	Более 200
Севастополь	10,271	30.861	26819	53595	?	90	Более 10	Менее 200
Керчь	10,453	?	20518	33347	20	80	117	120
Евпатория	5484	13068	16940	17913	61	70	более 70	Более 90
Феодосия	8389	10584	13439	24096	21	60	88	Более 90

Источники: Всеподданнейшие отчеты Керчь-Еникальского градоначальника: 1861, 1869, 1879; 1885, 1895; Всеподданнейшие отчеты Севастопольского градоначальника: 1861, 1869, 1879; 1885, 1895.

чальника: 1874, 1879; 1885, 1895; Всеподданнейшие отчеты Таврического губернатора: 1860, 1861, 1869, 1870, 1878, 1879, 1880–1899; Журналы генеральных проверок торговых и промышленных заведений городов: Бахчисарай: ГААРК, ф. 64, оп. 1, д. 72; ГААРК, ф. 489, оп. 1, д. 2970; Евпатория: ГААРК, ф. 681, оп. 1, д. 147; ГААРК, ф. 681, оп. 1, д. 159; Карасубазар: ГААРК, ф. 169, оп. 1, д. 243; Керчь-Еникале: ГААРК, ф. 455, оп. 1, д. 430; ГААРК, ф. 348, оп. 1, д. 1523; ГААРК, ф. 455, оп. 1, д. 1003; Симферополь: ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 34; ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 61; ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 314; ГААРК, ф. 68, оп. 1, д. 7103; Ялта: ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 64; ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 78; ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 274; ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 410; документы Таврической казенной палаты: ГААРК, ф. 68, оп. 1, д. 7329; ГААРК, ф. 68, оп. 1, д. 7462; ГААРК, ф. 68, оп. 1, д. 7480; Новороссийский календарь на 1861 г., издаваемый Ришельевским лицеем – Одесса : Городская типография, 1860; Новороссийский календарь на 1864 високосный год. Издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1863; Новороссийский календарь на 1865 год. Издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса 1864; Новороссийский календарь на 1871 г. Издаваемый от Канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. – Одесса, 1870; Новороссийский календарь на 1892 г. (високосный). Издаваемый Одесским Городским Общественным управлением / под ред. А. С. Бориневича. – Одесса : Типография В. В. Кирхнера, 1891; Памятная книга Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / под ред. К. А. Вернера. – Симферополь, 1889; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Центральный статистический комитет МВД ; под ред. П. А. Тройницкого. – СПб., 1904. – Т XLI : Таврическая губерния.

Список литературы

1. Прыжов И. Корчма : исторический очерк / И. Прыжов // Русский архив. – 1866. – Вып. 7. – Стб. 1053–1064; Денисов В. И. Современное положение русской торговли / В. И. Денисов. – М., 1913.
2. Гуржій І. О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. / І. О. Гуржій. – К. : Наук. думка, 1968. – 188 с.
3. Кругляк Б. А. Внутренняя торговля в России в конце XIX – начале XX в. На материалах Украины / Б. А. Кругляк. – Самара, 1992. – 191 с.; Кругляк Б. А. Внутрішня торгівля в Україні наприкінці XIX – на початку XX ст. : дис. ... д-ра іст. наук / Кругляк Борис Аркадьєвич ; Ін-т історії України АН України. – К., 1993. – 395 с.
4. Хмельницкая И. Б. Столичный досуг в начале XX века : Петербург и Москва : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Хмельницкая Ирина Богдановна. – М., 2004. – 38 с.; Ясинская Я. Л. Трактирные и питейные заведения, как часть увеселительно-развлекательной сферы Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. / Я. Л. Ясинская // Вестник Новгородского гос. ун-та. – 2009. – № 51. – С. 42–45.
5. Бодров Ю. І. Повітове місто Умань другої половини XIX – початку XX ст. : традиції та особливості самоврядування і соціально-економічного розвитку / Ю. І. Бодров // Гілея : науковий вісник. – К., 2010. – № 41 ; Козак Л. В. Формування доходів міських бюджетів у 80–90 рр. XIX ст. (за матеріалами Луцька) / Л. В. Козак // Науковий вісник Волинського держ. ун-ту ім. Лесі Українки. – Луцьк, 2007. – 12. – С. 36–42; Рудик О. В. Формування бюджетів міст Харківської губернії у пореформений період / О. В. Рудик // Гілея : науковий вісник. – К., 2010. – № 30.
6. Вандышев А. Трактирный промысел Екатеринбурга конец XIX – XX вв. [Электронный ресурс] / А. Вандышев. Режим доступа: <http://posolon.blogspot.com/2010/08/xix-xx.html>. Проверено 10.11.2011; Гарбар Г. А. Готелі дореволюційного Миколаєва : проблеми атрибуції / Г. А. Гарбар // Історичний архів : наукові студії. – 2009. – Вип. 3. – С. 36–39; Гарбар Г. А. Сфера гостинності м. Миколаєва в останній третині XIX на початку XX ст. : заклади харчування / Г. А. Гарбар // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя, 2006. – Вип. 20. – С. 79–84; Скибин-

ская О. Трактирный промысел в Романов-Борисоглебске / О. Скибинская // Романов-Борисоглебская старина. – 2010. – № 16. – С. 11–16; Фурсов В. Н. Трактирный промысел г. Воронежа в посл. трети XIX – нач. XX вв. / В. Н. Фурсов, М. Н. Ермашов // Берегиня-777-Сова / ред. Р. Г. Гостев. – Воронеж, 2009. – № 2. – С. 10–16.

7. Государственный архив в АРК (далее – ГААРК), ф. 26, оп. 1, д. 26030, 49 л.
8. Новороссийский календарь на 1872 високосный год Изд. Канцелярией новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. – Одесса, 1871. – Отд. 2. – С. 107.
9. Свод законов Российской империи дополненный по продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 / под ред. А. А. Добровольского ; сост. Н. Е. Озерецковский, П. С. Цыпкин. – СПб., 1913. – Т. 12, ч. 2. – С. 635–644.
10. Островский А. Н. Лес / А. Н. Островский. – М., 1870. – С. 34.
11. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание второе. – СПб., 1863. – Т. 36, отд. 2. – С. 70–71.
12. ПСЗРИ. Собрание второе. – СПб., 1863. – Т. 36, отд. 2. – С. 71–72.
13. ГААРК, ф. 455, оп. 1, д. 636.
14. ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 64 ; ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 274.
15. ГААРК, ф. 455, оп. 1, д. 636, л. 31.
16. ПСЗРИ. Собрание второе. – СПб., 1863. – Т. 36, отд. 2. – С. 73.
17. Там же.
18. Там же.
19. ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 79, л. 30–34.
20. ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 581, л. 2.
21. ГААРК, ф. 681, оп. 1, д. 159.
22. Там же.
23. ГААРК, ф. 455, оп. 1, д. 353, л. 158–160.
24. ГААРК, ф. 489, оп. 1, д. 2817.
25. ГААРК, ф. 455, оп. 1, д. 134, л. 81.
26. Таврические губернские ведомости (далее – ТГВ). – 1986. – № 56. – 29 мая. – С. 171.
27. ТГВ. – 1892. – № 4. – 26 янв. – (Прибавление).
28. ТГВ. – 1895. – № 28. – 20 июля. – (Приложение).
29. ТГВ. – 1884. – № 79. – 24 июля. – С. 354.
30. ТГВ. – 1884. – № 87. – 14 авг. – С. 244.
31. ТГВ. – 1895. – № 10. – 9 марта. – (Прибавление).
32. ТГВ. – 1895. – № 33. – 24 авг. – (Прибавление).
33. ТГВ. – 1895. – № 48. – 7 дек. – (Прибавление).
34. ПСЗРИ. Собрание третье. – СПб., 1897. – Т. 33. – С. 404–410.
35. ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 79, л. 2.
36. ПСЗРИ. Собрание второе. – СПб., 1863. – Т. 36. – С. 76.
37. Там же.
38. ГААРК, ф. 671, оп. 1, д. 43, л. 4.
39. Чинаров Е. О чем говорят / Е. Чинаров // Крым. – 1895. – 12 нояб. – С. 2.
40. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 25686, л. 1.
41. Севастопольские отголоски // Крым. – 1890. – 10 июня. – С. 3.
42. Там же.
43. Там же.
44. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 25197, л. 11.
45. Жуков К. Заметки в пути на южный берег Крыма / К. Жуков. – СПб., 1865. – С. 65.
46. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. А. Н. Чудинов. – СПб., 1894. – С. 82.
47. Жуков К. Заметки в пути на южный берег Крыма. – С. 50.
48. Обязательные постановления для торговцев крепкими напитками Таврической губернии, относительно устройства заведений с раздробительной продажей питей и порядка торговли в них (1891 г.) // ТГВ. – 1903. – 19 июня. – С. 1.
49. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 26807, л. 26.

50. Там же, л. 14.
51. Там же, л. 15.
52. ПСЗРИ. Собрание второе. – СПб., 1863. – Т. 36. – С. 39.
53. Справочная книга по г. Симферополю 1911 г. / Симферопольское гор. управление. – Симферополь : Типография Г.М. Энгеля и Ф.Т. Коршунова, 1911. – С. 16–17.
54. ГААРК, ф. 522, оп. 1, д. 761, л. 295.
55. ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 79, л. 7–20.
56. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1284, оп. 69, д. 370, л. 16.
57. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 26030, л. 60.
58. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки. – Николаев, 1873. – Ч. 1. – С. 174.
59. Сборник по текущей статистике за 1887–1888 год / Статистическое бюро Таврического губернского земства ; Таврическая губернская земская управа. – Симферополь, 1888. – С. 20–21.
60. Там же. – С. 22–23.
61. Памятная книга Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / под ред. К.А. Вернера. – Симферополь, 1889. – Отд. 2. – С. 19.

Серова К. Д. Заклади трактирного промислу Криму у другій половині XIX століття / К. Д. Серова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 111–121.

Стаття присвячена питанням функціонування трактирного промислу Криму у другій половині XIX століття, як одному з видів комерційної діяльності населення, що відображає особливості організації локальних міських ринків півострова. Автор розглядає динаміку кількості трактирних закладів Криму, регламент та особливості їхньої роботи.

Ключові слова: Крим, торгівля, внутрішній ринок, заклади трактирного промислу

Sierova K. D. Tavern establishments of the Crimea in the second half of XIX century / K. D. Sierova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 111–121.

Article is devoted to the operation of the tavern trade Crimea in the second half of XIX century as one of the commercial activities of the population, reflecting the characteristics of the organization of local urban markets of the peninsula. The author examines the dynamics of change in the number of tavern establishments on the peninsula, the rules and features of their work.

Keywords: Crimea, trade, internal market, tavern establishments

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

УДК 32:291/298 (477.75)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО КРЫМА

Таха А. М.

*Всеукраинская Ассоциация общественных организаций АЛЬРАИД в АР Крым
E-mail: arraid10@gmail.com*

Рассматриваются проблемы межконфессиональных отношений в современной Украине и Крыму, в котором ключевое значение приобретает понятие межконфессионального диалога, рассматриваемого в качестве наиболее адекватной формы отношений между приверженцами различных вероисповеданий, служащих достижению согласия между ними. Особое значение уделено анализу современных концепций «Ислам и современное украинское общество».

Ключевые слова: научный плюрализм, толерантность, этноконфессиональное многообразие, религиозная политика, «традиционный крымский ислам», межконфессиональные конфликты, диалог культур.

В последние десятилетия произошло много социально-политических перемен, сопровождавшихся значительными нравственно-этическими реформациями, изменением национального самосознания граждан, обострением этносоциальных противоречий в обществе. В связи с этим вновь весьма актуальными стали вопросы, касающиеся преодоления религиозных конфликтов, обобщения положительного опыта различных религиозных практик и разработки некоего единого начала, которое объединяло бы всех, вне зависимости от пола, возраста, национальности, социальной принадлежности или вероисповедания. Во всем мире активно изучается и переосмысливается опыт взаимодействия внутри многонациональных регионов, для которых характерно разнообразие религиозных конфессий. В число таких регионов входит и Крым, на территории, которой мирно сосуществуют представители более 100 национальностей и народностей и множество конфессий.

На эту сферу большое влияние оказывают процессы общемирового характера: глобализация, информатизация, ухудшение экологической ситуации, «этнический ренессанс», обостряющееся противостояние между богатыми и бедными странами, исламским миром и странами европейско-американской (христианской) цивилизации, угрозы мирового терроризма, мощные миграционные потоки, за исторически короткий срок существенно меняющие сложившийся веками этноконфессиональный баланс во многих странах и регионах.

В Украине эти факторы были дополнены сложными внутренними процессами, связанными с огромными трудностями переходного периода, заметными различиями в экономическом потенциале и уровне жизни населения отдельных регионов, возникновением этнически окрашенных центробежных и сепаратистских тенденций. Под их влиянием произошла актуализация этнического и религиозного факторов, усиление их воздействия на общественное сознание. Это повлекло за собой, в

числе прочего, и нарастание в обществе интолерантных настроений, ведущих к обострению напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях, создающих риск конфликтов на этнической и религиозной почве и тем самым несущих угрозу политической стабильности общества и целостности российского государства.

Альтернативой подобным тенденциям является формирование в обществе установок толерантного сознания и поведения, заблаговременное выявление конфликтогенных рисков и ресурсов толерантности в сфере этноконфессиональных отношений. В современных условиях толерантность является одной из базовых *ценностей*, необходимых для построения гражданского общества в Украине.

Анализ исследований и публикаций Избранная для исследования тема носит комплексный характер и находится на стыке ряда научных дисциплин и проблемных блоков современного религиоведения, философии, социологии, психологии, культурологии, этнопсихологии, этносоциологии, политологии, правоведения и социального менеджмента. В каждом из этих научных направлений имеются теоретические исследования, методологические подходы и эмпирические материалы по проблемам толерантности.

Собственно тема толерантности становится предметом общественного внимания с середины 1990-х годов, на пике трансформационных явлений, усиления роли этнической и религиозной идентификаций и увеличения географической мобильности россиян. В основном это были публицистические статьи, посвященные проявлениям нетерпимости в различных сегментах российского общества, публикующиеся в качестве реакции на те или иные события в данной сфере отношений. Толерантность различных слоев и групп населения в них оценивалась, как правило, лишь по факту ее существования, а чаще – отсутствия. Становилась очевидной необходимость научного изучения толерантности как социального и социально-психологического явления, определения ее границ и условий формирования, теоретического осмысления самого понятия «толерантность».

Методологическим проблемам этнологического исследования толерантности посвящены труды Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, В. А. Тишкова. В работах Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, Н. М. Лебедевой, В. П. Левкович рассмотрены факторы, способствующие формированию этнической толерантности и интолерантности – валентность этнической идентичности и культурная дистанция между группами [1; 2].

Философский и социологический анализ понятия «толерантность» представлен в трудах В. И. Гараджи, А. Г. Здравомыслова, В. А. Лекторского, А. А. Нуруллаева, В. М. Соколова, В. М. Сторчака [3].

Проблемам этнической и религиозной толерантности в философском и социологическом планах посвящены работы М.П. Мchedлова, М.Б. Хомякова, А.Ю. Шадже и др. В работах этих ученых содержится анализ реализации принципов толерантности в различных типах общественных систем, а также определение границ толерантности [4].

Проблемам формирования установок толерантности у подрастающего поколения посвящены труды психологов и представителей педагогической науки

А. Г. Асмолова, М. С. Мацковского и др. Они акцентировали внимание на воспитании толерантности у детей и подростков через мотивацию поведения [5].

Проблемы этнической толерантности в поликультурном обществе получили развитие в трудах зарубежных специалистов: Дж. Берри, проанализировав взаимные установки представителей различных этносов, факторы аккультурации и адаптации, предложили сравнительный подход, выявив также, что возникновению толерантности способствуют этническая идентичность и географическая мобильность индивидов; в 2000 г. была опубликована работа М. Уолцера, обратившего внимание на формы и границы толерантности, считая её пределом состояние потери социального контроля [6].

Проблемам межэтнического взаимодействия и их гармонизации уделяется внимание в трудах и публикациях В. В. Мархинина, Я. С. Черняка, Г. А. Выдриной, С. А. Гильманова, С. П. Малахова, М. Ю. Мартынова, В. А. Тена и др. [7].

Нерешенные части общей проблемы. Несмотря на значительное число публикаций, посвященных проблемам гармонизации общественных отношений, практически никто из авторов не рассматривал эти проблемы через призму толерантности *как ценности*, необходимости формирования толерантного массового сознания и необходимости регулирования процесса со стороны общественных институтов. Между тем такой подход позволяет расширить арсенал методов государственного, муниципального и общественного регулирования ситуации в социуме. Это определило интерес автора к рассмотрению проблемы толерантности именно в таком аспекте.

Цель статьи. В данной статье предпринята попытка обобщить опыт формирования этнической и религиозной толерантности в условиях поликультурного Крыма и необходимости регулирования процесса со стороны общественных институтов.

Основной материал. Следует отметить, что деятельность всеукраинской ассоциации «Альрайд» направлена в первую очередь на формирование этнической и религиозной толерантности в обществе. За годы деятельности Ассоциация стала не только влиятельным объединением, но и завоевала доверие частных и государственных лиц. Об успешной работе ассоциации свидетельствует и то, что ее деятельность находит поддержку со стороны властей. Причины успеха организации объясняются принципами ее работы.

Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Альрайд» (в переводе с арабского «передовой») была основана в 1997 году. В состав союза входят 15 региональных общественных организации Украины. История «Альрайд» берет свое начало с середины 90-х годов, когда на Украине стали возникать региональные общественные организации. Как тогда, так и сейчас эти организации были и остаются независимыми. Местные организации объединяли общие цели и задачи. Основным направлением их работы было открытие воскресных школ, в которых велось обучение мусульман и всех, кто желал познакомиться с исламом.

В 1997 году было решено общей собрании представителей местных организаций, создать ассоциацию «Альрайд» и объединить организации из различных регионов Украины в единую структуру. Сегодня ассоциация «Альрайд» – это объединение уже не четырех, а пятнадцати общественных организаций. И не так давно, ассо-

циация успешно прошла перерегистрацию, получив статус Всеукраинской, а это значит, что отныне, наша деятельность распространяется на всю территорию нашей страны.

Основными направлениями в структуре «Альраид» являются информационное, издательское, благотворительное и просветительское. Информационный отдел выпускает газету «Альраид». Ее первый номер увидел свет в 1998 году, на следующий год после создания «Альраид». Газета, выходящая раз в месяц и знакомящая читателей с культурой Ислама, пропаганда Ислама как он есть, на самом деле, придерживая умеренности как этому учить Коран, рассказывает о новостях, которые они не смогут найти в других источниках информации, о регуляции Исламом межэтнических и межконфессиональных отношений. Тираж издания постоянно растет. Если в начале он составлял 16 тыс., то в этом году он уже достиг 34 тыс.

Информационный отдел также готовит радиопрограмму «Ассаляму-aleyкум!» («Мир вам!»), которая выходит в эфир по субботам на радио майдан в Крыму. Кроме этого отдел поддерживает четыре интернет-сайта: это общий сайт об исламе «Ислам для всех», сайт atraid.org, посвященный самой организации, сайт «Ислам в Украине» и сайт радиопередачи «Ассаляму-aleyкум!» (radioislam.com.ua), где в звуковом формате представлены все выпуски этой передачи, начиная с самого первого эфира.

Сайт atraid.org имеет кроме русской еще две версии: английскую и арабскую, которые не дублируют друг друга. На сайте atraid.org специально для арабоязычной аудитории готовятся новости о событиях на Украине. Например, освещение хода президентских выборов вызвало интерес в арабском мире, информацией которого пользовались такие крупные информагентства как Аль-Джазира.

Издательский отдел ассоциации «Альраид» («Ансар Фаундейшн») выпустил на сегодняшний день уже более 20 наименований культурно-просветительских книг, аудио и видео продукции авторов из исламских стран, ЕС, США и СНГ. Книги издаются на русском языке, так как русский язык понимают как на востоке, так и на западе Украины.

Стоит отметить проводимую «Альраид» благотворительную деятельность, которая является одним из основных направлений. Эта деятельность очень многогранна. Например, в Крыму благотворительность направлена на поддержку репатриантов из числа крымских татар, вернувшихся из Узбекистана, где они находились в изгнании. Кроме того, что населяют они преимущественно безводные земли, вернувшись на Родину, не имеют зачастую качественного медицинского обслуживания. Благодаря финансовой помощи «Альраид» в местах компактного проживания крымских татар в Автономной Республике Крым были пробурены и обустроены десятки артезианских скважин и резервуаров для питьевой воды.

Очень интересен проект под девизом «Корова для каждой малоимущей семьи». На сегодняшний день более 300 малоимущих семей получили от ассоциации коров. Корова дается бесплатно. Для малоимущих сельских семей корова становится своеобразной кормилицей, обеспечивая семью молоком и маслом.

Каждый год ассоциация организует программу помощи детским приютам, больницам, интернатам и детским домам. Детскому дому предоставляются медика-

менты, игрушки, одежда для детей и другие необходимые вещи, которые определяет сам детский дом. Ежегодная акция помощи детям-сиротам проходит не только в Киеве, где расположена ассоциация, но и во всех регионах. Ассоциация помогает всем детским домам, определяя совместно с местной администрацией те, кому помощь нужна в первую очередь.

При каждой местной организации, входящей в «Альраид», действуют воскресные школы. Программа обучения включает изучение арабского языка, культуры востока и основ ислама. Учениками школы могут стать все желающие без религиозных, конфессиональных, расовых, национальных, возрастных и социальных ограничений. Много учащихся привлекает возможность изучать арабский язык.

Ежегодно в Крыму, ассоциацией проводятся учебно-оздоровительные лагеря для детей сирот. В летние месяцы обычно проходят четыре отдельные сменяющие друг друга смены.

А на протяжении года регулярно проводятся двух, трехдневные семинары для мусульман Украины, основной темой которых является духовное воспитание, а также формирование поликультурного менталитета у слушателей.

По разным данным сейчас на Украине проживает от полутора до двух миллионов мусульман и для них, при содействии ассоциации построено более 40 мечетей и молельных домов, открыто 8 исламских культурных центров в Киеве, Одессе, Симферополе, Донецке, Виннице, Запорожье, Луганск и Харькове.

Долгосрочный успех не возможен без планирования. План деятельности, который разрабатывает исполнительный комитет, распространяется на все организации в регионах. Можно сказать, что «Альраид» – это организация, где все люди на своем месте. Для успеха в любом деле важно, чтобы люди занимались любимым делом. Это показатель умения работать с людьми.

Ассоциация делает шаги, чтобы объединить интеллектуальных, думающих людей, и открыта для всех граждан доброй воли, конструктивно настроенных сил, оставаясь приверженной **принципам диалога**. Члены ассоциации регулярно проводят семинары и круглые столы для разъяснения вопросов гармонизации межконфессиональных и межэтнических отношений в Крыму, в том числе, используя практику исламского плюрализма.

Анализируя историю мусульман можно заметить, что в исламском государстве немусульмане были защищены, основываясь на акте о зимми (немусульманах, живших на территории мусульманской страны), который был дан последователям Пророка. Эти люди стали называться ahl-al-kitab (люди писания) и их права были точно определены в Коране. В Коране имеются много сур, объясняющих природу и практику взаимоотношений мусульманам к ahl-al-kitab и, конечно, для мусульман сказанное в этих сурах превыше всего. При этом, уважение, с которым ислам относился к иудаизму и христианству, к их пророкам и священным писаниям не было просто проявлением внимания, а, напротив, являлось основой религии веры. В исламе эти религии не считались религиями других взглядов, которые нужно уважать, а считались *de jure* исходящими от Бога. В исламском учении сказано, что Бог не различает своих посланников и что пророки всех времен и народов учили одному и тому же – служите только Богу, избегайте зла и следуйте за добром. Кроме людей

писания «ahl-al-kitab», пользовались привилегиями и последователи других религий – зороастрийцы, индусы, буддисты, берберы Северной Африки – считались защищенными меньшинствами после исламских завоеваний.

Например, к Мухаммеду-ал-Гасиму, первому исламскому завоевателю в Индии, после завоевания Синда подошла группа брахманов с просьбой защитить их жизни и храмы. Он дал им статус зимми и объявил, что «индийские храмы так же под нашей защитой, как христианские церкви, иудейские синагоги и зороастрийские храмы огнепоклонников».

Данный эпизод показывает, что в исламских государствах общины с разными вероисповеданиями могли жить в соответствии с их собственными законами и традициями, они, так же как мусульмане, могли следовать любым учениям и даже записываться в суфийские общины.

Можно привести пример исторического документа, описывающего права немусульман на территории исламского государства – Конституцию города Медина, которая также называется «Договор Медины». Этот договор был обнародован пророком Мухаммедом после его эмиграции из Мекки в Медину в 662. Договор регулировал отношения между мусульманами, жителями Медины, и евреями. Евреи Медины с радостью согласились на этот договор с пророком и его последователями. Новая конституция дала им статус полноправных граждан государства. Во всех исламских государствах за всю историю, где был установлен закон ислама, евреи никогда не теряли этот статус. Когда исламское государство включило территории Палестины, Иордании, Сирии, Персии и Египта, где жило большое количество евреев, они автоматически становились гражданами этой страны.

Так же можно привести пример из жизни самого Пророка Мухаммада. Когда члены еврейской общины пришли к Мухаммаду, как к главе города Медины для рассмотрения одного вопроса, он спросил, что на этот счет написано в Торе. Узнав ответ, он сказал, что надо использовать указания Торы.

В рамках «Договора Медины» каждая община определяла свои собственные правовые и культурные стандарты, устанавливала нормы в соответствии с образом жизни членов общины, и это юридически создавало автономию, на которой основывалась новая политическая система. В этой новой системе роль государства во внутренних делах общины уменьшалась. Такие сферы деятельности как законодательство, культура, экономика и образование отдавались на рассмотрение общины, но было обязательно сотрудничать во время войны и при необходимости в защите.

Отношения исламского государства к зимми можно охарактеризовать следующим образом: защита зимми была религиозным обязательством, что видно из следующего хадиса – «Кто обидит зимми, тот обидит меня, а кто обидит меня, тот обидит Аллаха».

Кроме нескольких должностей, таких как должность халифа, командующего армией и религиозных должностей, зимми могли назначаться на любые должности в зависимости от их способностей, честности и преданности исламскому государству. В некоторых случаях немусульманам также доставались военные трофеи. Пророк раздавал их людям, живущим в Мекке, мусульманам и немусульманам.

В обязанности имама входила защита Таймми и устранение факторов, создающих им проблемы. Можно убедиться в этом из следующего примера. Когда монголы оккупировали Сирию, ибн Таймия встретился с их главнокомандующим Гутлушахом и попросил освободить военнопленных. Тот согласился отпустить только мусульман. На это ибн Таймия ответил: «Мы не можем оставить никаких пленных, мусульман или немусульман». В итоге были отпущены все.

В исламском государстве мусульмане и немусульмане должны были платить налоги. Если мусульмане должны были защищать страну во время войны, платить закях (земельный налог) и другие налоги, то зимми платили такие налоги как джизья, харадж и торговый налог.

Джизья был ежегодный налог, который должны были платить здоровые, пригодные для военной службы люди. Бедные, инвалиды, женщины и дети освобождались от этого налога. Не была определена точная сумма для джизьи. Однако имам или халиф имели право определения точной суммы, учитывая финансовое положение человека. Этот налог для немусульман был очень легким и примерно равнялся стоимости еды за десять дней. Его платили для гарантии полной защиты гражданина и освобождения от военной службы.

Ислам полностью запрещал мусульманам уклоняться от военной службы, так как защита родины была священным долгом каждого мусульманина. Однако немусульмане могли не жертвовать свою жизнь ради веры, которой они не принадлежали. Если же зимми участвовал в войне вместе с мусульманами, он освобождался от этого налога – джизьи.

Харадж – это налог, собираемый после завоевания страны с зимми, которые владели пахотными землями. Земли отдавались их владельцам, и сумма налога была фиксирована в соответствии с количеством и ценой выращиваемого продукта. Зимми также платили торговый налог. Он собирался один раз в год.

Еще один яркий пример исламского плюрализма можно увидеть в Османской империи (Халифат). Плюрализм в Османской империи берет свое начало от предыдущих традиций исламского плюрализма, но в усовершенствованной форме под названием система общин (миллет). В этой системе население делилось на общины по принадлежности религиям и сектам. Государство также устанавливало отношения не только между общинами и собой, но и внутри общины. Все мусульмане – турки, арабы, курды, албанцы, боснийцы и др. – объединялись в Миллет-и-Ислам. Немусульмане также объединялись в общины вокруг разных ветвей христианства – православной, католической, грегорианской. Евреи объединялись в иудейской общине. Эта система была основана султаном Мехметом II Завоевателем после взятия Стамбула.

Общинам давалось своего рода автономия в сферах религии, образования, бракосочетания и наследства. Каждая община имела независимые суды. Государство ограничивалось административными, финансовыми, военными и правовыми функциями. Любой немусульманин мог подать в суд на лидера общины или на служащего – мусульманина.

В наши дни можно видеть три примера оттоманского плюрализма в Стамбуле. Это комплекс Даруладжезе и кварталы Кузгунджук и Ортакой. В этих местах рели-

гиозные здания последователей разных религий были построены рядом друг с другом. Это было нормально для людей строить свои священные здания вблизи других священных зданий, принадлежащих последователям другой религии.

Можно сказать, что на протяжении всей истории ранне-исламских государств и Османской империи немусульмане всегда были под защитой государства и им давались почти такие же права как мусульманам. В итоге, люди разных религий жили в мире и гармонии на протяжении долгого времени.

Анализируя сегодня отношения между религиями, мы должны признать, что в наше время не все так гармонично и гладко в этой сфере, как хотелось бы. Было бы полезно, если бы современное общество могло воспользоваться опытом и практикой исламского плюрализма, который использовался на протяжении веков, для мирного сосуществования различных религий.

В работе по формированию этнической и религиозной толерантности важное значение, с нашей точки зрения, имеет вопрос о необходимости организации постоянного диалога между различными религиями (конфессиями), как на общегосударственном, региональном, так и на международном уровнях. Мы рассматриваем такой диалог не только как способ обмена информацией, но и как средство формирования цивилизованных межконфессиональных взаимоотношений, которые открывают путь для успешного сотрудничества по проблемам, волнующим общество.

Разносторонняя польза от постоянного диалога между религиями может быть огромной. Во-первых, такой диалог может способствовать нахождению общих точек соприкосновения и объединению усилий людей, различных вероисповеданий и национальностей для служения родине и построения гражданского общества, что весьма положительно скажется на этнонациональных отношениях и социально-политической стабильности.

Во-вторых, межрелигиозный диалог станет препятствием на пути радикалов из среды политиков и религиозных деятелей, нацеленных на использование мобилизационного потенциала религий для реализации своих политических амбиций.

В-третьих, межрелигиозный диалог поможет объединению усилий людей различных вероисповеданий и национальностей на борьбу против глобальных угроз, несущих беды человечеству.

В-четвертых, межрелигиозный диалог, поможет обществу осознать тот факт, что реальные причины, лежащие в основе религиозно-политического экстремизма и международного терроризма бесперспективно искать в том или ином религиозном учении. Тем самым будет облегчен поиск подлинных причин таких явлений, а, следовательно, средств и методов эффективной борьбы с ними.

Наконец, в-пятых, межрелигиозный диалог, дает мощные стимулы не только для решительного осуждения проявлений международного терроризма, а также религиозно-политического и этнонационалистического экстремизма, но и для налаживания необходимой воспитательной работы, направленной на предупреждение подобных преступных деяний в будущем.

Несколько слов о принципах межрелигиозного диалога. Принципы межрелигиозного диалога – это минимум исходных положений, принимаемых его участниками, не придерживаясь которых невозможно приступить к самому диалогу. Первей-

шим из них является принцип толерантности. В данном контексте толерантность есть терпимое отношение последователей одной религиозно-конфессиональной общности к последователям других религиозно-конфессиональных общностей. Каждый придерживается своих религиозных убеждений и признает такое же право за другими.

За долгие годы противостояния религий и конфессий сформировалась конфронтационная психология, в плену которой продолжают находиться многие люди. Сила стереотипов конфликтного мышления столь велика, что для ее преодоления нужна большая и упорная работа. Терпимость во взаимоотношениях между представителями различных религиозных общностей является необходимым условием организации плодотворного диалога между религиями.

Исключительное значение для организации межрелигиозного диалога имеет принцип равноправия его участников. Добровольно договариваются лишь равные. Любая попытка поставить одного из участников диалога в привилегированное положение является препятствием для нормального течения диалога. Более того, попытка определить ту или иную конфессиональную общность богоизбранной (даже ссылаясь на священные тексты) может привести к срыву диалога.

Еще одним важным принципом межрелигиозного диалога является открытость его участников. Открытость – это нескрываемое от других искреннее выражение своей позиций, сочетающееся со стремлением слушать и слышать других, непредвзято воспринимая и оценивая их точку зрения. Открытость вовсе не тождественна требованию отказа участников диалога от своих убеждений или уступки чужим убеждениям. Ее ценность в том, что она помогает субъектам диалога лучше уяснить взгляды друг друга, благоприятствует сопоставлению различных мнений, выявлению общих интересов и выработке согласованных мер по их реализации.

Конструктивный подход, нацеленность на позитивные результаты является еще одним необходимым принципом межрелигиозного диалога. Религиозный плюрализм, идейная конкуренция конфессий предполагает несовпадение позиций участников диалога. Настроенные на конструктивность субъекты диалога приходят при обсуждении общих проблем к принятию взаимно приемлемых решений на компромиссной основе. Разногласия устраняются путем согласований. Компромисс возможен и необходим в вопросах, касающихся земного бытия, социально-политических установок и культурного разнообразия. Что касается различного подхода к вероучительным проблемам, разного понимания проблем спасения, то в этих вопросах рассчитывать на компромисс в обозримом будущем не приходится.

И здесь мы переходим к очередному принципу межрелигиозного диалога. Его можно сформулировать так: отказ от критического рассмотрения вероучительных вопросов. Начало полемики о преимуществах или недостатках того или иного религиозного учения означает конец диалога.

Любой диалог должен быть организован. Дело это не простое. Оно особенно сложно, когда речь идет о межрелигиозном диалоге. Наличие специальных координирующих органов и выработанных процедур усиливает надежду на регулярность диалога и его результативность

Важную роль в организации межконфессионального сотрудничества может играть Международная Ассоциация религиозной свободы (МАРС) и ее Евразийское отделение. Серьезным фактором расширения межконфессионального диалога, могли бы стать секции или комитеты межрелигиозного сотрудничества при Верховной Раде Автономной Республики Крым или активизация деятельности Межрелигиозного совета Украины и др.

Выводы. В результате проведенного исследования на примере общественной организации «Альраид» нами сделать вывод об эффективности сложившейся системы взаимодействия общественных организаций и государственных структур в Автономной Республике Крым.

Обоснован взгляд на общественные объединения как на субъекты местного самоуправления, что, на наш взгляд, наиболее полно отражает социальную сущность местного самоуправления как системы субъектов, объектов, отношений и взаимосвязей между ними, функционирующей с целью удовлетворения потребностей населения; раскрыта сущность деятельности массовых общественных организаций, призванных содействовать консолидации молодежи, защищать ее права и законные интересы, всемерно поддерживать и пропагандировать традиционную национальную культуру; определены содержание, формы и методы взаимодействия участников модели общественного самоуправления и значение их действий в развитии нравственной личности.

Условиями, необходимыми для объединения усилий государственных и общественных организаций в осуществлении духовно-нравственного воспитания молодежи, являются: понимание светскими и конфессиональными руководителями того, что проблему можно решить только совместными усилиями; наличие наработанных связей между государственными, общественными и конфессиональными структурами; решение вопроса подготовки и повышения квалификации кадров для реализации программы.

Общественные организации являются социальным институтом, определяемым как сложившаяся форма организации и регулирования общественной жизни, обеспечивающая выполнение жизненно важных для общества функций и включающая совокупность связей, норм и ролей, которые на практике проявляются в деятельности отдельных добровольных объединений граждан.

Приоритетными направлениями деятельности общественных и религиозных организаций являются координации деятельности государственных и общественных организаций, национальных и общественных движений на территории Автономной Республики Крым в целях формирования установок толерантного сознания в обществе; разработка на региональном уровне программ и проектов в области поликультурного образования, которые должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными группами, а также этническими общностями; формирование и поддержка программ научных исследований в области социальных наук и воспитания в духе толерантности, прав человека и ненасилия; ведение просветительской деятельности в обществе, направленной на разъяснение принципов толерантности, основных прав и сво-

бод человека, используя для этого программы и учреждения в областях образования, науки, культуры и коммуникации; работа с молодежью, включая комплексное исследование проблем молодежи (безработица, наркомания и алкоголизм, вовлечение в экстремистскую деятельность, распространение нетрадиционных учений и т.п.), определение механизмов включения молодежи в процесс реконструкции и укрепления согласия в обществе.

Гражданское общество» в Украине и в частности здесь в Крыму только начинает формироваться. Наша страна еще во многом не определилась, какую модель выбрать для формирования общественных отношений. На наш взгляд, для Украины подошла бы европейская модель, построенная на принципе согласования интересов различных общественных групп. В этом случае, в Украине может сформироваться модель «гражданского общества», основанная на принципах широкого «общественного договора», учитывающая специфику нашего общества – его многонациональность и поликонфессиональность.

Общественный договор вполне можно вести и на уровне общественных организаций и религиозных общин, которые могут заключать соглашения. Стоит заметить, что подобные соглашения, предусмотрены исламской религиозной доктриной и которые имели позитивный исторический опыт здесь в Крыму.

Сегодня как никогда важно совместными усилиями общества, государства и религиозных организаций осуществить конкретные меры, направленные на воспитание у детей и молодежи уважительного отношения к высоким духовно-нравственным ценностям, к родине, ее истории, к институту семьи.

Необходимо по-новому рассматривать межнациональные и межконфессиональные отношения в Европе и Украине. Новая политика толерантности может быть успешной, только если получит законодательное закрепление, будет отражена в образовательных программах и займет достойное место в информационном потоке. Важен системный подход к проблеме. И вот тут гражданскому обществу без работы с властью не справиться. Но и государство не способно в одиночку обеспечить решение всех проблем. Власть это понимает, и нужно, чтобы такое же понимание было и у людей. Успех – в сотрудничестве государственных и общественных институтов, во взаимодействии каждого человека, каждой личности и общества.

Список литературы

1. Бромлей В. Ю. Очерки теории этноса / В. Ю. Бромлей – М. : изд-во ЛКИ, 2008. – 440 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев – М. : АСТ, 2002. – 560 с.
3. Хомяков М. Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства / М. Б. Хомяков // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М. : ин-т социологии РАН. – 2006. – С. 30–56.
4. Гараджа В. И. Толерантность и религиозная нетерпимость / В. И. Гараджа // Философские науки. – 2004. – №3. – С. 18–31.
5. Асмолов А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 3–12.
6. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / Дж. Берри // Развитие личности. – 2002. – №1. – С. 291–296.

7. Проблемы гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Северном регионе / С. Н. Варламова, Г. А. Выдрина, Р. А. Лопаткин, С. П. Малахов. – Ханты-Мансийск : изд-во ГУП «Информационно-издательский центр», 2004. – 197 с.

8. Якса Н. В. Межкультурное взаимодействие субъектов образовательного процесса / Н. В. Якса. – Житомир : изд-во ЖГУ им. И. Франко, 2007. – 350 с.

9. Муратова Э. С. Ислам в современном Крыму : индикаторы и проблемы процесса возрождения / Э. С. Муратова. – Симферополь : Эльиньо, 2008. – 240 с.

Таха А. М. Формування етнічної та релігійної толерантності в умовах полікультурного Криму / А. М. Таха // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 122–133.

У статті розглядаються проблеми міжконфесійних відносин в сучасній Україні та Криму, в якому ключове значення набуває поняття міжконфесійного діалогу, яке розглядається як найбільш адекватна форма відносин між прихильниками різних віросповідань, слугуюча для досягнення згоди між ними. Особливе значення приділено аналізу сучасних концепцій «Іслам і сучасне українське суспільство».

Ключові слова: науковий плюралізм, толерантність, етноконфесійне різноманіття, релігійна політика, «традиційний кримський іслам», міжконфесійні конфлікти, діалог культур.

Takha A. M. Formation of ethnic and religious tolerance in a multicultural Crimea / A. M. Takha // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 122–133.

The article deals with the problems of interfaith relations in contemporary Ukraine and Crimea, which becomes crucial concept of interfaith dialogue, considered as the most adequate form of relationship between followers of different faiths, employees reach agreement between them. Of particular importance to the analysis of modern concepts of "Islam and the modern Ukrainian society.

Keywords: scientific pluralism, tolerance, ethnic and religious diversity, religious politics, "Crimean traditional Islam", religious conflicts, the dialogue of cultures.

Поступила в редакцію 01.11.2011 з.

УДК 94 «192/193»:297 (477.75)

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И
МУСУЛЬМАН В КРЫМСКОЙ АССР
(НАЧАЛО 20-Х – КОНЕЦ 30-Х ГГ. XX ВЕКА)**

Хайрулдинова Э. М.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: elmaz88@mail.ru*

Рассматриваются общие черты и особенности взаимоотношений советской власти с мусульманским духовенством в Крымской АССР.

Ключевые слова: ислам, советская власть, Крымская АССР, государственно-конфессиональные отношения, мусульманское духовенство, межконфессиональная политика.

В условиях преобразования духовной жизни, возрождения духовно-нравственных традиций, сложного и противоречивого процесса возрождения традиционных религиозных институтов, актуальным становится исторический опыт существования религиозных организаций и государства. Крайне важно исследовать содержание и последствия политики, прервавшей историческую преемственность многовекового развития духовной жизни мусульман Крыма.

В этой связи в качестве задач исследования было определено: освещение событий предшествовавших принятию «Устава Центрального Духовного Управления мусульман РСФСР», рассмотрение основных положений этого документа, восстановление событий накануне принятия «Положения о религиозной организации мусульман живущих в пределах Крымской социалистической советской республики», анализ основных положений документа и выявление особенностей развития государственно-конфессиональных отношений в региональном срезе.

Для статей и монографий, посвященных данной проблеме в советский период характерны декларативность, односторонний анализ деятельности мусульманского духовенства, а главное – необъективная картина государственно-исламских отношений.

Новые акценты в изучении деятельности институтов мусульманского духовенства появились в конце 1980-х гг. В области религио- и исламоведения большую значимость приобрели проблемы взаимоотношения государства и церкви. В работах М. И. Одинцова впервые получили отражение новая история формирования советского религиозного законодательства, деятельность государственных органов, контролирующих государственно-религиозные отношения [1].

Среди публикаций 1990-х гг., в которых политика советского государства относительно мусульманских конфессий разных регионов СССР получила новые оценки, следует назвать работы В. Г. Садура [2], А. Вишневого [3], Г. Б. Фаизова [4], Р. Г. Ланды [5], М. Базарова [6].

Интерес для исследования представляет работа Р. А. Набиева «Ислам и государство» [7], посвященная государственно-исламским отношениям. В ней комплексно изучен исламский фактор в социально-политических и идеологических процессах мусульманского общества.

Истории религиозной политики советских властей в период Крымской АССР посвящены работы современных исследователей. В. Ю. Ганкевич и З. З. Хайредина в книге «Ислам в Крыму...» [8] частично рассмотрели историю органов религиозного самоуправления мусульман. Р. Н. Белоглазов в статье «Духовное образование крымских мусульман в условиях становления советской власти в Крыму» [9] осветил историю религиозной политики в отношении конфессионального образования.

Несмотря на очевидный рост публикаций и определенные достижения в изучении проблемы, очевидно, что отдельные ее вопросы не разработаны вообще, что существенно сказывается на обобщающих исторических и исламоведческих исследованиях. Это утверждение актуально и в отношении политики советского государства к мусульманскому духовенству в Крыму в рассматриваемый период. До сих пор отсутствуют какие-либо полные исследования взаимоотношений власти и мусульманских институтов.

На протяжении первых лет советской власти в стране начала формироваться новая структура мусульманских духовных институтов. В Уфе преемником Оренбургского суннитского муфтията выступило Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ). Об учреждении данного духовного управления было объявлено на II Всероссийском мусульманском съезде (июль 1917), однако фактически ЦДУМ сложилась как действующая организация лишь к концу 1920 г. В ведении ЦДУМ находилась духовная жизнь мусульман Татарской, Башкирской, Киргизской и Украинских республик, Чувашской, Вотской и Калмыцкой Автономных областей, Внутренней России и Сибири [10, с. 362–365]. В июне 1923 г. на Всероссийском съезде мусульманского духовенства председателем ЦДУМ был избран Ризаэтдин Фахретдин (Фахретдинов)¹. Тогда же видимо был принят и устав ЦДУМ [11, с. 63]. Утвержден был в НКВД РСФСР 30 ноября 1923 г. Нам удалось обнаружить копию устава в Государственном архиве при Совете Министров Автономной Республики Крым в фонде Народного управления религиозными делами мусульман Крыма [12, д. 3, л. 1–3].

По уставу учреждениями, ведающими духовно-религиозными делами мусульман, должны были стать: съезд представителей мусульманского духовенства и приходов, Центральное Духовное Управление мусульман, Совет Улемов, управление Мухтасибатов, Приходское управление (Мутавалийеты).

Созывать съезд представителей духовенства и приходов по уставу предполагалось три раза в год. Технической подготовкой съездов должно было заниматься ЦДУМ. В круг ведения съездов входили вопросы, связанные с догматической стороной учения ислама, вопросы организации духовного управления мусульман, ме-

¹ Ризаэтдин Фахретдинов (1859–1936) — исламский общественный деятель, богослов, правовед и публицист. С 1921 г. являлся временным председателем ЦДУМ, с июня 1923 г. до последних дней жизни — постоянным председателем (муфтием).

роприятия связанные с религиозным просвещением мусульман, рассмотрение отчетов ЦДУМ, выборы председателя и членов ЦДУМ и Совета Улемов при нем.

ЦДУМ в соответствии с уставом являлось исполнительным органом представителей духовенства и приходов. Избиралось съездом на три года в составе председателя (муфтия) и шести членов (казыев). Ведало всеми делами религиозно-нравственного порядка, в частности: в области религиозно-догматической и в области религиозного просвещения. Духовное управление, являясь центральным духовным учреждением мусульман, сносилось с государственными органами от имени верующих, по вопросам удовлетворения их религиозных нужд.

Согласно уставу Центральное духовное управление, должно было содержаться на вакуфные и другие добровольные пожертвования со стороны верующих мусульман. Следовало вести учет этих средств и отчитывается перед съездом о поступивших пожертвованиях и их использовании.

Для разрешения «религиозно-богословских» вопросов, необходимо было при ЦДУМ образовать Совет Улемов (ученых) из десяти лиц, избираемых съездом сроком на три года.

Управление Мухтасибатов – это районное духовное управление мусульман, подведомственное ЦДУМ. Состояло из трех членов: мухтасиба (председателя районного духовного управления мусульман) и из двух мушавиров (советников). Избирались также на съезде сроком на три года. Управление Мухтасибата, должно было исполнять все предписания и распоряжения ЦДУМ, проверять и утверждать постановления приходских собраний об открытии новых приходов, о постройке мечетей, избрании имама и муэззина. Также должно было утверждать избранных мутаваллиев и следить за исполнением обязанностей духовными лицами и вероучителями, ведать делами в области религиозного образования и заниматься их материальным обеспечением. Кроме этого в обязанности им вменялось проверять жалобы прихожан и решать их в соответствии с шариатом, разрешать споры между духовными лицами и между духовными лицами и прихожанами, председательствовать на организуемых ЦДУМ экзаменах, предоставлять доклады ЦДУМ о состоянии своего района и о проделанной работе.

Мутаваллиеты – объединения мусульман для совместного отправления религиозных обрядов и для удовлетворения религиозно-нравственных нужд.

В обязанности Приходского Управления входило: улучшение материального положения прихода, управление приходским имуществом, надзор за кладбищами, ремонт мечети и других приходских помещений, заключение договоров и сделок, претворение постановлений приходских собраний, составление приходских списков.

Для ведения дел прихода следовало избирать Приходское управление на общем собрании верующих, достигших 18 лет. Приходское управление должно было состоять как минимум из 5 лиц (имам, муэззин и трое выбранных общим собранием данного района). Имамы и муэззины избирались пожизненно собранием прихода из лиц с духовным образованием, утверждались в должности ЦДУМ.

Аналогично рассмотренным выше документу и практике решения данного вопроса в РСФСР осуществлялся процесс формирования государственно-конфессиональной политики в Крымской АССР.

В 1923 г. усилиями инициативной группы в Крыму было создано Народное управление религиозными делами мусульман Крыма (НУРДМК) — «Халк ибарей шар ыйеси», которое пришло на смену Таврическому магометанскому духовному правлению (ТМДП).

В соответствии с «Положением о религиозной организации мусульман живущих в пределах Крымской социалистической советской республики» [12, д. 16], органами религиозной организации мусульман Крыма должны были стать учреждения: съезд представителей мусульманских приходов и духовенства, Народное управление религиозными делами мусульман Крыма, Совет Улемов, Районные отделения (шахбе), Приходские попечительства.

Съезды уполномоченных предполагалось проводить один раз в году. Для рассмотрения и решения вопросов, касающихся религиозной жизни мусульман, для рассмотрения и утверждения отчетов и выбора членов НУРДМК. Они должны были приурочиваться к первому числу месяца мухаррам по хиджре.

НУРДМК должно было в соответствии с проектом «Положения» заботиться об удовлетворении нужд религиозного и нравственного характера находящихся в Крыму мусульман и заниматься решением возникающих в этой области вопросов. В частности в ведении НУРДМК должны были находиться дела, во-первых, духовно-религиозного характера (наблюдение за отправлением духовно-религиозных обрядов, выдача фетв, надзор за точным и правильным печатанием Корана и других религиозных книг); во-вторых, вопросы организации и управления (руководство деятельностью районных отделений, надзор за правильным исполнением своих обязанностей, учреждение и организация новых районных отделений, назначение и утверждение в должности мусульманских духовных лиц и т.д.); и, в-третьих, вопросы религиозного просвещения (открытие религиозных курсов для подготовки духовенства, приходских школ (мектебов), разработка и составление для них программ, надзор за ведением преподавания религии и т.д.) [12, д. 16, л. 2].

Совет Улемов занимался разрешением вопросов религиозного характера. Совет состоял из 24 улемов, избираемых сроком на один год на съезде представителей мусульманских приходов и духовенства. Созывался Совет на совещание раз в год. На совещании рассматривался годовой отчет деятельности Совета и составленные по постановлению прошлого совещания книги по догматике ислама. Планировалась работа на предстоящий год, и выдавались ответы на некоторые религиозные вопросы, выдвинутые НУРДМК или отдельными верующими [12, д. 30, л. 13]. Органами НУРДМК на местах должны были стать – районные «шахбе» (отделы) и попечительства местной приходской общины.

Денежные средства НУРДМК, а также шахбе и Приходских общинных попечительств должны были формироваться в этот период только за счет добровольных пожертвований.

Специальные поправки НКВД к проекту создания НУРДМК были изложены в соответствующем «Заключении» [12, д. 2, л. 10]. В соответствии, с которым совет-

ская власть лишила НУРДМК права открытия религиозных школ, как противоречащих политике советской власти. И включило ряд дополнений в проект.

Проект с внесенными поправками был утвержден в НКВД Крыма 5 февраля 1923 г. в соответствии с заключением Административного Управления, постановлений ВЦИКа и Совнаркома Крыма от 3 августа 1922 г. «Халк ибарей шар ыйеси» Крыма было официально создано, однако не получило статуса и прав юридического лица.

Легализация «Халк ибарей шар ыйеси» Крыма была осуществлена только после издания инструкции НКВД и Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 27 апреля 1923 г.

Проанализировав «Устав ЦДУМ» и «Положение НУРДМК» мы обнаружили, что они состоят из равного количества пунктов (23 пункта) и разделов (6 разделов). Есть различия в названиях разделов, однако последовательность их расположения идентична. Структура религиозной организации, также схожа. Сравнив функции духовных учреждений мусульман, можно сделать вывод, что РСФСР, что в Крымской АССР, они выполняли одинаковые функции.

Нужно отметить, что источники средств, на которые содержались духовные управления, отличаются. ЦДУМ содержался за счет вакуфных и других добровольных пожертвований. В то время как денежные средства НУРДМК, с учетом конфискации советской властью всего вакуфного имущества, формировались в этот период только за счет добровольных пожертвований, что, естественно, существенным образом снизило возможности управления. Так как религиозный фактор не имел в Крыму большого влияния, то вопрос о том, чтобы возратить вакуфы религиозным организациям даже не рассматривался [13, д. 403, л. 10].

Совет Улемов при ЦДУМ состоял из 10 членов, а при НУРДМК из 24. Съезд представителей мусульманских приходов и духовенства в РСФСР созывался раз в три года, а в АССР раз в год, это влияло и на срок полномочий духовных лиц.

Приходское управление (ЦДУМ) избиралось на общем собрании верующих, достигших 18 лет, а Приходская коллегия уполномоченных (НУРДМК), на общем собрании достигших 16 летнего возраста.

Рассмотрев и проанализировав «Устав Центрального Духовного Управления мусульман РСФСР» и «Положение о религиозной организации мусульман живущих в пределах Крымской социалистической советской республики» можно заключить, что структура религиозных учреждений и выполняемые ими функции были похожи.

В исследовании рассмотрено именно эти два документа, т.к. на территории советского государства существовало лишь два исламских центра, которые были представлены мусульманскими духовными институтами. Находившиеся же в Тифлисе духовные управления суннитов и шиитов после 1917 г. прекратили свое существование и в Средней Азии из-за препятствий спецслужб, тогда так и не возник общий исламский центр.

Список литературы

1. Одинцов М. И. Государство и церковь : история взаимоотношений, 1917–1938 гг. / М. И. Одинцов. – М. : Знание, 1991. – 64 с.

2. Садур В. Г. Мусульмане в СССР: история и современность / В. Г. Садур // На пути к свободе совести. – М., 1989. – С. 29–71.
3. Вишневский А. Как это делалось в Средней Азии / А. Вишневский // Наука и религия. – 1990. – № 3. – С. 7–19.
4. Фаизов Г. Б. Государственно-исламские отношения: историко-философский и социологический анализ (на материалах Башкирии и Татарии) : дис. канд. философ. наук. – М., 1993. – 245 с.
5. Ланда Р. Г. Ислам в истории России / Р. Г. Ланда. – М. : Восточная литература, 1995. – 312 с.
6. Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии, 1918–1930 гг. / М. Базаров // Этнические и региональные конфликты в Средней Азии – М. : Весь мир, 1997. – Кн.1. – С. 15–34.
7. Набиев Р. А. Ислам и государство : культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке / Р. А. Набиев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002. – 244 с.
8. Ганкевич В. Ю., Хайрудинова З. З. Органы духовного управления мусульман Советского Крыма (1920-е гг.) // Ислам в Крыму : очерки истории функционирования мусульманских институтов / Е. В. Бойцова, В. Ю. Ганкевич, Э. С. Муратова и др. – Симферополь : Элиньо, 2009. – С. 272–327.
9. Белоглазов Р. Н. Духовное образование крымских мусульман в условиях становления Советской власти в Крыму // Ганкевич В. Ю. Крымскотатарские медресе : курс лекций. – Симферополь : Доля, 2001. – С. 53–69.
10. Ислам на европейском Востоке: энциклопедический словарь / под ред. Р. А. Набиева. – Казань : Магариф, 2004. – 384 с.
11. Ислам и советское государство (1917–1936) : сб. документов. Вып. 2 / сост. Д. Ю. Арапов. – М. : изд. дом Марджани, 2010. – 208 с.
12. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК), ф. Р-1518, оп. 1.
13. ГААРК, ф. Р-663, оп. 10.

Хайруддінова Є. М. Особливості взаємовідносин радянської влади та мусульман у Кримській АРСР (початок 1920 – кінець 1930 рр.) / Є. М. Хайруддінова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 134–139.

Розглядаються загальні риси й особливості взаємин радянської влади з мусульманами у Кримській АРСР.

Ключові слова: іслам, радянська влада, Кримська АРСР, державно-конфесійні відносини, міжконфесійна політика.

Khayruddinova E. M. The Peculiarities of Relationship of Soviet Government and Muslims in the Crimean Autonomous Republic (1920 – 1930) / E. M. Khayruddinova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 134–139.

The article discusses the general features and some peculiarities of the relationship between Soviet state and the Muslim clergy in the Crimean Autonomous Republic.

Keywords: Islam, the Soviet government, the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, state-confessional relationships, interfaith politics.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

УДК 792.2(09)(477.75)

КРЫМСКИЕ ГАСТРОЛЬНЫЕ ТУРЫ ПАВЛА ОРЛЕНЕВА

Шендрикова С. П.

*Таврический Национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru*

В статье идет речь о гастрольных поездках знаменитого драматического артиста России начала XX века Павла Николаевича Орленева по Крыму.

Ключевые слова: гимназия, образование, творческий путь, сценическое мастерство, главная роль.

История театрального искусства в Крыму богата и многогранна. Истоки её простираются ещё во времена Античности. Крымское средневековье тоже имеет свои примеры театрализованных представлений. Но, пожалуй, самым ярким периодом в свете становления профессионального театрального искусства на полуострове является конец XIX – начало XX веков, когда в Симферополе был образован стационарный театр. На сцене его, приезжая с гастрольными спектаклями из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и других городов Российской империи выступали такие знаменитые артисты того времени, как М. Щепкин, М. Ермолова, Д. Шаляпин, М. Савина и многие другие.

В числе столичных знаменитостей, не раз бывавших в Крыму – Павел Николаевич Орленев. В разное время жизни и творчеству великого русского актёра посвящали свои научные труды А. Мацкин (занимался биографией Орленева), наша землячка Л. Касьяненко (посвятила ряд своих работ образам артиста на крымских подмостках). Однако насыщенная гастрольная жизнь Павла Орленева позволяет нам заниматься его биографией ввиду множества неясных моментов и неточностей.

По материалам местной прессы рассматриваемого периода сделан акцент на крымских гастролях актёра.

Павел Николаевич Орлов (Орленев – сценический псевдоним артиста) родился 22 февраля (6 марта) 1869 года в семье московского купца Николая Тихоновича Орлова, который в своё время был простым крестьянином из подмосковного Дмитровского уезда. В момент рождения будущего великого артиста в соседнем помещении праздновалась свадьба и повсюду звучала весёлая музыка. Павел Орленев любил об этом говорить и считал, что «музы с самого начала отметили его рождение» [1, с.6].

Своё начальное образование Павел Орлов получил в одной из московских гимназий, из которой был исключён за «страсть» к театру [1, с.8].

Потом была очередная попытка продолжить обучение, но следующую гимназию юноша бросил сам. Узнав о том, что в училище при императорских театрах объявлен набор, он с лёгкостью сдал все экзамены и был зачислен. К слову, одним из экзаменаторов начинающего артиста была Г.Н. Федотова. А А.Н. Островский в протоколе испытаний «бывших на сцене Малого театра в марте 1886 года» записал,

что у «очень молодого артиста (Орлова – авт.) хорошие задатки», хотя он «недостаточно подготовлен» [2, с.308].

Забегаю вперёд, скажем, что пройдёт 24 года и весной 1910 Орленев, в одном из посланий своему другу и театральному критику Д.Л. Тальникову отправит телеграмму: «Вчерашний день лучший всей моей жизни. Начал бесплатный крестьянский спектакль. Не могу найти радостных слов моему ликованию» [3].

Во время гастрольных скитаний Павел Орленев неожиданно для самого себя женился. В маленьком литовском городке Паневеж (ныне Паневежис) он встретил молодую провинциальную актрису Елизавету Павловну Скромнову. Она стала его первой, но не последней женой и родила дочь Ирину [1, с.33].

Этот брак не принёс супругам ожидаемого счастья, а пока впереди Павла Николаевича ждала одна из самых знаменитых столичных театральных трупп того времени. Журнал «Артист» за 1893 год сообщал читателям о том, что в труппу театра Корша «приглашён на зиму на роли водевильных любовников провинциальный актёр г. Орленев, служивший перед этим в Вильно и Ростове-на-Дону» [4, с.205].

С театра Корша началась долгая многолетняя тёплая дружба Павла Николаевича с Антоном Павловичем Чеховым. На сцене этого знаменитого московского театра, рядом с достойными коллегами, Орленев постепенно приобретал сценическое мастерство, и, безусловно, огромную любовь зрителей.

Однако актёр по-прежнему не перестаёт гастролировать в провинции России и среди многих таких поездок периодически упоминается Крым. Симферополь, Севастополь, Ялта, Керчь радушно принимали Орленева и когда он ещё не был столичной знаменитостью. На самых ярких и запомнившихся крымских гастролях Павла Орленева мы остановимся подробнее.

В Крым с гастрольными спектаклями Орленев приезжал ещё в 80-90-х годах XIX века. Но тогда он был ещё безызвестным актёром, и анонсы местных газет не оставили нам тому доказательств.

Однако уже в начале следующего века в крымских афишах мы часто встречаем следующее: «Только две гастроли известного артиста П.Н. Орленева...» [5].

В Симферополе на сцене летнего театра актёр выступал с одним спектаклем 9 июня 1900 года с труппой Санкт-Петербургского Литературно-Художественного театра. Гастролёрами была представлена драма Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Орленев играл Раскольникова [6].

Местный театральный критик, подписавшийся как Н.Б-ха, анализируя данную постановку в газете «Крым» за 11 июня 1911 года, говорил о том, что, несмотря на увеличенную стоимость на входные билеты желающих попасть на спектакль было столько, что «потребовались приставные места» [7]. Далее автор сделал акцент на том, что затянувшийся спектакль (до половины второго ночи) нисколько не смущал симферопольцев, а напротив: «публика была так наэлектризована прекрасною игрою и драматическими моментами, что почти не выходила из театра даже во время антрактов» [7]. Помимо всего, автор театральной заметки не мог отказать себе в удовольствии прокомментировать блестящую игру Павла Орленева: «...об Орленеве надо сказать, что он великий мастер и художник сцены. Так понять страдания

гордой и беспокойной человеческой души, так верно передать оттенки умственных и сердечных тревог и волнений, может только... выдающийся артист» [7].

Севастопольцам тоже посчастливилось в начале лета 1900 года увидеть высокое искусство мастера столичной Мельпомены. Практически за неделю до гастролей спектаклей севастопольская пресса объявила жителям городам о прибытии Орленева всего на два спектакля [8; 9], а севастопольские критики так прокомментировали игру актёра: «...в роли Раскольникова впечатление получилось весьма выгодное для артиста. Нервность исполнения, прекрасно обдуманная читка, порою неподдельное увлечение ролью – таковы характерные черты исполнения г. Орленева данной роли» [10].

Блестящий триумф Раскольникова-Орленева по России предваряли мучительные искания, сомнения, титанический труд в работе над образом.

А. Мацкин, занимавшийся многие годы жизнью и творчеством П. Орленева, приводит в одной из своих статей строки из письма артиста к Суворину, написанные в первые дни репетиции «Преступления и наказания»: «Уважаемый Алексей Сергеевич!.. Я весь истерзался... Много раз перечитав пьесу, я пришёл к заключению, что я не в состоянии сыграть Раскольникова...» [11, с.112-123].

Павел Орленев открыл для себя великого русского писателя, тем самым подарил гений Достоевского всему миру.

С творчеством Ф.М. Достоевского Павел Николаевич продолжил знакомить крымчан и в роли Дмитрия Карамазова (по роману «Братья Карамазовы»). Летние гастроли со своей труппой Орленев начал в Севастополе 16 и 17 июня [12]. Здесь в Городском летнем театре столичные артисты дали два спектакля, а местная газета напечатала интервью Павла Николаевича: «Отсюда г. Орленев со своей труппой едет в Симферополь, где в числе пьес пойдёт также «Братья Карамазовы». Роль Дмитрия Карамазова, по словам артиста, его любимая» [13].

Газета «Крым» за 16 июня 1901 года в подробностях извещала симферопольцев о предстоящих спектаклях труппы Орленева. Спектакль «Братья Карамазовы» был дан 20 июня [14].

В этой же гастрольной поездке Павел Николаевич представил крымским зрителям пьесу Г. Гауптмана «Михаил Крамер». Пьеса была дана 19 июня. В этой драме артист сыграл Арнольда [15]. И уже после спектакля театральные критики не заставили себя ждать: «Отчего Орленев выбрал такую пьесу, где у него такая маленькая роль? Так говорили вчера во время... драмы «Михаил Крамер», в которой Орленев играл роль сына, беспутного с виду, но честного в душе, Арнольда... Орленев-Арнольд доставил нам громадное эстетическое наслаждение...» [16].

21 июня 1901 года состоялся бенефис артиста П.Н. Орленева. Газета «Крым», анонсируя этот спектакль, писала: «...В бенефисе П.Н. Орленева поставлена будет сенсационная новинка театра Сарры Бернар в Париже, шедшая там 350 раз подряд, с С. Бернар в заглавной роли, пьеса известного французского драматурга Эдмона Ростана «Орлёнок» («L'aiglon») в четырёх действиях, перевод с французского К. Дмитриева и И. М-ва. Роль герцога Рейхштадтского (сына Наполеона I)... исполняет П.Н. Орленев...» [17].

По мнению Людмилы Касьяненко, из симферопольских гастролей Павла Орленева наиболее яркими были летние гастроли 1901 года. Эту незабываемость (как со стороны публики, так и со стороны актёра) им придал спектакль «Царь Фёдор Иоаннович» по роману А.К. Толстого, который был представлен симферопольцам в первый же вечер гастролей [18, с.24]. Крымская пресса, освещая спектакль «Царь Фёдор», написала: «...г. Орленев... имеет прекрасных партнёров, благодаря игре которых его личная игра получила полную законченность... его имя стало синонимом талантливого, художественного исполнения героев с любящей, но больной душой. Алексей Толстой написал свою трагедию, словно имел в виду такого исполнителя, как Орленев. Здесь каждый шаг, каждый взгляд, не говоря уже о каждом слове, дышал глубокой жизненной правдой и художественным пониманием психологической стороны человека...» [19].

Людмила Касьяненко, говоря о постановке «Царь Фёдор», выделяет некую «символичность» в судьбе Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького: «Не раз ставившаяся на симферопольской сцене, она знаменовала собой значительные вехи в его жизни» [20, с.28].

Надо сказать, что с Крымом Павла Орленева связывали не только приятные воспоминания о тёплых приёмах его сценических работ. Урождённая крымчанка, родившаяся в Ялте – Марес Идес (на русский манер Аделаида) Левентон, прославившаяся на весь мир актриса под сценическим псевдонимом Аллы Назимовой, стала самой главной женщиной в жизни Павла Орленева, единственной и роковой его любовью.

Они познакомились в 1900 году в Костроме, где Алла Назимова выступала в местной труппе, а Павел Орленев приехал на гастроли.

Зинаида Левицкая, изучавшая жизнь и творчество нашей знаменитой землячки, пишет о том, что Орленев «влюбился в неё сразу... умопомрачительно, но не только, он разглядел в ней «звезду», поверил в её талант... С этого момента начались их партнёрство на сцене и роман в жизни, встречи и расставания, общие планы, мечты о своём театре... Ей пришлось сопереживать ему во всём: взлётах и падениях, мучительных поисках и фанатичной преданности искусству, его перепадах настроения, которые он лечил алкоголем. Они будут вместе несколько лет, потом их пути разойдутся, она останется в Америке, а он вернётся в Россию» [21, с.159].

Близкий друг Орленева, русский актёр А.А. Мгебров говорил: «Алла Назимова была, быть может, единственной женщиной в жизни Орленева, которую он действительно глубоко любил. Из неё создал актрису...» [22, с.153].

С Крымом Павла Орленева связывала и тёплая дружба с Антоном Павловичем Чеховым, который в начале века (XX – авт.) подолгу жил на Южном берегу по рекомендации врачей. Орленев несколько раз встречался с драматургом в Ялте, о чём свидетельствуют личные письма Чехова [23, с.67].

В начале сентября 1905 года Орленев и Назимова вместе находились в приморском городе и порадовали неискушённую ялтинскую публику своим искусством. Местная пресса писала: «в зале ялтинского общественного собрания 2 сентября 1901 года состоится спектакль артиста Санкт-Петербургского литературно-артистического общества П.Н. Орленева при участии артистки А.А. Назимовой...»

[24]. Помимо этого, привлекая к участию столичных артистов, Орленев и Назимова 6 сентября в том же зале провели литературно-музыкальный вечер «в пользу попечительства о нуждающихся приезжих больных» [25].

В 1901 году, в декабре, Павел Орленев снова побывал в Крыму. На этот раз он дал только два спектакля («Царь Фёдор» и «Михаил Крамер») в Севастополе [26].

Павел Орленев со своими постановками бывал в Крыму практически ежегодно. Местная пресса того времени об этом ярко свидетельствует. Так, крымские газеты за весну 1904 года нам сообщают: «Только один спектакль! 14 марта, Павел Орленев... представлено будет знаменитое произведение Генриха Ибсена, только что разрешённое к представлению в России «Привидение» (призраки) – семейная драма в трёх действиях... П.Н. Орленев в роли... Освальда...» [27].

В этом же году Павел Николаевич приезжает в Крым с одним спектаклем в начале осени [28]. Снова ставилось ибсеновское «Привидение», а пресса дала подробный отчёт о спектакле: «...Талант Орленева в этот вечер проявился во всей своей силе и мы видели перед собой страшные душевные страдания молодой талантливой жизни, погибавшей за грехи отцов. Каждый жест, каждое движение мускулов лица указывали на ту глубокую вдумчивость, которую вкладывал великий артист в изучение своей роли и вместе с тем поражали своей неподражаемой естественностью. Театр был полон. 22 сентября симферопольцы снова будут иметь возможность видеть игру Орленева, так как он приедет ещё на один спектакль...» [29].

В газете «Крым» за 24 сентября 1904 года говорилось о том, что в этот день состоится спектакль «Братья Карамазовы» в главных ролях с П. Орленевым и А. Назимовой [30].

Через два дня после спектакля крымские критики подчёркивали, что: «Мы уже не раз видели Орленева в... роли (Дмитрия Карамазова – авт.) и не можем не заметить, что за это время Орленев ещё более разработал эту трудную в психологическом отношении роль...» [31].

После этого П. Орленев вместе со своей труппой побывали с несколькими спектаклями в Евпатории, но уже 28 сентября знаменитый гастролёр снова выступал на симферопольских подмостках, на сей раз в образе Арнольда Крамера [32].

27 сентября в ялтинском зале общественного собрания Павел Орленев участвовал в благотворительном литературно-музыкальном вечере «в пользу нуждающихся приезжих больных» [33].

Павел Николаевич Орленев умер 31 августа 1932 года в возрасте 63 лет. Похоронен в Москве, в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Подводя итоги данной научной статьи, надо сказать о том, что гастрольные поездки по Крыму Павла Орленева являют собой один из самых ярких и достойных моментов в истории театрального искусства нашего полуострова. Благодаря им крымчане смогли познакомиться с драматургией Достоевского, Ибсена и многих других классиков мировой литературы.

Список литературы

1. Мацкин А. Орленев : жизнь в искусстве. – М. : Искусство, 1977. – 383 с.
2. Островский А.Н. Полн. собр. соч. : в 16 т. – М. : Гослитиздат, 1952. – Т. 12. – 653 с.
3. Отдел рукописей Государственной библиотеки Российской Федерации, ф. 487, оп. 1, д. 35, л. 52.

4. Провинциальная хроника // Артист. – 1893. – № 28. – С. 205.
5. Городской театр // Крымский вестник. – 1900. – 2 июня.
6. Летний театр // Крым. – 1900. – 8 июня.
7. Театр и музыка // Крым. – 1900. – 11 июня
8. Театр и музыка // Крымский вестник. – 1900. – 2 июня
9. Городской театр // Крымский вестник. – 1900. – 3 июня.
10. Театр и музыка // Крымский вестник. – 1900. – 9 июня
11. Мацкин А. Орленев // Театр. – 1976. – № 7. – С. 112–123.
12. Городской летний театр // Крымский вестник. – 1901. – 16 июня.
13. Театр и музыка // Крымский вестник. – 1901. – 19 июня
14. Летний театр городского сада // Крым. – 1901. – 16 июня
15. Летний театр городского сада // Крым. – 1901. – 19 июня
16. Театральная заметка // Крым. – 1901. – 21 июня.
17. Летний театр городского сада // Крым. – 1901. – 21 июня.
18. Касьяненко Л. Храм Мельпомены. – Симферополь : СГТ, 2007. – 88 с.
19. Летний театр городского сада // Крым. – 1901. – 21 июня.
20. Касьяненко Л.Г. Храм Мельпомены – 2. – Симферополь : Доля, 2010. – 128 с.
21. Левицкая З. Алла Назимова – звезда Голливуда в Ялте // Берега Тавриды. – 2010. – № 5. – С. 154–172.
22. Мацкин А. Орленев. – М. : Искусство, 1977. – 346 с.
23. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма в 12 т. – М. : Наука, 1981. – Т. 10. – 481 с.
24. Анонс // Крымский курьер. – 1901. – 31 авг.
25. Анонс // Крымский курьер. – 1901. – 6 сент.
26. Анонс // Крымский вестник. – 1901. – 18 дек.
27. Городской клуб // Крым. – 1904. – 10 марта.
28. Симферопольский городской клуб // Крым. – 1904. – 10 сент.
29. Театральная заметка // Крым. – 1904. – 14 сент.
30. Городской клуб // Крым. – 1904. – 24 сент.
31. Театральная заметка // Крым. – 1904. – 26 сент.
32. Театральная заметка // Крым. – 1904. – 28 сент.
33. Театральная заметка // Крым. – 1904. – 1 окт.

Шендрікова С.П. Кримські гастрольні тури Павла Орленева / С. П. Шендрікова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 140–145.

В статті йдеться про гастролі знаменитого драматичного актора Росії початка ХХ століття Павла Миколайовича Орленева по Криму.

Ключові слова: гімназія, освіта, творчий шлях, сценічна майстерність, головна роль.

Shendrikova S. P. Crimean guest tour of Pavel Orlenev / S. P. Shendrikova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 140–145.

In the presented article the guest tour of the famous Russian drama actor Pavel Orlenov around Crimea in the beginning of the XXth century is analysed.

Keywords: high school, education, stage mastery, main part.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимченков Виктор Владимирович	магистрант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Андреева Лариса Юрьевна	соискатель кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Анисимова Ольга Сергеевна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Близняков Роман Александрович	кандидат исторических наук, и.о. доцента кафедры музейного дела и охраны памятников истории и культуры РВУЗ «Крымский университет культуры искусств и туризма»
Ганкевич Виктор Юрьевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Гогунская Татьяна Александровна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Ищенко Элеонора Сергеевна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Каушлиев Геннадий Сергеевич	соискатель кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Малышев Дмитрий Аркадьевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Сенцова Эльвина Изетовна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Сейтмететова Сельвина Алиевна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серова Екатерина Дмитриевна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

Таха Али Мохамад	председатель Всеукраинской ассоциации общественных организаций АЛБРАИД в автономной Республике Крым
Хайрулдинова Эльмаз Мухиддиновна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Шендрикова Снежана Павловна	докторант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

СОДЕРЖАНИЕ

Акімченков В. В.

З історії розвитку музейної справи у Севастополі:
за матеріалами газети «Маяк Коммуны».....3

Андреева Л. Ю.

Маловідоме листування академіків: Д. І. Яворницький – М. С. Самокиш14

Анисимова О. С.

Справочные издания как источник для изучения истории городов Крыма23

Ганкевич В. Ю.

Правлячий герцог Фердинанд Ангальт-Кетен-Плесський –
засновник колонії Асканія-Нова31

Гогунская Т. А.

Трагедия Крымского фронта 1942 года в мемуарах и дневниках.....46

Ищенко Э. С.

Проблемы восстановления симферопольского
Александро-Невского собора (1991–2003).....56

Каушлієв Г. С.

До історії пам'яткознавчих розвідок мандрівників
у Криму наприкінці XVIII – в першій половині XIX століття66

Малышев Д. А., Близняков Р. А.

Некоторые направления фондовой работы музеев древностей Крыма75

Непомнящий А. А.

К восстановлению географии археологических
исследований Н. Л. Эрнста в Крыму.....83

Сеитова Э. И.

Программа хозяйственно-бытового обустройства
колхозников-переселенцев в крымской области в 60-х годах XX века96

Сейтмететова С. А.

Учебники издательства И. Гаспринского для преподавания
светских дисциплин в мусульманских школах.....105

Серова Е. Д.

Заведения трактирного промысла Крыма во второй половине XIX века111

Таха А. М.

Формирование этнической и религиозной толерантности
в условиях поликультурного Крыма.....122

Хайрулдинова Э. М.

Особенности взаимоотношений Советской власти
и мусульман в Крымской АССР (начало 20-х – конец 30-х гг. XX века)134

Шендрикова С. П.

Крымские гастрольные туры Павла Орленева140

Сведения об авторах146